

Achtung! Partisanengebiet!
Betreten westlich der Strasse
Karatschew-Resseta für Zivil-
und Militär streng verboten.
Wer angetroffen wird, wird
erschossen.

Ortskommandantur
Karatschew.

ВНИМАНИЕ!

Опасность - партизаны!

Строго воспрещается для гражданского насе-
ления, а также военным появляться в
районе западнее дороги Карачев-Ресета.

Всякий, кто появляется в запретном районе
будет расстрелян.

Местная комендатура Карачев.

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА

карл шмитт

НОВАЯ НАУКА ПОЛИТИКИ

THEORIE DES PARTISANEN

Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen

von

Carl Schmitt

Duncker & Humblot
Berlin 1963

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА

Промежуточное замечание

к понятию политического

Карл Шмитт

Праксис
Москва 2007

УДК 1/14
ББК 87.6
Ш73

Перевод с немецкого Ю. Ю. Коринца
под редакцией Б. М. Скуратова

Составление, общая редакция, комментарии
и послесловие Т. А. Дмитриева

Шмитт Карл

Ш73 Теория партизана / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. — М.:
Праксис, 2007. — 301 с.
ISBN 978-5-901574-66-9

Классическая работа известного немецкого правоведа и политического теоретика Карла Шмитта, посвященная рассмотрению партизана как «фигуры мирового духа», начиная с его зарождения в ходе борьбы испанского народа против наполеоновских войск в 1808–1813 годах и вплоть до судьбы партизана в ходе «всемирной гражданской войны» XX века.

© Ю. Ю. Коринец, перевод, 2007

© А. Кулагин, оформление
обложки, 2007

© Издательская группа «Праксис»,
2007

ISBN 978-5-901574-66-9

СОДЕРЖАНИЕ

Теория партизана	7
Беседа о партизане	145
Комментарии	179
<i>Тимофей Дмитриев. Теория партизана вчера и сегодня</i>	203

**ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА.
ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ
ПО ПОВОДУ ПОНЯТИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО**

**Посвящается Эрнсту Форстхоффу
к 60-летнему юбилею
13 сентября 1962 года**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный трактат о «Теории партизана» возник из двух лекций, которые я прочитал весной 1962 г. — 15 марта в Памплоне, по приглашению Estudio General de Navarra*, и 17 марта в Сарагосском университете, в рамках мероприятий кафедры имени Палафокса^{1*}, по приглашению ее директора, профессора Луиса Гарсиа Ариаса. Лекция напечатана в публикациях кафедры в конце 1962 г.

Подзаголовок «Промежуточное замечание по поводу понятия политического» можно объяснить, исходя из конкретного момента публикации. В настоящее время издательство готовится вновь опубликовать мой текст 1932 г.^{2*} В последние десятилетия появились многочисленные короллории к данной теме. Данное сочинение не является таким королларием; это самостоятельный, хотя и эскизный труд, тема которого неизбежно выливается в проблему различения друга и врага. Таким образом, я хотел лишь представить эту разработку моих весенних лекций 1962 г. в непритязательной форме промежуточного замечания и тем самым сделать их доступными для всех, кто до сих пор внимательно следил за сложной дискуссией о понятии политического.

Февраль 1963 г.

Карл Шмитт

* Всеобщей учебной мастерской провинции Наварра (*исп.*).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Взгляд на исходное положение 1808–1813 гг.	11
Горизонт нашего рассмотрения	20
Слово и понятие «партизан»	26
Взгляд на международно- правовое положение	39

Развитие теории

Прусские разногласия с партизанством	54
Партизан как прусский идеал 1813 г. и поворот к теории	64
От Клаузевица к Ленину	76
От Ленина к Мао Цзэду	86
От Мао Цзэдуна к Раулю Салану	96

Аспекты и понятия последней стадии

Аспект пространства	105
Разрушение социальных структур	111
Всемирно-политический контекст	114
Технический аспект	117
Легальность и легитимность	124
Действительный враг	130
От действительного врага к врагу абсолютному	136

ВВЕДЕНИЕ

Взгляд на исходное положение 1808—1813 гг.

Исходным положением для наших рассуждений о проблеме партизана служит герилья, которую испанский народ вел в 1808—1813 гг. против армии иноземного завоевателя. В этой войне народ — добуржуазный, доиндустриальный, не усвоивший условностей народ — впервые столкнулся с современной, возникшей благодаря опыту Французской революции, хорошо организованной, регулярной армией. Из-за этого открылись новые пространства войны, образовались новые понятия ведения войны и появилось новое учение о войне и политике.

Партизан сражается иррегулярным образом. Но различие между регулярной и иррегулярной борьбой зависит от организованности регулярного и обретает свою конкретную противоположность, а тем самым и свое понятие только в современных организационных формах, которые возникают из войн Французской революции. Во все времена человечество вело множество войн и битв; во все времена существовали правила ведения войны и правила ведения боя, и вследствие этого также нарушения правил и пренебрежение правилами. В особенности во все времена разложения, к примеру, в период Тридцатилетней войны на немецкой земле (1618—1648), затем во всех гражданских и колониальных войнах миро-

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА

вой истории снова и снова обнаруживаются явления, которые можно назвать партизанскими. Только при этом следует иметь в виду, что, для теории партизана в целом, сила и значение его иррегулярности определяется силой и значением регулярного, поставленного партизаном под вопрос. Именно это регулярное государства, как и регулярное армии обретает как во французском государстве, так и во французской армии благодаря Наполеону новую, точную определенность. Бесчисленные войны белых завоевателей с американскими индейцами с XVII по XIX вв., впрочем, как и методы Riflemen (стрелков) во время американской войны за независимость против английской регулярной армии (1774–1783) и гражданская война в Вандее между шуанами и якобинцами (1793–1796) все без исключения относятся еще к донаполеоновской стадии. Новое военное искусство регулярных армий Наполеона возникло из нового, революционного способа ведения боевых действий. Одному прусскому офицеру того времени вся кампания Наполеона 1806 г. против Пруссии представлялась лишь как «Политиканство по-крупному»¹.

¹ Eberhard Kessel, Die Wandlung der Kriegskunst im Zeitalter der französischen Revolution, Historische Zeitschrift Bd. 148 (1933) S. 248 f., und 191 (1960) S. 397 ff. (Besprechung von Quimby, The Background of Napoleonic Warfare); Werner Hahlweg, Preussische Reformzeit und revolutionärer Krieg, Beiheft 18 der Wehrwissenschaftlichen Rundschau, Sept. 1962, S. 49/50: «Наполеон из этого (т. е. из нового способа борьбы революционного массового народного войска) создал почти образцово законченную систему, свои опера-

Партизан испанской герильи 1808 г. был первым, кто отважился иррегулярно бороться против первых современных регулярных армий. Наполеон осенью 1808 г. разгромил регулярную испанскую армию; собственно испанская герилья началась только после этого поражения регулярной армии. Еще нет полной, документированной истории испанской партизанской войны². Она, как говорит Фернандо Солано Коста (в цитиро-

вании великой войны, собственную великую тактику и собственную великую стратегию». Прусский офицер и публицист Юлиус фон Фосс считал, что всю кампанию Наполеона 1806 г. «можно назвать политиканством по-крупному» (W. Hahlweg, a.a.O., S. 14).

² Из публикаций кафедры имени генерала Палафокса Саргосского университета ср. том *La Guerra Moderna* 1955: Fernando de Salas Lopez, *Guerillas y quintas columnas* (II, p. 181–211); из тома *La Guerra de la Independencia Espanola y los Sitios de Zaragoza* 1958: Jose Maria Jover Zamora, *La Guerra de la Independencia Espanola en el Marco de las Guerras Europeas de Liberacion (1808–1814)* p. 41–165; Fernando Solano Costa, *La Resistencia Popular en la Guerra de la Independencia: Los Guerrilleros* (p. 387–423); Antonio Serrano Montalvo, *El Pueblo en la Guerra de la Independencia: La Resistencia en las Ciudades* (p. 463–530). Оба основополагающих сочинения Луиса Гарсиа Ариаса (Luis Garcia Arias) входят в: *La Guerra Moderna, I (Sobre la Licitud de la Guerra Moderna)* и в *Defensa Nacional, 1960, El Nuevo Concepto de Defensa Nacional*. Ф. Солано Коста констатирует в конце своего цитированного сочинения, что до сих пор отсутствует документированная история испанской народной борьбы с Наполеоном. Тем не менее мы должны здесь назвать его сочинение — как и сочинение Хосе Хавьера Самора (Jose

ванном в примечаний сочинении «Герильерос» (Los Guerrilleros)) необходима, но и очень трудна, поскольку общеиспанская герилья складывалась из приблизительно 200 региональных малых войн в Астурии, Арагоне, Каталонии, Наварре, Кастилии и т. д., под руководством многочисленных борцов, чьи имена окутаны множеством мифов и легенд, среди них Хуан Мартин Диес (Juan Martin Diez), который как Empesinado* стал ужасом для французов и сделал дорогу из Мадрида в Сарагосу ненадежной³. Эта партизанская война

Jover Zamora) — и с благодарностью выделить как выдающийся сборник и как важный источник нашей информации. Испанские труды по истории рассматривают герилью по-разному, и в любом случае они не удовлетворяют современного интереса к общему изложению (Conde de Toreno, Modesto Lafuente t. 5, Rodriguez de Solis, Jose M. Garcia Rodriguez); очень подробно еще Хосе Гомес де Артече в томах 4, 5, 7, 9, 11 и 14 его истории войны за независимость. Упоминание здесь французских, английских и немецких исследований завело бы нас слишком далеко; ср. блестящее обозрение в сообщении «El Guerrillo y su Trascendencia» Фернандо Солано Коста, в публикациях Congreso Historico Internacional de la Guerra de la Independencia y su Epoca, Institucion Fernando el Catolico, Zaragoza март/апрель 1959; там также доклад «Aspectos Militares de la Guerra de la Independencia» Сантьяго Амадо Лорига (Santiago Amado Loriga), и «La Organizacion administrativa Francesa en Espana» Хуана Меркадера Рибса (Juan Mercader Ribas).

* Упрямец (*исп.*).

³ Ср. F. Solano Costa, a.a.O., S. 387, 402, 405; Грегорио Мараньон издал главу об Empesinado из английской книги Hardman, Peninsular Scenes and Sketches, Edinburgh and

велась обеими сторонами с ужаснейшей жестокостью, и не вызывает удивления то, что больше исторического материала было напечатано со стороны образованных, писавших книги и воспоминания *Afrancesados*, друзей французов, нежели со стороны герильерос. Однако как бы ни соотносились миф и легенда, с одной стороны, и документированная история, с другой, — линии нашего исходного положения в любом случае ясны. Согласно Клаузевицу, часто половина совокупных французских боевых сил находилась в Испании и половина из них, а именно 250 000—260 000 человек, были втянуты в герилью; число самих герильерос оценивается Гомесом де Артече в 50 000, другие предлагают гораздо меньшие цифры.

Ситуация испанского партизана 1808 г. характеризуется прежде всего тем, что он отваживался на борьбу на своей малой родине, в то время как его король и королевская семья еще точно не знали, кто же настоящий враг. В этом отношении легитимная власть вела себя тогда в Испа-

London 1847, в испанском переводе. Хосе де Артече печатает в томе 14 доклад об Емресинадо в качестве дополнения. Наряду с Емресинадо необходимо упомянуть священника Мерино, которому посвящен последний рассказ в упомянутом «Емресинадо», изданном Г. Мараньоном. Емресинадо и священник Мерино в 1823 г., когда французы по заданию Священного Союза вступили в Испанию (знаменитые «сто тысяч сынов Людовика святого»), были по разные стороны фронта: Емресинадо на стороне конституционалистов, священник Мерино на стороне абсолютистской Реставрации и французов.

нии не иначе, чем в Германии. Кроме того, ситуация в Испании характеризуется тем, что образованные слои аристократии, высшего духовенства и буржуазии повсюду были *afrancesados* (друзьями французов), то есть симпатизировали иноземному завоевателю. И в этом отношении выявляются параллели с Германией, где великий немецкий поэт Гете создавал гимны во славу Наполеона, а немецкие образованные сословия так окончательно и не уяснили для себя, на чьей же они стороне. В Испании Guerrillero осмеливался на безнадежную борьбу, этот бедняга представлял собой первый типичный случай иррегулярного пушечного мяса конфликтов, имеющих всемирно-политическое значение. Все это принадлежит теории партизана в качестве увертюры.

В те годы одна искра залетела из Испании на север. Она не раздула там такой же пожар, который обеспечил испанской герилье ее всемирно-историческое значение. Но она оказала там воздействие, распространение которого сегодня, во второй половине XX в., изменяет облик Земли и человечества. Она вызвала к жизни *теорию* войны и вражды, последовательно достигающую кульминации в теории партизана.

Сначала, в 1809 г., во время краткой войны, которую вела австрийская монархия против Наполеона, была предпринята планомерная попытка подражать испанскому примеру. Австрийское правительство в Вене с помощью знаменитых публицистов, среди которых были Фридрих Генц^{3*} и Фридрих Шлегель^{4*}, инсценировало национальную пропаганду против Наполеона.

Были переведены на немецкий язык и распространялись испанские труды⁴. Генрих фон Клейст^{5*} поспешил сюда и продолжил после этой австрийской войны 1809 г. антифранцузскую пропаганду в Берлине. В эти годы, вплоть до смерти в ноябре 1811 г., он стал истинным поэтом национального сопротивления иноземному завоевателю. Его драма «Битва Арминия» («Die Hermannsschlacht») — величайшее партизанское произведение всех времен. Он также сочинил стихотворение «К Палафоксу» (An Palafox), поставив защитника Сарагосы в один ряд с Леопидом^{6*}, Арминием^{7*} и Вильгельмом Теллем^{8*}.⁵

⁴ Peter Rassow, Die Wirkung der Erhebung Spaniens auf die Erhebung gegen Napoleon I, Historische Zeitschrift 167 (1943) S. 310–335, обсуждает листовку испанского министра Себальоса (Ceballos), Эрнеста Морица Арндта и «Катехизис немца» Клейста; другая литература у W. Hahlweg, a.a.O., S. 9, Anm. 9–13 (о восстаниях в Германии 1807–1813). Также полковник фон Шепелер, который впоследствии стал известен как историограф испанской войны за независимость, на севере принимал участие в австрийских планах вооруженного восстания против французов: Hans Jureschke, El Colonel von Schepeler, Character y Valor informativo de su obra historiografica sobre el reinado de Fernando 7 in der Revista de Estudios Politicos Nr. 126 (Sonder-Nummer über die Verfassung von Cadiz 1812) S. 230.

⁵ Рудольф Боркхардт включил стихотворение Клейста «К Палафоксу» в свой сборник Ewiger Vorrat deutscher Poesie (1926). Впрочем, защитник Сарагосы, генерал Палафокс, не был партизаном, но был регулярным профессиональным офицером, и героическая оборона города всем населением, мужчинами и женщинами, была, как подчер-

То, что реформаторы в прусском генеральном штабе, прежде всего Гнейзенау^{9*} и Шарнхорст^{10*}, были глубочайшим образом потрясены испанским примером и старались в своих реорганизациях иметь его в виду, известно и будет еще разбираться ниже. В мире идей этих прусских офицеров генерального штаба 1808–1813 гг. заключены также зародыши книги «О войне», благодаря которой имя Клаузевиц получило почти мифическое звучание. Его формула о *войне как продолжении политики* содержит уже в сжатом виде теорию партизана, логика которой доведена до конца Лениным и Мао Цзэдуном, как мы еще покажем.

До настоящей герильи — народной войны, которая должна быть упомянута в связи с нашей проблемой партизана, дело дошло только в Тироле, где действовали Андреас Хофер, Шпекбахер и капуцинский монах Хаспингер. Тирольтцы стали *мощным факелом*, как выразился Клаузевиц⁶. Впрочем, этот эпизод 1809 г. быстро закончился^{11*}. И в остальных областях Германии дело не дошло до партизанской войны против французов. Мощный национальный импульс, обнаруживающийся в отдельных мятежах и партизанских отрядах, очень быстро и без остатка перешел в пути регулярной войны. Весенние и

кивает Ханс Шомерус (Partisanen, in der Wochenzeitung Christ und Welt, Nr. 26 des Jahrgangs 1949) еще не партизанской борьбой, но регулярным восстанием против регулярной осады.

⁶ Carl von Clausewitz, Politische Schriften und Briefe, herausgegeben von Dr. Hans Rothfels, München 1922, S. 217.

летние битвы 1813 г. происходили на поле боя, а решающий исход наступил в битве лицом к лицу в октябре 1813 г. под Лейпцигом.

Венский конгресс 1814–1815 гг. вновь восстановил, в рамках всеобщей реставрации, понятия европейского военного права⁷. Это была одна из самых поразительных реставраций в мировой

⁷ Целый ряд реставраций, обусловленных Венским конгрессом, проникли во всеобщее сознание как таковые, напр., династический принцип легитимности и легитимная королевская власть, далее: высшая аристократия в Германии и церковное государство в Италии и — с помощью папства — орден иезуитов. Меньше осознано великое дело реставрации *jus publicum Europaeum* [европейского международного права (*лат.*)] и его правил ведения войны на суше между европейскими суверенными государствами, реставрация, сохранившаяся по сей день в качестве «классического» фасада, по меньшей мере, в учебниках международного права. В моей книге «*Der Nomos der Erde im jus publicum Europaeum*» [Закон земли в европейском международном праве (*нем.-лат.*)] перерыв, вызванный войнами Французской революции и наполеоновской эпохи, рассмотрен недостаточно подробно; это справедливо отметил Ханс Веберг в своей рецензии (*Friedenswarte* Bd. 50, 1951, S. 305/14). Но теперь, по крайней мере в качестве частичного дополнения, я могу указать на изыскания Романа Шнура о международно-правовых идеях и практике Франции 1789–1815 гг., из которых до сих пор опубликовано сочинение «Земля и море» в *Zeitschrift f. Politik*, 1961 S. 11 ff. В рамки дела реставрации правил ведения европейской войны входит также продолжающийся нейтралитет Швейцарии и ее продолжающаяся *situation unique* [уникальная ситуация (*фр.*)], ср. [Schmitt C.] *Nomos der Erde* [Berlin: Duncker & Humblot, 1950] S. 222.

истории. Она имела огромный успех, так что это военное право берегаемой континентальной войны на суше еще в Первую мировую войну 1914–1918 гг. определяло европейскую практику ведения войны на суше. Даже сегодня это право именуется *классическим* военным правом, и оно заслуживает этого имени. Ибо оно знает ясные различия, прежде всего, различия между войной и миром, комбатантами и некомбатантами, противником и преступником. Война ведется между государствами как война регулярных, государственных армий, между суверенными носителями *jus belli*^{*}, которые и в войне уважают друг друга как противников и не подвергают друг друга дискриминации как преступников, так что заключение мира возможно и даже остается нормальным, само собой разумеющимся окончанием войны. Перед лицом такой классической правильности — пока она имеет реальную действенную силу — партизан мог быть только периферийным явлением, каким он фактически и являлся еще во время всей Первой мировой войны (1914–1918).

Горизонт нашего рассмотрения

Когда я при случае говорю о *современных* теориях партизана, я должен подчеркнуть для пояснения темы, что *старых* теорий партизана, в противоположность современным теориям, собственно, вообще не существует. В классическом военном праве прежнего европейского междуна-

^{*} Права войны (лат.).

родного права партизану в современном смысле нет места. Он — как в «кабинетных войнах» XVIII в. — либо вид *легкого*, особо подвижного, но регулярного отряда, либо же он как особенно отвратительный преступник стоит просто вне права и является *hors la loi**. До тех пор, пока в войне сохранялось еще нечто от представления о дуэли и от рыцарского кодекса, иначе быть и не могло.

Правда, с введением всеобщей воинской повинности все войны становятся, безусловно, по идее народными войнами, и тогда вскоре создаются ситуации, которые для классического военного права являются трудными и зачастую даже неразрешимыми, как, например, ситуация более или менее импровизированного *leveé en masse*** , или добровольческий корпус <Freikorps>^{13*} или «вольные стрелки»^{14*}. Об этом речь еще впереди. В любом случае, война остается принципиально *оберегаемой* <gehegt>, и партизан — вне этого оберегания <Negung>. Теперь даже его сущностью и экзистенцией становится то, что он находится вне любого оберегания. Современный партизан не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады. Он отворотился от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в сферу иной, настоящей вражды, которая возрастает на пути террора и ответного террора вплоть до истребления.

В контексте партизанства особенно важны и в известном смысле даже родственны с этим явле-

* Изгоем (фр.).

** Массовый набор (фр.)^{12*}.

нием два рода войны: гражданская война и колониальная война. Применительно к современному партизанству эта взаимосвязь прямо-таки специфична. Классическое европейское международное право вытесняло две эти опасные формы проявления войны и вражды на периферию. Война *jus publicum Europaeum* была межгосударственной войной, которую вела одна государственная регулярная армия против другой государственной регулярной армии. Открытая гражданская война считалась вооруженным восстанием, подавлявшимся с помощью осадного положения <Belagerungszustand> полицией и отрядами регулярной армии, если дело не доходило до признания восставших в качестве воюющей партии. Колониальная война не ускользнула от внимания военной науки европейских стран — таких, как Англия, Франция и Испания. Но все это не ставило под сомнение регулярную войну государства как классическую модель⁸.

Особо необходимо упомянуть здесь Россию. Русская армия в течение всего XIX в. вела многочисленные войны с азиатскими горцами и никогда не ограничивалась исключительно регулярной войной армий, как это делала прусско-германская армия. Кроме того, русская история знает автохтонную партизанскую борьбу с наполеоновской армией. Летом 1812 г. русские пар-

⁸ Ср. в предметном указателе моей книги «Der Nomos der Erde» (вышла в Кельне в 1950 году, с 1960 года выходит в издательстве Duncker & Humblot в Берлине) страницы, указанные словами Bürgerkrieg, Feind, justa causa, justus hostis.

тиваны под военным руководством препятствовали продвижению французской армии к Москве; осенью и зимой того же года русские крестьяне убивали обратившихся в бегство, замерзших и голодных французов. Все это продолжалось немногим более полугода, но этого оказалось достаточно, чтобы стать историческим событием, имевшим огромное воздействие, правда, больше ввиду политического мифа и его различных толкований, чем в силу его парадигматического воздействия на научную теорию войны. Мы должны упомянуть здесь по меньшей мере два разных, даже противоположных толкования этой русской партизанской войны 1812 г.: одно — анархистское, обоснованное Бакуниным и Кропоткиным и ставшее всемирно известным благодаря описаниям в романе Толстого «Война и мир», и другое — большевистское, нашедшее свое применение в сталинской тактике и стратегии революционной войны.

Толстой не был анархистом типа Бакунина или Кропоткина, но тем бóльшим было его литературное влияние. Его эпопея «Война и мир» содержит мифообразующей силы больше, чем любая политическая доктрина или любая документированная история. Толстой возводит русского партизана 1812 г. до уровня носителя стихийных сил русской земли, которая сбрасывает с себя пресловутого императора Наполеона вместе с его блестящей армией как надоедливое вредное насекомое. Необразованный, неграмотный мужик у Толстого не только сильнее, но и разумнее, чем все стратеги и тактики, прежде

всего, разумнее самогó великого полководца Наполеона, который становится марионеткой в руках исторического процесса. Сталин подхватил этот миф о коренной национальной партизанской борьбе в годы Второй мировой войны с Германией и весьма конкретно поставил его на службу своей коммунистической мировой политике. Это означает существенно новую стадию партизанства, у истоков которой стоит имя Мао Цзэдуна.

Уже тридцать лет на обширных территориях земного шара происходят ожесточенные партизанские бои. Они начались уже в 1927 г., перед Второй мировой войной, в Китае и в других азиатских странах, которые впоследствии оборонялись от японского вторжения 1932–1945 гг. Во время Второй мировой войны ареной такого рода войн стали Россия, Польша, Балканы, Франция, Албания, Греция и другие территории. После Второй мировой войны партизанская борьба продолжилась в Индокитае, где она была особенно эффективно организована против французской колониальной армии вьетнамским коммунистическим вождем Хо Ши Мином и победителем под Дьенбьенфу^{15*} генералом Во Нгуен Зиапом^{16*}, далее в Малайе, на Филиппинах и в Алжире, на Кипре полковником Гривасом (Griwas) и на Кубе Фиделем Кастро и Че Геварой. В настоящее время, в 1962 г., индокитайские страны Лаос и Вьетнам являются территориями партизанской войны, которая ежедневно развивает новые методы победы над врагом и обмана врага. Современная техника поставляет все более мощные вооруже-

ния и средства уничтожения, все более совершенные средства передвижения и методы передачи информации, как для партизан, так и для регулярных войск, борющихся с партизанами. В дьявольском круге террора и ответного террора подавление партизана часто является только зеркальным отражением самой партизанской борьбы, и вновь подтверждается правильность старого тезиса, который, как правило, цитируется как приказ Наполеона генералу Лефевру от 12 сентября 1813 г.: с партизаном должно бороться партизанскими методами; *il faut opérer en partisan partout où il y a des partisans**.

Ниже необходимо будет остановиться на некоторых особых вопросах установления международно-правовой нормы. Основное само собой разумеется; применение международного права к конкретным ситуациям стремительного развития спорно. В последние годы появился впечатляющий документ воли к тотальному сопротивлению, и притом не только воли, но и детального руководства для конкретного исполнения: швейцарское «Руководство по ведению малых войн для каждого» (*Kleinkriegsanleitung für jedermann*), изданное швейцарским союзом унтер-офицеров под названием «Тотальное сопротивление» и составленное капитаном Х. фон Дахом (2 изд., Biel, 1958). На более чем 180 страницах этот труд дает руководство по активному и пассивному сопротивлению чужому вторжению, с

* Повсюду, где есть партизаны, надо действовать по-партизански (*фр.*).

точными указаниями по саботажу, жизни в подполье, о том, как прятать оружие, по организации путчей, уходу от слежки и т. д. Тщательно использован опыт последних десятилетий. Это современное руководство по ведению войн для каждого содержит указание, что его «сопротивление в высшей степени» придерживается Гаагской конвенции о законах и обычаях войны на суше^{17*} и четырех Женевских соглашений 1949 г.^{18*} *Это ясно само собой.* Также нетрудно вычислить, как будет реагировать нормальная регулярная армия на практическое использование этой инструкции по ведению локальной войны (например, стр. 43: бесшумное убийство часового топором), пока она не чувствует себя побежденной.

Слово и понятие «партизан»

Краткое перечисление некоторых известных имен и событий, с которого мы начали первое очерчивание горизонта нашего рассмотрения, позволяет выявить безмерное богатство материала и проблематики. Поэтому необходимо уточнить некоторые признаки и критерии, чтобы обсуждение не стало абстрактным и бесконечным. Один такой признак мы назвали в начале нашего изложения, когда исходили из того, что партизан является *иррегулярным* бойцом. Регулярный характер явления выражается в форме солдата, которая является чем-то большим, чем профессиональная одежда, поскольку она демонстрирует господство публичности; наряду с формой солдат открыто и демонстративно носит оружие.

Солдат противника в форме — это настоящая мишень современного партизана.

В качестве дальнейшего признака сегодня напрашивается интенсивная политическая вовлеченность, которая отличает партизана от других борцов. На интенсивно политический характер партизана нужно указать уже потому, что его необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение. Этот понятийный критерий *политического* характера имеет (при точной инверсии) ту же структуру, что и у пирата по отношению к международно-правовым нормам ведения войны на море. Понятие «пират» включает в себя *неполитический* характер скверного образа жизни, включающего разбой и личную выгоду. Пират обладает, как говорят юристы, *animus furandi**. Партизан сражается на политическом фронте, и именно политический характер его образа действий снова возрождает первоначальный смысл слова *партизан*. Это слово происходит от слова *партия* и указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой. Такого рода связи с партией особенно сильно проявляются в революционные эпохи.

Революционная война предполагает принадлежность к революционной партии и тотальный охват. Иные группы и союзы, в особенности, — современное государство, — уже не могут столь тотально интегрировать в себя своих членов и

* Свирепым духом (лат.).

подданных, как революционно борющаяся партия охватывает своих активистов. В обширной дискуссии о так называемом тотальном государстве еще не стало окончательно ясно, что сегодня не *государство* как таковое, но революционная *партия* как таковая представляет собой настоящую и по сути дела единственную тоталитарную организацию⁹. С точки зрения чисто организационной, в смысле строгого функционирования приказа и подчинения необходимо даже сказать, что иная революционная организация в этом отношении превосходит иное регулярное войско и что в международном праве войны должна возникнуть известная путаница, когда организацию как таковую делают критерием регулярности, как это произошло в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г.

Партизан по-немецки именуется *Parteigänger* (партиец), тот, кто идет с партией, а что это значит конкретно, в разные времена значительно различается, как в отношении партии или фронта, с которым кто-то идет, так и в отношении его сопровождения <Mitgehens>, примыкания <Mitlaufens>, боевого товарищества <Mitkämpfens>, и, возможно, товарищества по заключению <Mitgefangenwerdens>. Существуют партии, ведущие войну, но есть и партии судебного процесса, партии парламентской демократии, партии

⁹ Об этом см. примечание 3 к сочинению «Weiterentwicklung des totalen Staates in Deutschland» (1933), напечатано в сборнике «Verfassungsrechtliche Aufsätze» (Duncker & Humblot) Berlin, 1958, S. 366.

мнений и партии акций и т. д. В романских языках это слово можно употребить как существительное и как прилагательное: на французском языке говорят даже о *partisan** какого-то мнения; короче говоря, из общего, многозначного обозначения внезапно получается слово большой политической важности. Напрашивается лингвистическая параллель с таким обобщенным словом, как *status*, которое внезапно может означать «государство» (*Staat*). В эпохи разложения, как в XVII в. в годы Тридцатилетней войны, иррегулярный солдат сближается с разбойниками с большой дороги и бродягами; он воюет на свой страх и риск и становится персонажем плутовского романа, как испанский Пикаро Эстебанильо (*Picaro** Estebanillo*) Гонсалеса, участвовавший в битве при Нёрдлингене (1635) и рассказывающий об этом в стиле солдата Швейка. Об этом можно прочесть и у Гриммельсхаузена в «Симплициусе Симплициссимусе», это можно увидеть на гравюрах и офортах Жака Калло. В XVIII в. «*Parteigänger*» принадлежал к пандурам^{19*} и гусарам^{20*} и другим видам легких войск, которые как подвижные войска «по отдельности сражаются» и ведут так называемую малую войну, в противоположность медлительной большой войне линейных войск. Здесь различие регулярного и иррегулярного мыслится с чисто военно-технической точки зрения и ни в коем случае не равнозначно оппозиции «легальный-нелегальный» в юридиче-

* Приверженце, стороннике (*фр.*).

** Плут (*исп.*).

ском смысле международного права и конституционного права. В случае с современным партизаном обе пары противоположностей (регулярно-иррегулярно, легально-нелегально) большей частью стираются и накладываются друг на друга.

Подвижность, быстрота и ошеломляющее чередование нападения и отступления, словом: повышенная мобильность даже и по сей день — отличительная черта партизана, и этот признак еще усиливается благодаря внедрению техники и моторизации. Однако обе противоположности ликвидируются революционной войной, и возникают многочисленные полу- и парарегулярные группы и формирования. Борющийся с оружием в руках партизан всегда остается зависимым от сотрудничества с регулярной организацией. Очень настойчиво подчеркивает это боевой соратник Фиделя Кастро на Кубе, Эрнесто Че Гевара¹⁰. Вследствие этого уже благодаря взаимодействию регулярного и иррегулярного получают некоторые промежуточные ступени. Это происходит и в тех случаях, когда отнюдь не революционное правительство призывает к защите националь-

¹⁰ Ernesto Che Guevara, *On Guerrilla Warfare*; with an Introduction by Major Harries-Clichy Peterson (Frederick A. Praeger, New York, 1961), p. 9: It is obvious that guerrilla warfare is a preliminary step, unable to win a war all by itself [Очевидно, что партизанская война является предварительным этапом боевых действий, и только с ее помощью войну выиграть невозможно (*англ.*)]. Я цитирую по этому изданию, поскольку оригинальное испанское издание и другие переводы стали известны мне позднее.

ной территории от иноземного завоевателя. Народная война и малая война здесь переплетаются. В регламенте для подобных войск уже с XVI в. существует обозначение *партизан*¹¹. Мы еще познакомимся с двумя важными примерами формального регламентирования народной войны и ландштурма, которые пытаются упорядочить герилью. С другой стороны, и иноземный завоеватель публикует инструкции о подавлении вражеских партизан. Все нормирования такого рода стоят перед сложной проблемой международно-правового, т.е. законного для обеих сторон регулирования нерегулярного, в отношении признания партизана комбатантом^{21*} и обращения с ним как с военнопленным и, с другой стороны, соблюдения прав военных оккупационных властей. Мы уже отметили, что здесь возникают некоторые юридические разногласия. Мы еще вернемся к спору о «вольных стрелках» германо-французской войны 1870–1871 гг., после того, как окинем взором международно-правовое положение (ниже с. 39).

Тенденция к изменению или же к упразднению традиционных понятий — классических по-

¹¹ Мануэль Фрага Ирибарне в своём сочинении «Guerra y Política en el siglo XX» указывает на то, что уже с 1595 года существуют французские постановления о сопротивлении вражескому нашествию (в сборнике: *Las Relaciones Internacionales de la Era de la guerra fría*, Instituto de Estudios Políticos, Madrid, 1962, p. 29 n. 62); они употребляют слова *partisan* и *parti de guerre* [воюющая сторона (*исп.*)]; ср. прим. 27.

нятий, как любят говорить сегодня — всеобща и перед лицом стремительного изменения мира тем более понятна¹². Не осталось в стороне от этой тенденции и «классическое» (если его можно так назвать) понятие партизана. В очень важной для нашей темы книге «Партизан» Рольфа Шрёрса, вышедшей в 1961 г., нелегальный боец движения Соппротивления и активист подполья становится собственно типом партизана¹³. Это такое преобразование понятия, которое ориентировано, главным образом, на определенные внутринемецкие ситуации гитлеровской эпохи и именно в этом качестве заслуживает внимания. Иррегулярность заменена нелегальностью, военная борьба — сопротивлением. Это означает, как мне кажется, далеко идущее перетолкование

¹² Ср. мой доклад «El orden del mundo despues de la segunda guerra mundial», Madrid, Revista de Estudios Politicos, 1962, Nr. 122, S. 12, и сочинения по конституционному праву *Verfassungsrechtliche Aufsätze* 1958, а. а. О. слово «Классический» в предметном указателе с. 512.

¹³ Rolf Schroers, *Der Partisan; ein Beitrag zur politischen Anthropologie*, Köln (Kiepenheuer & Witsch) 1961. На протяжении нашего исследования мы будем много раз возвращаться к этой книге, особенно важной для нашей темы; ср. прим. 16, 47. Шрёрс справедливо отличает партизана от революционного агента, функционера, шпиона, саботажника. С другой стороны, он отождествляет партизана с борцом движения Соппротивления в общем смысле. Я, тем не менее, остаюсь при названных в тексте критериях и надеюсь тем самым обрести более отчетливую позицию, которая будет способствовать плодотворной дискуссии.

партизана национальных войн за независимость и недооценку того факта, что и революционизация войны поддерживает военную связь регулярной армии с иррегулярным бойцом.

В некоторых случаях перетолкование доходит до обобщенной символизации и упразднения понятия. Тогда любой индивидуалист или нонконформист может быть в конечном счете назван партизаном, независимо от того, думает ли он вообще взять в руки оружие¹⁴. Как метафора это вполне допустимо; я сам пользовался ею для характеристики духовно-исторических фигур и ситуаций¹⁵. В переносном смысле «быть человеком — значит быть борцом», и последовательный индивидуалист борется само-

¹⁴ Hans Joachim Sell, «Partisan» (Eugen Diederichs Verlag, Düsseldorf, 1962), роман с превосходными, психологически и социологически интересными описаниями дворян и буржуа в ФРГ 1950 г.

¹⁵ Так, к примеру, я назвал Бруно Бауэра и Макса Штирнера *партизанами мирового духа* в статье о Лоренце фон Штейне в 1940 г. (Bibliographie Tommissen Nr. 202, 203) и в докладе о Доносо Кортесе 1944 г. (Bibliographie Nr. 49, 283, 287). В статье, посвященной 250-летию смерти Руссо (Zürcher Woche Nr. 26 vom 29. Juni 1962) я, ссылаясь на Рольфа Шрёера и Х. Й. Зелля, привлек образ партизана, чтобы прояснить спорный образ Руссо. Тем временем мне стала известна статья Анри Гийемена *J. J. Rousseau, trouble-fete*, которая, кажется, подтверждает это толкование. Гийемен является издателем «Lettres écrites de la Montagne» Руссо (Collection du Sablier, Editions Ides et Calendes, Neuchâtel) 1962, с превосходным предисловием.

стоятельно и на свой страх и риск. Тогда он становится сам себе партией. Такого рода упразднения понятий являются заслуживающими внимания знаками времени, которые требуют отдельного исследования¹⁶. Но для той теории партизана, каковая здесь имеется в виду, должны существовать некоторые критерии, чтобы тема не рассеялась в абстрактной всеобщности. Таковыми критериями являются: иррегулярность, повышенная мобильность активного боя и повышенная интенсивность политической вовлеченности.

¹⁶ Если Шрёрс (прим. 13) усматривает в партизанах последнее восстание против нигилизма сплошь технизированного мира, последнего защитника «породы» и почвы, наконец, даже последнего человека вообще, партизан у Герхарда Небеля (*Unter Partisanen und Kreuzfahrern*, Stuttgart, Ernst Klett Verlag, 1950) предстает, напротив, фигурой современного нигилизма, который — как судьба нашего века — охватывает все профессии и сословия, священника, крестьянина, ученого, и солдата. Книга Небеля — это военный дневник немецкого солдата 1944–1945 гг. в Италии и Германии, и стоило бы сравнить его изображение партизанской борьбы в Италии того времени с толкованием Шрёрса (а.а.О., S. 243). В особенности удачно изображение Небеля представляет момент, когда большая регулярная армия разлагается, превратившись в сброд, и в этом своем качестве она или будет уничтожена населением, или сама убивает и мародерствует, причем тогда обе стороны можно назвать партизанами. Однако когда Небель, за пределами своих удачных изображений, зачисляет бедняг и плутов в разряд «нигилистов», то это лишь обусловленная време-

Я хотел бы придерживаться еще одного, четвертого признака настоящего партизана, признака, который Ховер Самора обозначил как *теллурический* характер. Это, несмотря на всю тактическую подвижность и маневренность, важно для принципиально оборонительной ситуации партизана, который изменяет свою сущность, если отождествляет себя с абсолютной агрессивностью идеологии мировой революции или техницистской идеологии. Вполне совпадают с этим критерием две особенно интересных для нас трактовки темы, книга Рольфа Шрёрса (прим. 13)

нем, метафизическая приправа; с нигилистами они сегодня соотносятся так, как схоластическая теология соотносилась с плутовским романом XVII века. Эрнст Юнгер, *Der Waldgang* (Frankfurt am Main, 1951, Verlag Vittorio Klostermann) конструирует лесного путника, которого он иногда называет и партизаном, как «гештальт» в духе своего гештальта «рабочего» (1932). Единица, окруженная аппаратами, не прекращает кажущуюся безнадежной партию, но желает продолжить ее внутренним усилием и «решается на лесованье». «Что касается его места, то лес — повсюду» (с. 11). Гефсиманский сад, напр., Масличная гора, которую мы знаем из истории страстей нашего Спасителя, есть «лес» в смысле Эрнста Юнгера (с. 73), но также демон Сократа (82). Таким образом, «учителю права и учителю государственного права» отказывается в способности «вооружить лесного путника необходимым снаряжением. Поэты и философы уже лучше видят план, который необходимо отстаивать» (с.126). Подлинные источники силы знает только теолог. «Под теологом понимается любой Знающий...» (95).

и диссертация Юрг. Х. Шмида о международно-правовом положении партизана (с. 51/52). Его обоснование теллурического характера такого явления, как партизан, кажется мне необходимым, чтобы сделать оборону, т. е. ограничение враждебности, пространственно очевидной и предостеречь от притязания абстрактной справедливости на абсолютный характер.

В отношении партизан, которые в 1808–1813 гг. сражались в Испании, Тироле и в России, это и так ясно. Но и партизанские сражения Второй мировой войны и последующих годов в Индокитае и других странах, связанные с именами Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина и Фиделя Кастро, дают понимание того факта, что связь с почвой, с автохтонным населением и с географическим своеобразием страны — горы, лес, джунгли или пустыня — остается вполне актуальной. Партизан остается отделенным не только от пирата, но и от корсара в такой же мере, в какой остаются разделены земля и море как различные стихийные пространства человеческой работы и военного столкновения между народами. Земля и море не только имеют различные способы ведения войны и различного рода театры военных действий, но и развили разные понятия о войне, враге и трофеях¹⁷. Партизан будет представлять специфици-

¹⁷ Carl Schmitt, *Land und Meer*, (Reclam Universalbibliothek Nr. 7536) 1. Aufl. 1942, 2. Aufl. 1954; *Der Nomos der Erde* (Duncker & Humblot, Berlin) 1950, S. 143, 286; *Die geschichtliche Struktur des heutigen Weltgegensatzes von Ost und West*, 1955, Bibliographie Tomissen Nr. 239, 294. В этой

чески земной, сухопутный тип активного борца, но крайней мере, столь же долго, сколько будут возможны антиколониальные войны на нашей планете¹⁸. Теллурический характер партизана в дальнейшем будет более отчетливо очерчен в сравнении с фигурами типично морскими в правовом отношении (с. 48) и в разборе пространственного аспекта (с. 105).

Но и автохтонный партизан аграрного происхождения вовлекается в силовое поле неотразимого индустриально-технического прогресса. Его мобильность посредством моторизации по-

статье, которая одновременно вышла в *Revista de Estudios Politicos*, Nr. 81, Madrid 1955, я объявил о притязании: я хотел бы §§ 247–248 Гегелевской философии права, как духовно-историческую зародышевую клетку, привести к полному герменевтическому развитию для познания сегодняшнего индустриально-технического мира, после того как марксистская интерпретация развила предшествующие §§ 243–246 применительно к буржуазному обществу.

¹⁸ В рецензии на книгу Рольфа Шрёрса (выше прим. 13 и 16) Маргрет Бовери хвалит (в газете *Merkur*, Heft 168, Februar 1962) книгу *West- und Oestliches Gelände* Чеслава Милоша (Kiepenheuer und Witsch Verlag, Köln, 1961). Автор предлагает живую и симпатичную картину своей жизни в Литве, Польше, Западной Европе, особенно в Париже, и рассказывает о своей жизни в подполье в Варшаве во время немецкой оккупации, где он распространял антинемецкие листовки. Он ясно говорит, что не был партизаном и не хотел им быть (с. 276). Но его любовь к литовской родине и ее лесам укрепляет нас во мнении, что необходимо настаивать на теллурическом характере настоящего партизана.

вышается настолько, что он оказывается подвержен опасности полностью лишиться всякой почвы. Во времена холодной войны он становится техником незримой борьбы, саботажником и шпионом. Уже в годы Второй мировой войны имелись отряды саботажников с партизанской выучкой. Такой моторизованный партизан утрачивает теллурический характер и является всего лишь переносным и заменяемым орудием мощного центра, творящего мировую политику, который вводит его в действие для явной или незримой войны и, сообразно обстоятельствам, снова отключает. Эта возможность также принадлежит к его сегодняшней экзистенции и не должна остаться без внимания в теории партизана.

Этими четырьмя критериями — иррегулярность, повышенная мобильность, интенсивность политической вовлеченности, теллурический характер — и со ссылкой на возможные последствия продолжающейся технизации, индустриализации и деаграризации мы описали горизонт нашего рассмотрения с понятийной точки зрения. Он простирается от Guerrillero наполеоновской эпохи до хорошо вооруженного партизана современности, от *Empresinado* через Мао Цзэдуна и Хо Ши Мина к Фиделю Кастро. Это большая область, в которой разрабатывается постоянно растущий материал по историографии и военной науке. Мы используем его, насколько он нам доступен, и попробуем получить некоторые научные выводы для теории партизана.

Взгляд на международно-правовое положение

Партизан воюет иррегулярным образом. Но некоторые категории иррегулярных бойцов приравниваются к регулярным вооруженным силам и пользуются правами и преимуществами регулярных комбатантов. Это означает: их боевые действия не являются противоправными, и когда они попадают в плен к врагам, то имеют право требовать особого обращения как военнопленные и раненые. Правовой статус получил в Гаагском уставе сухопутной войны от 18 октября 1907 г. обобщение, которое сегодня является общепринятым. После Второй мировой войны эта проблематика получила развитие в четырех Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г., из коих две регламентируют участь раненых и больных в сухопутной войне и в морской войне, третья — обращение с военнопленными, а четвертая — защиту гражданских лиц во время войны. Их ратифицировали многие страны западного мира и Восточного блока; с их формулировками согласован и новый американский военный справочник по праву сухопутной войны от 18 июля 1956 г.

Гаагский устав сухопутной войны от 18 октября 1907 г. при определенных условиях приравнивал милицию, добровольческие корпуса и бойцов стихийных народных волнений к регулярным вооруженным силам. Впоследствии, при разборе прусских разногласий с партизанством, мы будем упоминать о некоторых трудностях и неясностях этого регулирования. Развитие, приведшее к Же-

невским конвенциям 1949 г., характеризуется тем, что оно признаёт все большую расплывчатость до сих пор чисто государственного, европейского международного права. Всё новые категории участников боевых действий считаются теперь комбатантами. Кроме того, гражданские лица в занятой войсками врага области — то есть, собственно говоря, в районе боевых действий партизана, сражающегося в тылу армий противника, — пользуются теперь большей правовой защитой, чем по уставу сухопутной войны 1907 г. Многие бойцы, которые до сих пор считались партизанами, теперь приравниваются к регулярным бойцам и имеют их права и преимущества. Они, собственно говоря, не могут больше именоваться партизанами. Однако понятия еще неясны и колеблются.

Формулировки Женевских конвенций имеют в виду европейский опыт, но не учитывают партизанских войн Мао Цзэдуна и позднейшее развитие современной партизанской войны. В первые годы после 1945 г. еще не стало ясным то, что осознал и сформулировал такой эксперт, как Герман Фёрч: что военные акции после 1945 г. приняли партизанский характер, поскольку обладатели атомной бомбы избегали ее применения из гуманитарных соображений, а не обладавшие ею могли рассчитывать на эти опасения — неожиданное влияние как атомной бомбы, так и гуманитарных соображений. Важные для проблемы партизана понятия Женевских нормирований выведены из определенных ситуаций. Они являются (как сказано в авторитетном и крайне

важном, составленном под руководством Жана С. Пикте Комментарий Международного Красного Креста, Bd. III, 1958, S. 65) точной ссылкой, *une reference precise*, на движения Сопротивления Второй мировой войны 1939–1945 гг.

Здесь не было намерения фундаментально изменить Гаагский устав сухопутной войны 1907 г. Здесь даже принципиально придерживаются четырех классических условий для уравнивания с регулярными войсками (ответственные начальники, жестко закрепленный видимый знак отличия, открытое ношение оружия, соблюдение правил и обычаев военного права). Конвенция о защите гражданского населения должна, правда, иметь силу не только для межгосударственных войн, но и для всех интернациональных вооруженных конфликтов, стало быть, и для гражданских войн, восстаний и т. д. Но тем самым следует создать лишь правовое основание для гуманитарных интервенций Международного Комитета Красного Креста (и других непартийных организаций). *Inter arma caritas**. В Ст. 3 абзац 4 конвенции настоятельно подчеркивается, что правовое положение, *le statut juridique*, конфликтующих партий этим не затрагивается (Pictet, a. a. O., III, 1955, S. 39/40). В межгосударственной войне оккупационные власти занятой войсками области по-прежнему сохраняют за собой право давать указание местной полиции этой области поддерживать порядок и подавлять иррегулярные боевые действия, таким образом, преследовать и партизан, «независимо

* Среди оружия — милосердие (лат.).

от того, какими идеями они движимы» (Pictet IV, 1956, S. 330).

Таким образом, отличие партизана — в смысле иррегулярного, *не* приравненного к регулярным войскам бойца — принципиально сохраняется и по сей день. Партизан в этом смысле *не* имеет прав и преимуществ комбатантов; он преступник согласно общему праву и может быть обезврежен в ускоренном производстве наказаниями и репрессивными мерами. Это было принципиально признано и на судебных процессах по делам военных преступников после Второй мировой войны, главным образом в приговорах Нюрнбергского процесса против немецких генералов (Йодль^{22*}, Лееб^{23*}, Лист^{24*}), причем само собой разумеется, что все выходящие за пределы необходимого подавления партизан жестокости, террор, коллективные наказания или даже участие в геноциде остаются военными преступлениями.

Женевские конвенции расширяют круг лиц, приравненных к регулярным бойцам, прежде всего уравнивая членов «организованного движения Сопротивления», милиции и добровольческих корпусов, и таким образом присваивают им права и преимущества регулярных комбатантов. При этом военная организация недвусмысленно даже не считается условием (Ст. 13 конвенции о раненых, Ст. 4 конвенции о военнопленных). Конвенция о защите гражданского населения приравнивает «международные конфликты», которые решаются силой оружия, к межгосударственным войнам классического европейского

международного права, и затрагивает тем самым ядро типичного для прежнего военного права правового института, *occupatio bellica**. К таким расширениям и ослаблениям, которые здесь можно привести лишь в качестве примеров, добавляются важные превращения и изменения, которые следуют из развития современной военной техники сами собой и в отношении партизанской борьбы действуют еще интенсивнее. Что означает, например, положение об «открытом ношении» оружия для борца Сопротивления, которого наставляет выше цитированное «руководство по ведению малой войны» швейцарского союза унтер-офицеров (с. 33): «Передвигайся только по ночам и скрывайся днем в лесах!» Или что означает требование повсюду видимого знака отличия в ночном сражении или в сражении с применением дальнобойных орудий современной военной техники? Много подобных вопросов встает, когда рассмотрение ведется с точки зрения проблемы партизана и не упускаются из виду выявленные ниже (с. 105, 117) аспекты изменения пространства и индустриально-технического развития.

Защита гражданского населения на занятой военными территории многообразна. Оккупационные власти заинтересованы в том, чтобы на занятой их военными территории царил покой и порядок. Придерживаются того, что население занятой области не то чтобы обязывается быть верным, но, пожалуй, обязано повиноваться до-

* Военная оккупация (лат.).

пустимым по праву войны распоряжениям оккупационных властей. Даже служащие — и сама полиция — должны продолжать работать корректно, и соответственно этому с ними должны обращаться оккупационные власти. Все это — с большим трудом уравновешенный, трудный компромисс между интересами оккупационных властей и интересами их военного противника. Партизан опасно нарушает эту разновидность порядка на занятой территории. Не только потому, что его подлинный район боевых действий есть область в тылу вражеского фронта, где он выводит из строя транспорт и снабжение, но даже, кроме того, если население этой области более или менее поддерживают и прячет его. «Население — твой самый большой друг» — значит, в только что цитированном «Руководстве по ведению малой войны для каждого» (с. 28). Тогда защита такого населения потенциально является и защитой партизана. Так проясняется, почему в истории развития военного права при обсуждениях Гаагского устава сухопутной войны и его дальнейшего развития все время происходило типичное группирование, расстановка сил: великие военные державы, то есть потенциальные оккупационные власти, требовали строгого обеспечения порядка в занятой войсками области, в то время, как малые государства, опасавшиеся военной оккупации — Бельгия, Швейцария, Люксембург — пытались добиться возможно более полной защиты бойцов сопротивления и гражданского населения. И в этом отношении развитие со времен Второй мировой войны привело

к новым научным выводам, и ниже (с. 111) выявленный аспект разрушения социальных структур настоятельно предполагает вопрос о том, могут ли иметься и такие случаи, при которых население испытывает необходимость в защите от партизана.

Благодаря Женевским конвенциям 1949 г. в рамках классического, точно урегулированного и регламентированного правового института *occupatio bellica** произошли изменения, последствия которых во многом остаются непредвиденными. Бойцы Сопротивления, которых раньше трактовали как партизан, уравниваются с регулярными бойцами, если только бойцы Сопротивления *организованы*. В противоположность интересам оккупационных властей интересы населения занятой территории подчеркиваются так сильно, что — по крайней мере, в теории — стало возможным рассматривать всякое сопротивление оккупационным властям, в том числе партизанское сопротивление, если только оно возникает из достойных уважения мотивов, как *не нелегальное*. С другой стороны, оккупационные власти должны по-прежнему иметь право на репрессивные меры. Партизан в этой ситуации не будет действовать по-настоящему легально, но и по-настоящему нелегально, но будет действовать на свой страх и риск и в этом смысле — *рискованно*.

Когда употребляют слово *риск* и *рискованно* во всеобщем, не уточненном смысле, тогда необходимо установить, что на занятой войсками про-

* Военной оккупации (*лат.*).

тивника и насыщенной партизанами территории рискованно живет отнюдь не только партизан. В обобщенном смысле ненадежности и опасности все население подобной территории подвергается большому риску. Служащих, которые в соответствии с Гаагским уставом сухопутной войны желают продолжать корректно работать, настаивает дополнительный риск в смысле действий и бездействий, и, в особенности, служащий полиции оказывается в точке пересечения опасных, друг другу противоречащих ожиданий: вражеские оккупационные власти требуют от него повинования при поддержании безопасности и порядка, которые нарушаются как раз партизаном; собственное национальное государство требует от полицейского верности и после войны привлечет его к ответственности; население, к которому он принадлежит, ожидает лояльности и солидарности, которая, имея в виду деятельность служащего полиции, может привести к совершенно противоположным практическим выводам, если служащий полиции не решится на то, чтобы самому стать партизаном; и, наконец, партизан и оккупант быстро зачислят его в порочный круг своих репрессий и ответных репрессий. Говоря обобщенно, рискованные действия (или бездействие) не являются специфическим признаком партизана.

Слово *рискованно* приобретает уточнённый смысл благодаря тому, что рискованно действующий [субъект] действует на свой страх и риск и осознанно смиряется с дурными последствиями своего действия или бездействия, так что он не

может сетовать на несправедливость, если его настигают дурные результаты. С другой стороны, он имеет возможность — насколько речь не идет о противоправных действиях — компенсировать риск, заключив договор страхования. Юридической родиной понятия *риск*, его научно-правовым *топосом* остается страховое право. Человек живет среди разнообразных опасностей, а дать юридически осознанной опасности или неопределенности название *риск* означает сделать ее и затронутого ей *застрахованным*. В случае с партизаном это, вероятно, привело бы к провалу иррегулярности и нелегальности его действий, даже если бы в остальном имелась готовность к тому, чтобы в технико-страховочном смысле защитить его от чрезмерного риска зачислением в наивысший класс опасности.

Размышление над понятием риска необходимо для таких ситуаций, как война и вражда. У нас этот термин введен в международно-правовое учение о войне в книге Йозефа Л. Кунца «Военное право и право нейтралитета» (1935, S. 146, 274). Но там это слово не относится к войне на суше и совсем не относится к партизану. Эти вещи сюда не относятся. Если мы не будем вспоминать о страховом праве как о юридической родине понятия *риск* и забудем неточные и неотчетливые употребления этого слова — напр., сравнение с беглым пленным, который «рискует» быть застреленным, — то обнаружится, что специфически плодотворное в смысле военного права употребление понятия «рискованно» у Й. Кунца имеет в виду только военно-морское право и ти-

пичные для него фигуры и ситуации. Война на море — в большой мере экономическая война; в противоположность войне на суше у нее собственное пространство и собственные понятия о противнике и трофеях. Даже улучшение участи раненых в Женевском уложении августа 1949 г. привело к двум, отдельным для земли и моря, конвенциям.

Рискованно в таком специфическом смысле действуют два участника войны на море: нейтральный нарушитель блокады и нейтральный провозчик контрабанды. Со ссылкой на них слово *рискованно* является отчетливым и точным. Обе разновидности участников войны пускаются на «весьма выгодное, но рискованное коммерческое приключение» (J. Kunz, a. a. O., S. 277): они рискуют судном и грузом в случае захвата. При этом у них нет даже противника, даже если они сами рассматриваются как противник в смысле международно-правовых норм ведения войны на море. Их социальный идеал — это хорошая сделка. Поле их деятельности — свободное море. Они не думают о том, чтобы защищать дом, очаг и родину от чужого захватчика, что относится к архетипу автохтонного партизана. Они заключают также договоры страхования, чтобы компенсировать свой риск, причем тарифы на опасность соответственно высоки и приспособляются к меняющимся факторам риска, напр., к потоплению подводной лодкой: очень рискованно, но надежно застраховано.

Не нужно изымать такое удачное слово, как *рискованно*, из понятийного поля военно-морского

права и растворять его в стирающем все отчетливые очертания общем понятии. Для нас, настаивающих на теллурическом характере партизана, это особенно важно. Если раньше я однажды называл пиратов и джентльменов удачи начала капитализма «партизанами моря» (*Der Nomos der Erde*, S. 145), то сегодня я бы исправил это как терминологическую неточность. Партизан имеет врага и «рискует» совсем в ином смысле, чем разрушитель блокады и перевозчик контрабанды. Он рискует не только своей жизнью, в отличие от всякого регулярного комбатанта. Он знает и не останавливается перед тем, что враг ставит его вне права, закона и понятия чести.

Это, конечно, делает и революционный боец, который объявляет врага преступником, а все понятия врага о праве, законе и чести — идеологическим обманом. Вопреки всем, характерным для Второй мировой войны и послевоенного времени вплоть до сегодняшнего дня объединениям и смешениям обеих разновидностей партизана — оборонительно-автохтонного защитника родины и агрессивного в мировом масштабе, революционного активиста — противоположность сохраняется. Она зиждется, как мы увидим, на фундаментально различных понятиях о войне и вражде, которые реализуются в различных типах партизан. Там, где война ведется с обеих сторон как недискриминационная война одного государства с другим, партизан представляет собой периферийную фигуру, которая не взрывает границы войны и не изменяет общей структуры политического процесса. Однако если война ведет-

ся при криминализации военного противника в целом, если война ведется, например, как гражданская война одного классового врага с другим, если ее главная цель — свержение правительства враждебного государства, тогда революционное взрывное воздействие криминализации врага сказывается таким образом, что партизан становится подлинным героем войны. Он приводит в исполнение смертный приговор преступнику и со своей стороны рискует тем, что его будут рассматривать как преступника или вредителя. Это логика войны *justa causa** без признания *justus hostis*** . Благодаря ей революционный партизан становится подлинной центральной фигурой войны.

Проблема партизана становится и самым лучшим пробным камнем. Различные виды партизанской войны могут так смешиваться и сливаться в практике сегодняшних военных действий, они остаются настолько различными в своих фундаментальных предпосылках, что применительно к ним оправдывает себя критерий разделения на группы друзей и врагов. Ранее мы напомнили о типичном группировании, которое сложилось при подготовке Гаагского устава сухопутной войны: великие военные державы против нейтральных малых стран. При обсуждениях Женевских конвенций 1949 г. с большим трудом была достигнута компромиссная формула, уравнивавшая организованное движение Со-

* За правое дело (*лат.*).

** Врага, к которому надо относиться справедливо (*лат.*).

противления и добровольческий корпус. И здесь повторилось типичное группирование, когда речь шла о том, чтобы закрепить опыт Второй мировой войны в международно-правовых нормах. И на этот раз великие военные державы, потенциальные оккупанты, противостояли малым, опасавшимся оккупации государствам; однако в этот раз со столь же необычной, сколь и симптоматичной модификацией: самая большая сухопутная, континентальная держава мира, подавляюще сильный потенциальный оккупант, Советский Союз, был теперь на стороне малых государств.

Богатая материалами и хорошо обоснованная документами работа Юрг. Х. Шмида «Международно-правовое положение партизан в войне» (Zürcher Studien zum Internationalen Recht Nr. 23, Polygraphischer Verlag AG. Zürich, 1956) хочет поставить «под эгиду права» «ведение герильи гражданскими лицами» — при этом имеются в виду конкретно партизаны Сталина (S. 97, 157). В этом Шмид видит «квинтэссенцию проблемы партизана» и правосозидательное достижение Женевских конвенций. Шмид хотел бы устранить «определенные сомнительные вещи права оккупации», еще оставшиеся от прежнего понимания оккупационной власти, в особенности, как он говорит, «пресловутую обязанность выполнять приказы». Для этой цели он использует учение о легальных, но рискованных военных действиях, которые он переакцентирует как рискованные, но не нелегальные военные действия. Так он уменьшает риск для партизана, кото-

рому он за счет оккупационных властей присуждает по возможности больше прав и привилегий. Как он думает избежать логики террора и ответного террора, я не вижу; разве что он просто криминализует военного врага партизана. Все это в целом — в высшей степени интересное пересечение двух различных *statuts juridiques*^{*}, именно комбатанта и гражданского лица, с двумя различными видами современной войны, а именно открытой и холодной войны между населением и оккупационными властями, в которой партизан Шмида (следуя Мао) принимает участие *a deux mains*^{**}. Удивительно только, и здесь заключается истинная поломка оси понятия, что эта де-иллегализация сталинского партизана за счет классического международного права одновременно связывается с возвратом к чистой войне между государствами в духе доктрины Руссо и Порталиса, о которой Шмид утверждает, что она только «в своей детской обуви» запрещала гражданскому лицу совершение военных действий (S. 157). Так партизан становится застрахованным.

Четыре Женевских конвенции от 12 августа 1949 г. являются плодом гуманного образа мысли и гуманного развития, которое заслуживает восхищения. Признавая за врагом не только человечность, но даже законность, они остаются на основе классического международного права и в русле его традиции, без которой такое произведение гуманности было бы невероятным. Его бази-

* Юридических статусов (фр.).

** Услужливо; с готовностью (фр.).

ВВЕДЕНИЕ

сом остается государственное ведение войны и построенное на этом оберегание войны, с его ясными различениями войны и мира, военных и гражданских лиц, врага и преступника, межгосударственной войны и гражданской войны. Однако давая ослабеть этим существенным различениям или даже ставя их под вопрос, открывают дверь для такого рода войны, которая осознанно разрушает ясные отделения одного от другого. Тогда иное осторожно стилизованное компромиссное нормирование предстает лишь тонким мостиком над бездной, которая скрывает в себе чреватое большими последствиями преобразование понятий о войне, о враге и о партизанине.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ

Прусские разногласия с партизанством

В Пруссии, ведущей военной державе Германии, восстание против Наполеона весной 1813 г. было преисполнено сильным национальным чувством. Великое мгновение быстро миновало; однако в истории партизанства оно столь существенно, что мы должны будем впоследствии обсудить его особо.

Сначала нам необходимо обратить внимание на бесспорный исторический факт: прусская и ведомая Пруссией германская армия с 1813 г. вплоть до окончания Второй мировой войны предоставляет нам классический пример организации войска, которая радикально вытеснила идею партизанства. Тридцать лет немецкого колониального господства в Африке (1885–1915) были в военном смысле недостаточно важны, чтобы серьезно подвести блестящих теоретиков прусского генерального штаба к проблеме. Австро-венгерская армия знала партизанскую войну на Балканах и имела регламент для малой войны. Напротив, прусско-германская армия вторглась во время Второй мировой войны 22 июня 1941 г. в Россию, не думая о войне партизанской. Свою кампанию против Сталина она начала с максимы: воинские части подавляют врага; мародеры обезвреживаются полицией. Лишь в октябре 1941 г. последовали первые специальные инст-

рукции по подавлению партизан; в мае 1944 г., всего лишь за год до окончания четырехлетней войны, вышел первый полный регламент верховного главнокомандования вермахта¹⁹.

Прусско-германская армия стала в XIX в. самой знаменитой, образцовой военной организацией тогдашнего, европоцентристского мира. Но она была обязана этой славой исключительно военным победам над другими регулярными европейскими армиями, в особенности — над армиями Франции и Австрии. С иррегулярной войной она встретилась только во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. во Франции, в образе так называемых франтирёров^{25*}, которых по-немецки именовали партизанами <Heckenschützen> и безжалостно обращались с ними в соответствии с военным правом, как это, впрочем, делала и всякая регулярная армия. Чем строже дисциплина в регулярной армии, чем корректнее она различает военных и гражданских лиц и считает врагом только противника, одетого в униформу, тем чувствительнее и нервнее она становится, если на другой стороне в борьбе принимает участие и не одетое в униформу гражданское население. Военные реагируют тогда жесткими репрессиями, расстрелами, взятием заложников и разрушением населенных пунктов и считают это

¹⁹ Hans Schomerus, Partisanen, в еженедельнике *Christ und Welt*, Nr. 26, 1949 (в особенности глава: Der Wall der Tradition). Большое значение для проблемы партизана имеют также последующие статьи Шомеруса в том же году этого издания.

справедливой самообороной против коварства и вероломства. Чем с большим уважением относятся как к врагу к регулярному, одетому в униформу противнику и не путают его с преступником даже в самой кровавой борьбе, тем беспощаднее обходятся как с преступником с иррегулярным бойцом. Все это само собой следует из логики классического европейского военного права, которое различает военных и гражданских лиц, комбатантов и некомбатантов и которое мобилизует редкую моральную силу — не объявлять преступником врага как такового.

Немецкий солдат узнал о франтирере во Франции, осенью 1870 г. и следующей зимой 1870—1871 гг., после важной победы, которую он одержал над регулярной армией императора Наполеона III в битве под Седаном 2 сентября^{26*}. Если бы все шло по правилам классической, регулярной войны армий, то следовало было бы ожидать, что после такой победы война будет окончена и будет заключен мир. Вместо этого побежденное правительство императора было смещено. Новое республиканское правительство под руководством Леона Гамбетты^{27*} провозгласило национальное восстание против чужого захватчика, «войну *à outrance**». Оно весьма спешно набирало все новые армии и бросало все новые массы плохо обученных солдат на поля сражений. В ноябре 1870 г. оно даже достигло военного успеха на берегах Луары^{28*}. Так как на длительное ведение войны не рассчитывали, положение немецких армий стало угрожаю-

* До победного конца (фр.).

щим, и было поставлено под угрозу внешнеполитическое положение Германии. Население Франции пришло в состояние патриотического волнения и в самых разных формах стало участвовать в борьбе против немцев. Немцы арестовывали уважаемых лиц и так называемую знать (нотаблей) в качестве заложников, расстреливали франтирёров, которые попадались им с оружием в руках, и оказывали на население давление посредством всевозможных репрессий. Это была исходная ситуация для более чем полувекового спора юристов в области международного права и официальной пропаганды обеих сторон за и против франтирёра. Разногласия снова вспыхнули в Первую мировую войну как бельгийско-германский спор о франтирёрах. По этому вопросу написаны целые тома, и еще в недавние 1958—1960 гг. комитет уважаемых немецких и бельгийских историков попытался прояснить и разрешить по крайней мере один спорный пункт из этого комплекса [вопросов] — бельгийский спор о франтирёрах 1914 г.²⁰

Всё это примечательно для проблемы партизана, поскольку показывает, что нормативное регулирование — если оно должно, следуя фактам, осмыслить положение вещей, и если оно должно не только выдавать глиссандо суждений о цене и об общих ограничительных условиях — является юридически невозможным. Традиционное евро-

²⁰ E. Kessel, *Historische Zeitschrift* Bd. 191 (Oktober 1960) S. 385–93; Franz Petri und Peter Schöller, *Zur Bereinigung des Franktireurproblems vom August 1914*, Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 9. Jahrgang 1961, S. 234–248.

пейское оберегание межгосударственной войны с XVIII в. исходит из определенных понятий, которые хотя и оказались поставленными под вопрос Французской революцией, но тем действеннее были подтверждены реставрацией Венского конгресса. Эти восходящие к эпохе монархии представления об оберегаемой войне и о законном враге могут легализоваться в межгосударственных отношениях лишь в том случае, если все ведущие войну государства одинаково придерживаются их как во внутренней, так и в межгосударственной политике, то есть если их внутренние и межгосударственные понятия о регулярности и иррегулярности, легальности и нелегальности совпадают содержательно или же, по крайней мере, некоторым образом по своей структуре. В противном случае межгосударственное нормирование, вместо содействия достижению мира, станет лишь поставлять предлоги и лозунги для взаимных обвинений. Эта простая истина со времени Первой мировой войны стала постепенно осознаваться. Но фасад традиционного понятийного инвентаря идеологически еще очень силен. По практическим причинам государства заинтересованы в использовании так называемых классических понятий, даже если эти последние в иных случаях отбрасываются в сторону как старомодные и реакционные. Кроме того, юристы европейского международного права упорно вытесняли из своего сознания различимую с 1900 г. картину новой действительности²¹.

²¹ «Без всякого критического восприятия, и даже совершенно ничего не подозревая, европейское учение о между-

Если все это в обобщенном смысле способствует различию между европейской межгосударственной войной старого стиля и демократической народной войной, тогда тем более это относится к импровизированной национальной народной войне *à outrance*, как ее провозгласил Гамбетта в сентябре 1870 г. Гаагский устав сухопутной войны 1907 г. — не иначе, нежели все его предшественники в XIX в. — пытался достичь компромисса, имея в виду франтирера. Гаагский устав требует известных условий для того, чтобы признать импровизированного воина, одетого в импровизированную униформу, комбатантом в международно-правовом смысле: ответственные начальники, постоянный, далеко видимый знак отличия и, прежде всего, открытое ношение оружия. Неясность понятий Гаагского уложения и Женевских конвенций велика и запутывает проблему²². Партизан все-таки именно тот, кто избе-

народном праве в конце XIX в. утратило сознание пространственной структуры своего прежнего порядка. Оно чрезвычайно наивно считало победой европейского международного права становящийся все более обширным, все более поверхностным и все более внешним процесс универсализации. Устранение Европы из международно-правового центра земли оно считало возвышением Европы в этом центре» ([Schmitt C.]. *Der Nomos der Erde*, Berlin, (Duncker & Humblot) 1950, S. 206).

²² Путаница становится непроходимой, и это не только в политической пропаганде и контрпропаганде (где она уместна) и не только в обсуждении насущных спорных случаев (как с югославским гражданином Лазарем Врацаричем, ко-

гает открыто носить оружие, кто борется исподтишка, кто использует как униформу противника, так и устойчивые или свободные знаки отличия и всякого рода гражданскую одежду как маскировку. Скрытность и темнота — его мощнейшие орудия, от которых он честно не может отказаться без того, чтобы не утратить пространство иррегулярности, т. е. без того, чтобы перестать быть партизаном.

Военная концепция прусской регулярной армии ни в коем случае не была основана на недостаточной разумности или на незнании значения герильи. Это видно по интересной книге типич-

торый был арестован в ноябре 1961 г. немецкими властями в Мюнхене), но, к сожалению, и в специальной юридической литературе, как только она утрачивает осознание конкретных понятий европейского международного права. Это можно обнаружить в процитированной выше (с. 51–52) диссертации Jürg H. Schmid, «Die völkerrechtliche Stellung der Partisanen im Kriege». Hellmuth Rentsch, Partisanenkampf, Erfahrungen und Lehren, Frankfurt a. M., 1961, в некоторых местах оказался из-за этого сбит с толку и хочет поставить партизан «под защиту международного права» (S. 204, Anm. 9), с чем охотно согласится настоящий партизан, как с дополнительным оружием. Все это — следствие разрушения *jus publicum Europaeum* и его гуманно-рациональных понятий о войне и враге. Варваризация в военном праве, описанная в дополнительной главе, — тема замечательной книги F.J.P. Veale, Advance to Barbarism (C.C. Nelson Publishing Company, Appleton, Wisconsin, 1953: немецкий перевод вышел во втором издании 1962 г. в издательстве К. Н. Priester в Висбадене).

ного прусского офицера генерального штаба, который знал войну с франтирерами 1870–1871 гг. и который обнародовал свое мнение в 1877 г. под заглавием «Леон Гамбетта и его армии». Автор, барон Кольмар фон дер Гольц, умер во время Первой мировой войны, будучи командиром одной из турецких армий, известным как паша Гольц. Со всей объективностью и с большой точностью юный прусский офицер обнаруживает решающую ошибку республиканского ведения войны и констатирует: «Гамбетта хотел вести большую войну, и он, к своему несчастью, ее вел; для германских же армий в тогдашней Франции гораздо опаснее была бы малая война, герилья»²³.

Прусско-германское руководство сухопутными войсками пусть поздно, но, наконец, постигло партизанскую войну. Верховное главнокомандо-

²³ Colmar Freiherr von der Goltz, Leon Gambetta und seine Armeen, Berlin, 1877, S. 36: «С дальнейшим вторжением армии интервентов все Cadres (командующие) становятся слабее, но обоз становится более неповоротливым... Все это благоприятствует предприимчивым партизанским отрядам врага. Однако Гамбетта желал большой войны. Блестящими, внушительными, как и численный состав его войск, должны были быть и их военные деяния, чтобы оправдать его перед страной». Господин доктор Ю. Хадрих (Берлин), которому я обязан знакомством с книгой барона фон дер Гольца, обращает мое внимание и на то, что абиссинцы, составившие против итальянской армии Муссолини в 1935–1936 гг., были побеждены также только потому, что они пытались вести войну регулярных воинских частей вместо того, чтобы вести партизанскую войну.

вание германскими вооруженными силами 6 мая 1944 г. опубликовало уже упоминавшиеся общие директивы по борьбе с партизанами. Так, германская армия перед своим концом все же успела правильно познать партизана. Между тем майские директивы 1944 г. признаны превосходным регулированием и одним из врагов Германии. Английский бригадный генерал Диксон, опубликовавший после Второй мировой войны вместе с Отто Хайльбрунном содержательную книгу о партизанах, *in extenso** перепечатывает немецкие директивы как показательный пример правильной борьбы с партизанами, а английский генерал сэр Реджинальд С. Деннинг замечает в своем предисловии к книге Диксона—Хайльбрунна, что ценность немецких инструкций 1944 г. по борьбе с партизанами не уменьшается от того, что здесь речь идет о директивах германской армии для борьбы против русских партизан²⁴.

Два явления конца войны 1944—1945 гг. в Германии не нужно приписывать немецкому вермахту; их скорее можно объяснить противоречием с ним: немецкий Фольксштурм и так называемый «Вервольф». Фольксштурм был призван указом от 25 сентября 1944 г., как территориальное народное ополчение для обороны страны; его участ-

* В подробностях (*лат.*).

²⁴ Цитирую по немецкому изданию 1956 г.: *Partisanen, Strategie und Taktik des Guerillakrieges von Brigadier C. Aubrey Dixon, O. B. E. und Otto Heilbrunn, Verlag für Wehrwesen, Bernard & Graefe, Frankfurt a. Main — Berlin, S. XIV u. 213—240.*

ники, начиная действовать, становились солдатами в смысле закона о воинской повинности и комбатантами в смысле Гаагского устава сухопутной войны. Об их организации, вооружении, применении, боевом духе и потерях информирует недавно вышедшая работа генерал-майора Ганса Кисселя, который был шефом главного штаба германского Фольксштурма с ноября 1944 г. Киссель сообщает, что Фольксштурм на Западе был признан союзниками как воюющий отряд (воинская часть), тогда как русские рассматривали его как партизанскую организацию и пленных расстреливали. В отличие от этого территориального народного ополчения «Вервольф» был задуман как партизанская организация юношества. О результате сообщает книга Диксона и Хайльбрунна: «Некоторые немногие начинающие вервольфы были схвачены союзниками, и этим дело закончилось». «Вервольф» характеризовали как «попытку выпустить на свободу войну детей-партизан»²⁵. В любом случае, нам нет нужды останавливаться здесь на этом подробно.

²⁵ Hans Kissel, *Der Deutsche Volkssturm 1944—45, eine territoriale Miliz der Landesverteidigung*, Frankfurt/M. (Verlag E. S. Mittler & Sohn) 1962; сообщение о разном обращении [с ними] на Западе и на Востоке находится на с. 46. О «детской партизанской войне» [см.:] Erich F. Pruck, в его рецензии на книгу Кисселя, *Zeitschrift für Politik*, NF 9 (1962) S. 298—99. Прук справедливо отмечает, что «граница между легальным боевым применением (в смысле Гаагского устава сухопутной войны) и партизанством неясна». [См.:] Dixon-Heilbrunn (vgl. Anm. 24) S. 3.

После Первой мировой войны тогдашние победители ликвидировали германский генеральный штаб и запретили его восстановление в любой форме в Статье 160 Версальского договора от 28 июня 1919 г. Историческая и международно-правовая логика заключена в том, что победители во Второй мировой войне, которые тем временем объявили вне закона войну как поединок классического европейского международного права, прежде всего США и Советский Союз, после их общей победы над Германией также поставили прусское государство вне закона и уничтожили его. Так, Закон № 46 Контрольного совета союзников от 25 февраля 1947 года постановлял:

«Прусское государство, которое с давних пор было в Германии носителем милитаризма и реакции, *de facto* прекратило существовать. Руководствуясь идеей сохранения мира и безопасности народов и желая восстановления политической жизни в Германии на демократической основе, Контрольный совет предписывает следующее:

Статья 1. Прусское государство со своим правительством и всеми своими органами управления ликвидировано».

Партизан как прусский идеал 1813 года и поворот к теории

Не прусский солдат и не стремящийся к реформам кадровый офицер прусского генерального штаба, а прусский премьер-министр Бисмарк оказался тем, кто в 1866 г. против Габсбургской монархии и бонапартистской Франции «хотел

взяться за любое оружие, предлагаемое нам раскрепощенным национальным движением не только в Германии, но и в Венгрии и в Богемии», чтобы не понести поражения. Бисмарк был полон решимости привести в движение Ахеронт. Он охотно употреблял классическую цитату *Acheronta movere*^{29*}, но он приписывал это, конечно, с большей охотой своим внутривосточным противникам. Как прусский король Вильгельм I, так и шеф прусского генерального штаба Мольтке были далеки от ахеронтских планов; нечто подобное должно было казаться им жутким и даже непрусским. И для слабых попыток немецкого правительства и генерального штаба подготовить революцию во время Первой мировой войны слово *ахеронтский* было бы, пожалуй, чересчур сильным. Конечно, и приезд Ленина из Швейцарии в Россию в 1917 г. принадлежит к этому контексту. Но всё, что могли тогда, при организации путешествия Ленина, задумывать и планировать немцы, благодаря историческим последствиям этой подготовки к революции так чудовищно превзошло и перевернуло планы, что наш тезис о прусских разногласиях с партизанством тем самым скорее подтверждается, чем опровергается²⁶.

²⁶ Bismarck, Gedanken und Erinnerungen, I. Band, 20. Kapitel; III Band, 1. Глава 1 и глава 10, где цитата *Acheronta movebo* служит тому, чтобы запугать. Бисмарк недоговаривает здесь по вполне понятным причинам. В действительности он, как констатирует современный историк Эгмонт Цехлин, собрал вокруг себя «боеспособное венгерское подразделе-

Тем не менее в истории прусского солдатского государства однажды было ахеронтское мгновение», таких генералов, как Клапка (Кларка) и Тюрр (Turr). Офицерский корпус венгерского легиона состоял из верхушки венгерского дворянства. «Но Бисмарк также не постеснялся принять в главный штаб радикально-социалистического чешского революционера и друга Бакунина Йозефа Фрича (Joseph Fric). В лице полковника Оверковича в Белграде и министра Гарашанина (Garasanin) он был связан с ведущими политиками южнославянского движения, а через Виктора Эммануила, Клапку и Тюрра имел связь с европейским героем революции Гарибальди». Консервативно-реакционному царскому генералу, с которым он вел переговоры, он телеграфировал о том, что охотнее будет делать революцию, чем потерпит поражение. По сравнению с этой национально-революционной линией в политике Бисмарка попытки немецкого правительства и генерального штаба подготовить революцию во время Первой мировой войны в России, в исламско-иудейском мире и в Америке являются слабыми и «импровизаторскими»; так говорит Эгмонт Цехлин в серии статей «Стремление к миру и попытки революционизации» в еженедельной газете «Das Parlament» (Beilagen 20, 24 und 25, Mai und Juni 1961). Густав Адольф Рейн в своей богато документированной книге «Революция в политике Бисмарка» («Die Revolution in der Politik Bismarcks», Göttingen, Musterschmidt Verlag, 1957) приходит к следующему выводу: «Бисмарк светил революции в лицо, чтобы обнаружить ее внутреннюю слабость, и он попытался еще раз пробудить старую монархию к новой жизни» (с. 131). К сожалению, ситуация 1866 г. не настолько конкретно разбирается в книге Рейна, как она, пожалуй, заслуживает того в контексте данной темы.

ние. Это было зимой и весной 1812–1813 гг., когда элита офицеров генерального штаба пыталась высвободить и прибрать к рукам силы национальной вражды к Наполеону. Немецкая война против Наполеона не была партизанской войной. Едва ли можно назвать ее народной войной; таковой ее делает, как точно говорит Эрнст Форстхоф, только «легенда с политической подоплекой»²⁷. Те стихийные силы быстро удалось направить в жесткие рамки государственного порядка и регулярной борьбы против французских армий. Тем не менее это краткое, революционное мгновение сохраняет непреходящее значение для теории партизана.

²⁷ Ernst Forsthoff, *Deutsche Verfassungsgeschichte der Neuzeit*, 2. Aufl. Stuttgart (W. Kohlhammer Verlag), 1961, S. 84. Также точку зрения, что прусский ландвер — род войск, ближе всего подошедший к гражданскому идеалу народного ополчения — внес решающий вклад в победу, Форстхоф характеризует как легенду. «На самом деле применимость ландвера в начале войны можно считать лишь очень условной. Организовать с его помощью наступление оказалось невозможно, для этого были слишком малы его моральная энергия и военная ударная сила. Он не был застрахован от смятения и паники. Лишь по прошествии долгого времени на войне, когда ландвер долго находился под ружьем, его боевая цена повысилась. Ввиду этих обстоятельств утверждение о решающем вкладе ландвера в победу принадлежит к области фантазии». Эрнст Рудольф Хубер обсуждает это время весны 1813 г. и в особенности эдикт о ландштурме в своей [работе]: *Verfassungsgeschichte Bd. I* (1957) § 7 S. 213; далее: *Heer und Staat in der deutschen Geschichte*, Hamburg, 1938, S. 144 ff.

Здесь сразу вспоминается знаменитый шедевр военной науки — книга «О войне» прусского генерала фон Клаузевица. И вполне обоснованно. Но Клаузевиц был тогда юным другом своих учителей и наставников Шарнхорста и Гнейзенау, и книга его была опубликована только после его смерти, после 1832 г. Зато есть другой манифест вражды к Наполеону, восходящий непосредственно к весне 1813 г.; он принадлежит к самым поразительным документам всей истории партизанства: прусский эдикт о ландштурме от 21 апреля 1813 г. Речь идет о подписанном королем Пруссии эдикте, который с соблюдением всех правил был опубликован в Прусском своде законов. Несомненно то, что образцом для этого эдикта послужили испанский *Reglamento de Partidas y Cuadrillas** от 28 декабря 1808 г. и известный под названием *Curso Terrestre*** декрет от 17 апреля 1809 г. Но эти документы не были подписаны монархом лично²⁸. Поразительно видеть имя легитимного короля под подоб-

* Регламент партий и групп (*исп.*).

** Земной путь (*исп.*).

²⁸ Они вышли как декреты Верховной хунты (Junta Suprema), поскольку тогда не действовал легитимный монарх, ср. F. Solano Costa, а. а. О., р. 415/6. Цитированное выше (с. 25–26) швейцарское «Руководство по ведению партизанской войны для каждого» 1958 г. официальным регламентом не является, но является работой, изданной центральным правлением Швейцарского союза унтер-офицеров. Было бы поучительно сравнить ее отдельные директивы (например, предостережение следовать распоряжениям враждебной власти) с соответствующими положениями прусско-

ного рода призывом к партизанской войне. Эти десять страниц Прусского свода законов 1813 г. (с. 79—89) определенно принадлежат к самым необычным страницам всех изданных законов мира.

Каждый гражданин государства, как значится в прусском королевском эдикте от апреля 1813 г., обязан сопротивляться вторгшемуся врагу всеми видами оружия. Настоятельно рекомендуются (в § 43) топоры, вилы, косы и дробовые винтовки. Каждый пруссак обязан не повиноваться *никакому* распоряжению врага, но вредить ему всеми доступными средствами. Даже если враг желает восстановить общественный порядок, никто не должен ему повиноваться, поскольку тем самым врагу облегчается проведение военных операций. Недвусмысленно говорится, что менее вреден «разгул необузданного сброда», чем состояние, когда враг свободно может распоряжаться всеми своими войсками. Для защиты партизана обещаются репрессии и террор, которыми грозят врагу. Короче говоря, здесь налицо своего рода *Magna Carta** партизанства. В трех местах — во введении и в §§ 8 и 52 — встречается недвусмысленная ссылка на Испанию и герилью как на «образец и пример». Борьба оправдывается как борьба в пределах необходимой обороны, которая «освящает все средства» (§ 7), в том числе и высвобождение тотального беспорядка.

го эдикта о ландштурме 1813 г., чтобы осознать, с одной стороны, одинаковую суть ситуации, с другой же стороны, технический и психологический прогресс.

* Великая хартия (*лат.*).

Я уже говорил, что до немецкой партизанской войны против Наполеона дело не дошло. Сам эдикт о ландштурме уже три месяца спустя, 17 июля 1813 г., был изменен и очищен от всякой партизанской опасности, от всякой ахеронтской динамики. Все последующее разворачивалось в боях регулярных армий, даже если динамика национального импульса и проникла в регулярный отряд. Наполеон мог похвастаться тем, что за многие годы французской оккупации на немецкой земле ни одно немецкое гражданское лицо не сделало ни одного выстрела во французский мундир.

Итак, в чем же состоит особое значение того недолго существовавшего прусского распоряжения 1813 г.? В том, что оно является официальным документом легитимации партизана национальной обороны, а именно особой легитимации, вышедшей из духа и из философии, царивших в тогдашней прусской столице Берлине. Испанская герилья против Наполеона, тирольское восстание 1809 г. и русская партизанская война 1812 г. были стихийными, автохтонными движениями набожного (католического или православного) народа, чья религиозная традиция не испытывала влияние философского духа революционной Франции и была в этом отношении *слаборазвита*. В особенности испанцев Наполеон называл в гневном письме к своему гамбургскому генерал-губернатору Даву (2 декабря 1811 г.) убивающим из-за угла, суеверным народом, который обманывают 300 000 монахов, — этот народ нельзя сравнивать с прилежными, трудолюбивыми и разумными немцами. Напротив, Берлин 1808–1813 гг. был создан и от-

чеканен духом, которому была в высшей степени знакома философия французского Просвещения, настолько знакома, что он мог чувствовать себя взросшим на ней, если не превосходящим ее.

Великий философ Иоганн Готлиб Фихте; такие высокообразованные и гениальные военные, как Шарнхорст, Гнейзенау и Клаузевиц; такой поэт, как прежде упомянутый, умерший в ноябре 1811 г. Генрих фон Клейст, — все они характеризуют огромный духовный потенциал готовой тогда в критическое мгновение к действию прусской интеллигенции. Национализм этой берлинской интеллигентской прослойки был уделом образованных людей, а не простого или вовсе неграмотного народа. В такой атмосфере, когда возмущенное национальное чувство объединилось с философским образованием, был философски открыт партизан и его теория стала исторически возможна. То, что к этому союзу относится и учение о войне, показывает письмо, написанное Клаузевицем как «анонимным военным» в 1809 г. из Кёнигсберга к Фихте как «автору статьи о Макиавелли». В этом письме прусский офицер со всем возможным почтением наставляет знаменитого философа в том, что учение Макиавелли о войне слишком зависимо от античности и что сегодня «бесконечно больше выигрывают оживлением индивидуальных сил, чем искусственной формой». Новые орудия и массы, — говорит в этом письме Клаузевиц, — вполне соответствуют этому принципу, и в конечном счете решает мужество одиночки в ближнем бою, «особенно в самой прекрасной из всех

войн, которую народ ведет на собственных нивах за свободу и независимость».

Молодой Клаузевиц знал партизана из прусских планов восстания 1808–1813 гг. В 1810–1811 гг. Клаузевиц читал в Берлинском военном училище лекции о малой войне и был не только одним из значительнейших военных знатоков малой войны в специальном смысле использования легких, мобильных отрядов. Герилья стала для него, как и для других реформаторов его круга, «прежде всего, в высшем смысле политическим делом прямо-таки революционного характера. Выступление в защиту вооружения народа, восстания, революционной войны, сопротивления и мятежа против существующего порядка, даже если оно олицетворяется иноземным оккупационным режимом — это для Пруссии новое явление, нечто «опасное» — то, что как бы выпадает из сферы правового государства». Такими словами Вернер Хальвег схватывает важную для нас суть. Но тут же добавляет: «Правда, революционной войны против Наполеона, как она представлялась прусским реформаторам, не велось. Дело дошло лишь до «полу-мятежной (halb-insurrektionellen) войны», как сказал Фридрих Энгельс. Тем не менее знаменитый февральский меморандум 1812 г. остается важным для «глубочайших побуждений» (Ротфельс) реформаторов; Клаузевиц сочинил его при помощи Гнейзенау и Бойена^{30*} перед тем, как перейти к русским. Он является «документом трезвого политического и сделанного в соответствии со стандартами генерального штаба анализа», ссылает-

ся на опыт испанской народной войны и желает спокойно довести дело до того, чтобы «ответить на жестокость жестокостью, на насилие — насилием». Здесь уже ясно распознается прусский апрельский эдикт о ландштурме 1813 г.²⁹

Клаузевица должно было тяжело разочаровать то, что все, на что он уповал в восстании, «не состоялось»³⁰. Народную войну и партизан — сторонников [определенной партии], как говорит Клаузевиц — он осознал как существенную часть «сил, взрывающихся во время войны», и включил в систему своего учения о войне. Особенно в 6 книге своего учения о войне (объем средств обороны) и в знаменитой главе 6 книги 8 (война — инструмент политики) он также признал новую «потенцию». Кроме того, у него можно найти поразительные,

²⁹ Werner Hahlweg, *Preussische Reformzeit und revolutionärer Krieg*, Beiheft 18 der Wehrwissenschaftlichen Rundschau, September 1962, S. 54/56. Письмо Клаузевица к Фихте напечатано в: *Fichtes Staatsphilosophischen Schriften*, 1. Erg. Band, S. 59–65, herausgegeben von Hans Schulz und Reinhard Strecker, Leipzig, 1925; о «трех декларациях» [Клаузевица см.:] Эрнста Энгельберга во введении к изданию «*Vom Kriege*», Verlag des Ministeriums für Nationale Verteidigung, Berlin 1957, S. XLVII/L.

³⁰ Письмо к Марии фон Клаузевиц от 28 мая 1813 г.: ... «зато как будто бы не состоялось и все, что ожидалось от помощи народов в тылу врага. Это единственное, что до сих пор не соответствовало моим ожиданиям, и должен признаться, что это наблюдение уже доставило мне грустные моменты». Karl Linnebach, *Karl und Marie von Clausewitz; ein Lebensbild in Briefen und Tagebuchblättern*, Berlin 1916, S. 336.

глубокие отдельные замечания, как, например, место о гражданской войне в Вандее: что иногда горстка разрозненных партизан может даже «претендовать на название “армия”»³¹. И тем не менее, в общем он остается реформаторски настроенным кадровым офицером регулярной армии своей эпохи, который сам не мог, учитывая всю последовательность событий, дать расцвести тем росткам, которые здесь становятся зримыми. Это, как мы увидим, произошло гораздо позже, и для этого потребовался активный профессиональный революционер. Сам Клаузевиц мыслил еще в слишком классических категориях, когда он в «причудливой тройственности войны» присваивал народу только «слепой инстинкт» ненависти и вражды, полководцу и его войску — «мужество и талант» как свободное действие души, а правительству — чисто рассудочное манипулирование войной как инструментом политики.

В том недолго существовавшем прусском эдикте о ландштурме от апреля 1813 г. центрируется мгновение, когда партизан впервые выступил в новой, решающей роли, как новая, прежде не признававшаяся фигура мирового духа. Не воля к вос-

³¹ Армия — это «вооруженная масса, находящаяся на одном и том же театре военных действий». «Было бы педантичным пользоваться названием “армия” для каждого сторонника партии, который независимо хозяйничает в отдаленной провинции, но нельзя оставить без внимания то, что никому не бросается в глаза, когда речь идет об армии вандейцев в революционной войне, хотя часто эта армия была ненамного сильнее». Ср. ниже прим. 44 (пример Алжира).

станию храброго, воинственного народа, но образование и интеллигентность открыли партизану эту дверь и наделили его легитимностью, основанной на философском базисе. Здесь он стал, если мне позволят так выразиться, философски аккредитованным и получил доступ ко двору. Прежде этого не было. В XVII в. он опустился до уровня персонажа плутовского романа; в XVIII в., во время Марии Терезии и Фридриха Великого, он был пандуром и гусаром. Но теперь, в Берлине 1808–1813 гг., его открыли и оценили не только в военно-техническом, но и в философском смысле. По крайней мере на одно мгновение он обрел историческое положение и духовное посвящение. Это было процессом, которого он не смог забыть. Это является решающим для нашей темы. Мы говорим о теории партизана. Итак, политическая, выходящая за рамки специальных военных классификаций, *теория* партизана стала, собственно говоря, возможной лишь благодаря этой успешной аккредитации в Берлине. Искра, залетевшая в 1808 г. из Испании на север, нашла в Берлине теоретическую форму, которая дала возможность сохранить ее горение и передать ее дальше в другие руки.

Правда, вначале тогда и в Берлине традиционное благочестие народа не было под угрозой, точно так же как и политическое единство короля и народа. Казалось, оно даже скорее укрепилось, чем подверглось опасности, благодаря подтверждению присягой и прославлению партизана. Высвобожденный Ахеронт сразу возвратился в русло государственного порядка. После войн за освобождение Германии 1813–1815 гг.^{31*} в Прус-

сии господствовала философия Гегеля. Она пыталась осуществлять систематическое посредничество между революцией и традицией³². Она могла считаться консервативной и была таковой на самом деле. Но она законсервировала и революционную искру и благодаря своей философии истории предоставила продолжающейся развиваться революции опасное идеологическое оружие, более опасное, чем философия Руссо в руках якобинцев. Это историко-философское оружие попало в руки Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Однако оба немецких революционера были в большей степени мыслителями, чем активистами революционной войны. Только благодаря русскому профессиональному революционеру — Ленину — марксизм как доктрина стал всемирно-исторической властью, которую он сегодня представляет собой.

От Клаузевица к Ленину

Ганс Шомерус, которого мы уже цитировали как эксперта в области партизанства, дал одному разделу своих (ставших мне доступными лишь в рукописи) рассуждений название: *От Етресинадо к Буденному*. Это значит: от партизана испанской герильи против Наполеона к организатору советской кавалерии, начальнику конницы боль-

³² Joachim Ritter, *Hegel und die französische Revolution*, Westdeutscher Verlag, Köln und Opladen, 1957. Весьма показательна для нашего контекста формулировка Рейнхарта Козеллека [в работе] (Reinhart Koselleck, *Staat und Gesellschaft in Preussen 1815 bis 1848* (в: *Schriftenreihe Industri-*

шевистской войны 1920 г. В таком названии просвечивает интересная военно-научная линия развития. Однако для нас, имеющих в виду теорию партизана, оно слишком сильно обращает внимание на военно-технические вопросы тактики и стратегии подвижной <beweglichen> войны. Мы должны не упускать из виду развитие понятия политического, которое как раз здесь совершает радикальный поворот. Классическое, зафиксированное в XVIII—XIX вв. понятие политического было основано на *государстве* европейского международного права и сделало войну классического международного права оберегаемой в международно-правовом смысле, чистой межгосударственной войной. С XX века эта война государств с ее обереганиями устраняется и заменяется революционной войной партий. По этой причине мы озаглавили нижеследующие рассуждения *От Клаузевица к Ленину*. Правда, здесь — по сравнению с специальным военно-научным сужением [темы] — заключена в известном смысле противоположная опасность, что мы увлечемся историко-философскими дедукциями и запутаемся в генеалогических деревьях.

Партизан здесь — надежная точка рассмотрения, поскольку он может уберечь от таких всеобщих философско-исторических генеалогий и

elle Welt 1, herausgegeben von Werner Conze, Stuttgart, Ernst Klett Verlag, 1962, S. 90): «Социологический факт, сосредоточить в себе буржуазную интеллигенцию, и историческое сознание прусских служащих, *обрести государственность их государства в духе*, это один и тот же феномен».

способен привести назад в действительность революционного развития. Карл Маркс и Фридрих Энгельс уже осознали, что революционная война сегодня не является баррикадной войной старого стиля. Особенно это непрестанно подчеркивал Энгельс — автор многочисленных военно-научных сочинений. Но он считал возможным, что буржуазная демократия с помощью всеобщего избирательного права предоставит пролетариату большинство в парламенте и, таким образом, легально переведет буржуазный общественный строй в бесклассовое общество. Вследствие этого и совершенно непартизанский ревизионизм мог апеллировать к Марксу и Энгельсу.

Напротив, Ленин был тем, кто осознал неизбежность насилия и кровавых революционных гражданских войн и войн государств, и потому одобрил и партизанскую войну как необходимую составную часть общего революционного процесса. Ленин оказался первым, кто вполне осознанно постиг партизана как важную фигуру национальной и международной гражданской войны и попытался превратить его в действенный инструмент центрального коммунистического партийного руководства. Насколько я могу судить, впервые это произошло в статье «Партизанская война», вышедшей 30 сентября/13 октября 1906 г. в русском журнале «Пролетарий»³³. Это

³³ W. I. Lenin, *Sämtliche Werke*, 2. Aufl. Bd. 10, Wien 1930, S. 120, 121; здесь я цитирую по немецкому изданию военных трудов Ленина в немецком Militärverlag, Berlin (Ost) 1961, «Von Krieg, Armee und Militärwissenschaft»,

ясное продолжение познания врага и вражды, которое начинается в 1902 г. в сочинении «Что делать?», прежде всего, с поворота против *объективизма* Струве. С этого «последовательно начался профессиональный революционер»³⁴.

Ленинская статья о партизане касается тактики социалистической гражданской войны и обращена против распространенного в то время среди социал-демократов мнения, будто пролетарская революция сама собой достигнет своей цели как массовое движение в парламентских странах, так что методы прямого применения силы якобы устарели. Для Ленина партизанская война относится к методу гражданской войны и касается, как и все остальное, чисто тактического или стратегического вопроса конкретной ситуации. Партизанская война — это, как говорит Ленин, «неизбежная форма борьбы», которую используют без догматизма или предзаданных принципов так же, как должно пользоваться другими, легальными или нелегальными, мирными или на-

Vd. 1, S. 294–304. Дстойное внимания совпадение, что «Размышления о насилии» Жоржа Сореля были опубликованы в Париже в том же 1906 году, а именно в журнале «Mouvement Socialiste». Я благодарен замечанию Хельмута Ренча (Hellmuth Rentsch, a. a. O., S. 203, Anm. 3), указывающему на книгу Michael Prawdin, Netschajew — von Moskau verschwiegen (Frankfurt a. M.—Bonn, 1961) S. 176, согласно которой Ленин уже в 1905 г. говорил о необходимости герильи. Точный текст необходимо еще проверить.

³⁴ Peter Schreibert, Über Lenins Anfänge, Historische Zeitschrift 182 (1956) S. 564.

сильственными, регулярными или нерегулярными средствами и методами, судя по ситуации. Цель — коммунистическая революция во всех странах мира; то, что служит этой цели, хорошо и справедливо. Вследствие этого очень просто решается проблема партизана: руководимые коммунистическим центром партизаны являются борцами за мир и доблестными героями; партизаны, уклоняющиеся от этого руководства, являются анархическим сбродом и врагами человечества.

Ленин был большим знатоком и почитателем Клаузевица. Он интенсивно штудировал книгу «О войне» во время Первой мировой войны в 1915 г. и заносил в свою *Тетрадку* выписки из нее на немецком языке, заметки на полях на русском, с подчеркиваниями и восклицательными знаками. Таким образом, он создал один из грандиознейших документов мировой истории и истории духа. Из основательного рассмотрения этих выписок, заметок на полях, подчеркиваний и восклицательных знаков можно развить новую теорию абсолютной войны и абсолютной вражды, которая определяет эпоху революционной войны и методы современной холодной войны³⁵. То, чему Ленин мог научиться у Клаузеви-

³⁵ Немецкое издание *Тетрадки* Ленина к «О войне» Клаузевица опубликовано в 1957 г. в Берлине Институтом марксизма-ленинизма при Центральном Комитете СЕПГ. Самое значительное изложение и анализ *Тетрадки* дал Вернер Хальвег, а именно в статье «Ленин и Клаузевиц», в *Archiv für Kulturgeschichte*, 36. Band, 1954, S. 30–39 und 357–387.

ца и что он основательно выучил, вовсе не сводится к знаменитой формуле о войне как о продолжении политики. Дальнейшее познание состоит в том, что различие друга и врага в эпоху революции является первичным и первенствующим и определяет как войну, так и политику. Для Ленина только революционная война является подлинной войной, поскольку она происходит из абсолютной вражды. Все остальное — условная игра.

Хальвег является также ответственным редактором последнего издания книги «О войне», вышедшей в 1952 г. в издательстве Ferdinand Dummler, Bonn. Оригинальное достижение Ленина, согласно Хальвегу, заключается в том, что он применил и познал Клаузевица не на стадии (поначалу буржуазной) революции 1789 г., а на стадии пролетарской революции 1917 г. Кроме того, он осознал, что из войны государств и наций возникает классовая война, и она заступает на место ожидаемого Марксом и Энгельсом экономического кризиса. С помощью формулы «Война есть продолжение политики» Ленин разрешает почти «всеобщие центральные вопросы революции в ее борьбе: познание сущности (классовый анализ) Мировой войны и сопряженные с этим проблемы, такие как оппортунизм, защита отечества, национально-освободительная борьба, различие между справедливой и несправедливой войной, отношения между войной и миром, революцией и войной, окончание империалистической войны путем свержения рабочим классом власти внутри страны, ревизия большевистской программы партии» (Nahlweg, a. a. O., S. 374). Мне кажется, что каждый пункт, справедливо перечисляемый здесь Хальвегом, предоставляет пробный камень для понятия врага.

Различие между Krieg (война) и Spiel (игра) Ленин сам особенно подчеркивает в заметке на полях к одному месту 23 главы книги II («Schlüssel des Landes»). В логике этого различия совершается решающий шаг, нарушающий те оберегания, которые удалось сделать межгосударственной войне континентального европейского международного права в XVIII в., которые настолько успешно реставрировал Венский конгресс 1814–1815 гг., что они сохранились до конца Первой мировой войны и об их устранении Клаузевиц еще по-настоящему не думал. По сравнению с войной абсолютной вражды, протекающая согласно признанным правилам, оберегаемая война классического европейского международного права — уже не больше чем дуэль между кавалерами, имеющими право искать сатисфакции. Такому воодушевленному абсолютной враждой коммунисту, как Ленин, подобный род войны должен был представляться только игрой, в которой он, судя по положению дела, участвовал, чтобы вводить врага в заблуждение, но которую он, по существу, презирал и находил смешной³⁶.

Война абсолютной вражды не ведает никакого оберегания. Последовательное осуществление абсолютной вражды придает войне ее смысл и справедливость. Итак, вопрос только в том: име-

³⁶ Walter Grottian, Lenins Anleitung zum Handeln, Theorie und Praxis sowjetischer Aussenpolitik, Westdeutscher Verlag, Köln und Opladen, 1962, с хорошим списком литературы и предметным указателем.

ется ли абсолютный враг и кто это *in concreto*?* Ленин ни минуты не сомневался в ответе, и его преимущество перед всеми остальными социалистами и марксистами состояло в том, что он принимал абсолютную вражду всерьез. Его конкретный абсолютный враг был классовый враг, буржуа, западный капиталист и капиталистический общественный строй в каждой стране, где он господствовал. Знание врага представляло собой тайну чудовищной ударной силы Ленина. Его понимание партизана основывалось на том, что современный партизан стал подлинно иррегулярным явлением и, тем самым, сильнейшим отрицанием наличного капиталистического порядка, и что его призвание состоит в подлинном осуществлении вражды.

Иррегулярность партизана сегодня соотносится не только с военной «линией», как в XVIII в., когда партизан был только «легким, подвижным отрядом», и она также больше не соотносится к гордо выставленной напоказ униформой регулярного отряда. Иррегулярность классовой борьбы ставит под вопрос не только линию, но и все здание политического и социального порядка. В лице русского профессионального революционера Ленина эта новая действительность подняла себя до философского осознания. Осуществленный Лениным союз философии с партизаном неожиданно высвободил новые, взрывные силы. Этот союз вызвал, по меньшей мере, подрыв всего европоцентристского мира, который надеялся

* Конкретно (лат.).

спасти Наполеон и реставрировать — Венский конгресс.

Оберегание *межгосударственной* регулярной войны и укрощение *внутригосударственной* гражданской войны стали настолько самоочевидными для европейского XVIII в., что и умные люди Ancien Régime (старого порядка) не могли представить себе разрушение этого рода регулярности, даже после опыта французской революции 1789—1793 гг. Для этого они находили только язык всеобщего ужаса и недостаточные, по сути дела ребяческие сравнения. Великий, смелый мыслитель Ancien Régime (старого порядка), Жозеф де Местр, прозорливо предвидел, о чем идет речь. В письме, написанном летом 1811 г.³⁷, он считал Россию созревшей для революции, но он надеялся, что это будет, как он говорит, *естественная* революция, но не просвещенчески-европейская, наподобие французской. Чего он более всего опасался, так это *образованного Пугачева*. Так он выразился, чтобы наглядно показать, что он правильно познал как собственную

³⁷ Europa und Russland, Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses, herausgegeben von Dmitrij Tschizevskij und Dieter Groh, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1959, S. 61, письмо к де Росси от 15. (27.) августа 1811. А также о прогнозах и критике России де Местром: Dieter Groh, Russland und das Selbstverständnis Europas, ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte, Hermann Luchterhand Verlag, Neuwied, 1961, особенно S. 105 ff. Важное значение для нашей темы имеют и другие сведения и описания в данной книге.

опасность, именно союз философии со стихийными силами восстания. Кем был Пугачев? Предводителем крестьянского и казацкого восстания против Екатерины II, который был казнен в Москве в 1775 г. и который выдавал себя за умершего мужа царицы. *Образованный* Пугачев был бы тем русским, который «начал бы революцию на европейский лад». Это дало бы целый ряд ужасных войн, и если бы дело зашло так далеко, «то у меня нет слов, чтобы сказать Вам, чего бы тогда следовало опасаться».

Точка зрения этого умного аристократа поразительна, как в том, что он видит, а именно возможность и опасность соединения западного ума с русским бунтом, так и в том, чего он не видит. Со своей хронологией и местом — Санкт-Петербург лета 1811 г. — де Местр находится неподалеку от прусских военных реформаторов. Но он ничего не замечает в отношении своей собственной близости к стремящимся к реформам кадровым офицерам прусского генерального штаба, чьи контакты с царским двором в Санкт-Петербурге были все же достаточно интенсивны. Де Местр ничего не подозревает о Шарнхорсте, Гнейзенау и Клаузевице. Если скомбинировать их имена с именем Пугачева, то суть дела фатальным образом была бы упущена. Глубокомыслие значительного видения пропадает, и остается только острое словцо в стиле Вольтера или, если угодно, Ривароля. Если еще подумать о союзе гегелевской философии истории с высвобожденными силами масс, как его осознанно осуществил профессиональный революционер-марксист Ле-

нин, тогда формулировка гениального де Местра рассеивается до ничтожного эффектного диалога из прихожих и гостиных Ancien Régime. Язык и мир понятий «оберегаемая война» и «дозированная вражда» уже не могли соответствовать взрыву абсолютной вражды.

От Ленина к Мао Цзэдуну

Во время Второй мировой войны русские партизаны по оценке экспертов отвлекли на себя примерно двадцать немецких дивизий и тем самым внесли существенный вклад в исход войны. Официальная советская историография — как, например, книга Бориса Семеновича Тельпуховского о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — описывает доблестного партизана, который разрушает тыл вражеских армий. На огромных пространствах России и при бесконечно длинных фронтах, растянувшихся на тысячи километров, каждая дивизия была для немецкого военного командования незаменимой. Основная точка зрения Сталина относительно партизана сводилась к тому, что партизан всегда должен сражаться в тылу врага, согласно известной максиме: в тылу партизаны, на фронте братство.

Сталину удалось связать мощный потенциал национального и отечественного сопротивления — а именно, по существу своему оборонительную, теллурическую силу патриотической самозащиты от иноземного завоевателя — с агрессивностью интернациональной коммунистической мировой революции. Соединение двух

этих гетерогенных величин господствует в сегодняшней партизанской борьбе на всей планете. При этом коммунистический элемент до сих пор был большей частью в выигрыше уже благодаря своей целеустремленности и опоре на Москву или Пекин. Сталин жестоко пожертвовал польскими партизанами, сражавшимися во время Второй мировой войны против немцев. Партизанские сражения в Югославии в 1941–1945 гг. были не только общенациональной защитой от чужого завоевателя, но и весьма ожесточенными внутренними сражениями между коммунистическими и монархическими партизанами. В этой братоубийственной борьбе коммунистический вождь партизан Тито победил и уничтожил с помощью Сталина и Англии своего внутриюгославского врага, поддерживавшегося англичанами генерала Михайловича^{32*}.

Величайший практик революционной войны современности стал одновременно ее самым знаменитым теоретиком: Мао Цзэдун. Некоторые из его трудов являются «сегодня обязательной литературой для чтения в западных военных училищах» (Ханс Хенле). Уже с 1927 г. он собирал опыт коммунистического действия, а потом использовал японское вторжение 1932 г. для того, чтобы систематически развить все современные методы одновременно национальной и интернациональной гражданской войны. «Великий поход», от южного Китая до монгольской границы, начавшийся в ноябре 1934 г., более 12 000 километров с огромными потерями, привел к целому ряду партизанских достижений и способствовал

накоплению партизанского опыта, в результате которых коммунистическая партия Китая сплотилась в крестьянскую и солдатскую партию, с партизаном в центре^{33*}. Многозначительное совпадение заключается в том, что Мао Цзэдун создал свои важнейшие труды в 1936–1938 гг., стало быть, в те же самые годы, когда Испания в национальной освободительной войне сопротивлялась интернациональному коммунистическому захвату. В этой испанской гражданской войне партизан значительной роли не играл. Напротив, Мао Цзэдун обязан победой над своим национальным противником, Гоминьданом и генералом Чан Кайши, исключительно опыту китайской партизанской войны против японцев и Гоминьдана.

Важнейшие для нашей темы формулировки Мао Цзэдуна встречаются в работе 1938 г. «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков». Но необходимо привлечь и другие работы Мао, чтобы полно представить себе картину учения о войне этого нового Клаузевица³⁸. Фактически речь идет о последо-

³⁸ Mao Tse-Tung, *Ausgewählte Schriften in vier Bänden*, Berlin, Dietz Verlag, 1957; Theodor Arnold, *Der revolutionäre Krieg*, 2. Aufl., ZEBRA Schriftenreihe Nr. 7, IImgau Verlag Pfaffenhof a. d. Ilm, 1961, S. 22 f., 97 ff.; Hellmuth Rentsch, *Partisanenkampf, Erfahrungen und Lehren*, Frankfurt a. Main 1961, особенно S. 150–201 (пример Китая); Klaus Mehnert, *Peking und Moskau*, Stuttgart, Deutsche Verlagsanstalt, 1962, S. 567; Hans Henle, *Mao, China und die Welt von heute*, Union Verlag, Stuttgart, 1961.

вательном и систематически осознанном продолжении и развитии понятий прусского офицера генерального штаба. Правда, Клаузевиц, современник Наполеона I, еще не мог предвидеть степень тотальности, которая для китайца-коммуниста в отношении революционной войны сегодня самоочевидна. Характерный для Мао Цзэдуна образ явствует из следующего сравнения: «В нашей войне вооруженное население и малую войну партизан, с одной стороны, и Красную армию, с другой стороны, можно сравнить с обеими руками одного человека; или, выражаясь более практично: мораль населения является моралью вооруженной нации. А этого враг боится».

«Вооруженная нация»: это, как известно, было также девизом кадровых офицеров прусского генерального штаба, организовавших войну против Наполеона. К ним принадлежал Клаузевиц. Мы видели, что тогда мощные национальные энергии определенного образованного слоя были подхвачены регулярной армией. И радикальнейшие военные мыслители того времени делают различие между войной и миром и рассматривают войну как ясно отграниченное от мира чрезвычайное положение. И Клаузевиц не мог, исходя из своего существования в качестве кадрового офицера регулярной армии, так систематически до конца довести логику партизанства, как это удалось Ленину и Мао, исходя из их существования в качестве профессиональных революционеров. Но у Мао в отношении партизанства добавляется один конкретный момент, благодаря чему он ближе, чем Ленин, подходит к сокровенней-

шей сути дела и благодаря чему он обретает возможность высшего идейного совершенства. Одним словом: революция Мао в большей степени обоснована теллурически, чем революция Ленина. Большевистский авангард, который под руководством Ленина захватил власть в России в октябре 1917 г., обнаруживает значительные различия по сравнению с китайскими коммунистами, которые после более чем двадцатилетней войны в 1949 г. получили в руки Китай. Эти различия проявляются как во внутренней групповой структуре, так и в отношении к стране и народу, захваченным коммунистами. Идеологический спорный вопрос о том, учит ли Мао настоящему марксизму или ленинизму, становится перед лицом ужасающей действительности, определяемой теллурическим партизанством, почти столь же второстепенным, сколь и вопрос о том, не выражали ли древние китайские философы уже нечто похожее на маоизм. Речь идет о конкретной «красной элите», отчеканенной и созданной партизанской борьбой. Рут Фишер прояснила существенное — она указывает на то, что русские большевики 1917 г. были национальным меньшинством, «ведомым группой теоретиков, большинство которой состояло из эмигрантов»; китайские коммунисты 1949 г. под руководством Мао и его друзей в течение двадцати лет боролись на собственной, национальной почве с национальным противником, Гоминьданом, на основе ужасающей партизанской войны. Пусть по своему происхождению они были городским пролетариатом, как и русские большевики родом из

Петербурга и Москвы; но когда они пришли к власти, они принесли с собой основополагающий опыт тяжелейших поражений и организаторскую способность «внедрить» свои принципы «в крестьянской среде и развить их там дальше на новый, непредвиденный лад»³⁹. Здесь налицо глубочайший корень «идеологических» разно-

³⁹ Ruth Fischer, *Von Lenin zu Mao, Kommunismus in der Bandung-Aera*, Düsseldorf-Köln, 1956 (Eugen Diederichs Verlag) S. 155; ср. также H. Rentsch, a. a. O., S. 154 f.: das Beispiel China; zum Bauernproblem. Klaus Mehnert, *Peking und Moskau*, a. a. O., S. 179 ff. (пролетариат и крестьяне); Hans Henle, *Mao, China und die Welt von heute*, S. 102 (значение партизанской войны), S. 150 ff. (красные элиты), S. 161 ff. (особенная китайская линия социализма и коммунизма). W. W. Rostow (в сотрудничестве с The Center for International Studies Massachusetts Institut of Technology) *The prospects for Communist China*, New York und London, 1954, не затрагивает решающую для нас тему китайского партизанства, хотя и замечает традиционно структурированный характер китайских элит (S. 10/11, 19/21, 136): *Peking's leaders have a strong sense of history* [пекинские лидеры обладают острым чувством истории (*англ.*)] (S. 312). Он замечает, что образ мыслей китайского коммунизма, начиная с восхождения Мао, отчеканен и создан *mixed political terms* [смешанными политическими условиями (*англ.*)]. Должна ли была эта формулировка иметь побочный акцент пренебрежения — возможно, но я не могу этого утверждать — в таком случае он преградил себе путь к сути дела, а именно к вопросу о партизанстве и об абсолютном враге. О споре вокруг легенды о Мао (Benjamin Schwarz и K. A. Wittfogel) литература у K. Mehnert, a. a. O., S. 566, Anm. 12.

гласий между советско-русским и китайским коммунизмом. Но здесь обнаруживается и внутреннее противоречие в ситуации самого Мао, совмещающее в себе беспристрастного, глобально-универсального, абсолютного всемирного врага, марксистского классового врага, с могущим быть ограниченным территориально, настоящим врагом китайско-азиатской обороны от капиталистического колониализма. Это противоречие *One World*, политического единства земли и человечества с множеством больших пространств, которые разумно уравновешены внутри себя и между собой. Плюралистическое представление о новом номосе Земли Мао высказал в стихотворении «Кунлунь»^{34*} (немецкий перевод Рольфа Шнайдера):

Если бы небо было гарнизоном, тогда я обнажил бы меч

И разрубил бы тебя на три части:

Одну — в подарок Европе,

Одну — для Америки,

Но одну часть оставил бы для Китая,

И мир воцарился бы на Земле.

В конкретном положении Мао встречаются различные виды вражды, которые усиливаются до вражды абсолютной. Расовая вражда с белым, колониальным эксплуататором; классовая вражда с капиталистической буржуазией; национальная вражда с японскими интервентами той же расы; растущая в долгих ожесточенных гражданских войнах вражда с собратом собственной

национальности — все это не парализовало и не релятивировало друг друга, как можно было бы думать, но подтверждалось и интенсифицировалось в конкретном положении дел. Сталину во время Второй мировой войны удалось соединить теллурическое национально-почвенное партизанство с классовой враждой интернационального коммунизма. Мао опередил в этом Сталина на много лет. Мао и в своем теоретическом сознании продолжил формулу о войне как о продолжении политики, превосходя Ленина.

Основная у Мао мыслительная операция является столь же простой, сколь и боеспособной. Смысл войны — это вражда. Поскольку война есть продолжение политики, то и политика всегда содержит, по крайней мере как возможность, элемент вражды; и поскольку мир содержит в себе возможность вражды — что, к сожалению, является подтвержденным на опыте фактом — то и он содержит момент потенциальной вражды. Вопрос лишь в том, может ли вражда быть оберегаемой и регламентируемой, то есть является ли она относительной или абсолютной враждой. Это может решить на свой страх и риск только сама воюющая сторона. Для Мао, думающего по-партизански, сегодняшний мир является лишь формой проявления подлинной вражды. Она не прекращается и во время так называемой холодной войны. Последняя, стало быть, не является наполовину войной и наполовину миром, но представляет собой приспособленное к положению вещей сочетание настоящей вражды с другими открыто насильственными средствами. Здесь мо-

гут обманываться только слабовольные люди и мечтатели.

Отсюда вытекает практический вопрос, в каком количественном отношении находится бой регулярной армии в открытой войне к иным методам классовой борьбы, которые не являются открыто военными. На этот вопрос Мао отвечает ясными цифрами: революционная война — на девять десятых неоткрытая, иррегулярная война, и на одну десятую — открытая война военных. Немецкий генерал, Хельмут Стедке, на этом основании вывел определение партизана: партизан — это боец указанных девяти десятых ведения войны, которое предоставляет лишь последнюю десятую часть регулярным вооруженным силам⁴⁰. Мао Цзэдун ничуть не упускает из виду, что эта последняя десятая часть решает исход войны. Однако европейцу, принадлежащему старой традиции, необходимо именно здесь убеждать от того, чтобы использовать общепринятые классические понятия о войне и мире, которые, если они говорят о войне и мире, подчинены европейской оберегаемой войне XIX в. и, следовательно, не абсолютной, но лишь относительной и поддающейся обереганию вражде.

⁴⁰ Helmut Staedke, в докладе от 17 октября 1956 г. (Arbeitsgemeinschaft für Wehrforschung). В Германии особенно известны стали: J. Hogard, *Theorie des Aufstandskrieges*, в журнале «Wehrkunde», Bd. 4, Oktober 1957, S. 533–538; далее Colonel C. Lacheroy, *La campagne d'Indochin ou une leçon de guerre révolutionnaire*, 1954, ср. Th. Arnold, a. a. O. 171 ff.

Регулярная Красная армия возникает лишь тогда, когда ситуация созрела для коммунистического режима. Только тогда страна бывает открыто занятой военными. Это, конечно, не относится к заключению мира в смысле классического международного права. Практическое значение подобного рода доктрины с 1945 г. убедительнейшим образом демонстрируется всему миру благодаря разделу Германии. 8 мая 1945 г. война военных против побежденной Германии прекратилась; Германия тогда безоговорочно капитулировала. До сих пор (1963 г.) еще не заключен мир союзников-победителей с Германией; но по сей день граница между Востоком и Западом проходит точно по тем линиям, по которым 18 лет назад американские и советские регулярные воинские части разграничили свои оккупационные зоны.

Как отношение (выраженное в цифрах 9:1) холодной войны и открытой войны военных, так и более глубокая, всемирно-политическая симптоматика раздела Германии с 1945 г. являются для нас лишь примерами, чтобы разъяснить политическую теорию Мао. Ее сердцевина заключена в партизанстве, основной признак которого сегодня — это подлинная вражда. Большевистская теория Ленина познала и признала партизана. По сравнению с конкретной теллурической действительностью китайского партизана, у Ленина в определении врага есть нечто абстрактно-интеллектуальное. Идеологический конфликт между Москвой и Пекином, который все сильнее проявлялся, начиная с 1962 г., имеет глубочай-

ший источник в этой конкретно-различной действительности истинного партизанства. Теория партизана оказывается и здесь ключом к познанию политической действительности.

От Мао Цзэдуна к Раулю Салану

Славу Мао Цзэдуна как современного учителя ведения войны французские кадровые офицеры принесли из Азии в Европу. В Индокитае колониальная война старого стиля соприкоснулась с революционной войной современности. Там они на собственной шкуре узнали ударную силу хорошо продуманных методов подрывного ведения войны, психологического массового террора и их связь с партизанской войной. Исходя из собственного опыта, они разработали доктрину психологической, подрывной и повстанческой войны, о которой уже имеется обширная литература⁴¹.

⁴¹ Кратко отсылаю к указателям литературы в цитированных книгах Th. Arnold и H. Rentsch, труду «Paix et Guerre entre les Nations» Raymond Aron, Paris (Callmann-Lévy) 1962, сборнику Luís García Arias, La Guerra Moderna y la Organización Internacional, Instituto de Estudios Políticos, Madrid, 1962; в дальнейшем: Etudes des Phénomènes de la Guerre psychologique der École Militaire d'Administration de Montpellier, 1959, особенно Heft 2, Les Formes Nouvelles de la Guerre von Luís García Arias, а также книги Jacques Fauvet и Jean Planchais, La Fronde des Généraux, Paris (Arthaud) 1961, Claude Paillat, Dossier Secret de l'Algerie, Paris (Presses de la Cité) 1962, P. Paret and John W. Shy, Guerrillas in the 1960's, New York 1962, p. 88.

Хотели увидеть в этом типичный продукт образа мысли кадровых офицеров, а именно полковников, colonels. Об этом причислении к colonel здесь не следует далее спорить, хотя, возможно, было бы интересно поставить вопрос, не соответствует ли и такая фигура, как Клаузевиц, в целом скорее духовному типу полковника, а не генерала. Для нас речь идет о теории партизана и ее последовательном развитии, а последнее воплощается в сенсационном конкретном случае последних лет, скорее в генерале, чем в полковнике, а именно — в судьбе генерала Рауля Салана. Он (больше, чем другие генералы Жуо, Шаль или Целлер) является важнейшей для нас фигурой в этом контексте. В опасной позиции генерала раскрылся решающий для познания проблемы партизана экзистенциальный конфликт, который должен наступить, когда регулярно сражающийся солдат не только при случае, но длительное время в надолго рассчитанной войне должен выдерживать бой с принципиально революционным образом и иррегулярно сражающимся врагом.

Салан, уже будучи молодым офицером, узнал о колониальной войне в Индокитае. Во время Мировой войны 1940–1944 гг. он был прикомандирован к Генеральному штабу колоний и оставался в этом качестве в Африке. В 1948 г. он прибыл в Индокитай комендантом французских воинских частей; в 1951 г. он стал верховным комиссаром Французской Республики в Северном Вьетнаме; он руководил исследованием поражения под Дьенбьенфу в 1954 г. В ноябре 1958 г. он

был назначен верховным комендантом французских вооруженных сил в Алжире. До тех пор политически его можно было причислить к левым, и даже в январе 1957 г. одна таинственная организация, которую по-немецки можно назвать, вероятно, «феме» (тайное судилище), совершила на него опасное покушение. Но уроки войны в Индокитае и опыт алжирской партизанской войны повлияли на то, что он познал неумолимую логику партизанской войны. Глава тогдашнего парижского правительства, Пфлимлен, дал ему все полномочия. Однако 15 мая 1958 г. он в решающий момент способствовал приходу к власти генерала де Голля. Во время митинга в Алжире он воскликнул: «Да здравствует де Голль!»^{35*}. Но вскоре он горько разочаровался в ожидании, что де Голль будет безусловно защищать гарантированный в конституции территориальный суверенитет Франции над Алжиром. В 1960 г. началась открытая вражда Салана с де Голлем. В январе 1961 г. некоторые из друзей Салана основали ОАС (Organisation d'Armee Secrete)*, чьим декларированным шефом был провозглашен Салан, когда 23 апреля он поспешил в Алжир для того, чтобы принять участие в офицерском путче. Когда этот путч уже 25 апреля 1961 г. окончился провалом, ОАС пробовала предпринять планомерные террористические акции, как против алжирского врага, так и против гражданского населения в Алжире и населения в самой Франции; планомерные в смысле методов так называемой психологи-

* Организацию тайной армии (фр.).

ческой войны современного массового террора. Террористическое предприятие претерпело решающую потерю в апреле 1962 г. вместе с арестом Салана французской полицией. Слушание дела Верховным военным судом в Париже началось 15 мая и закончилось 23 мая 1962 г. Обвинение касалось попытки насильственного свержения легального режима и террористических актов ОАС и охватывало только период времени с апреля 1961 г. до апреля 1962 г. Его приговорили не к смертной казни, но к пожизненному заключению (*détention criminelle à perpétuité*), поскольку суд признал за обвиняемым смягчающие обстоятельства.

Я кратко напомнил немецкому читателю некоторые даты. Еще не существует истории Салана и ОАС, и нам не следует вмешиваться с оценками и суждениями в такой глубокий, внутренний конфликт французской нации. Мы можем здесь лишь установить некоторые линии из материала, насколько он опубликован⁴², чтобы прояснить наш объективный вопрос. Здесь напрашиваются многие параллели, касающиеся партизанства. Мы еще возвратимся к одной из них, по чисто эвристическим причинам и со всей необходимой осторожностью. Аналогия между прусскими офицерами генерального штаба 1808–1813 гг., находившихся под впечатлением испанской герильи, и французскими генштабистами 1950–1960 гг., которые на

⁴² Le Procès de Raoul Salan, compte-rendu sténographique, в Collection «Les grands procès contemporains», изд. Maurice Garçon, Edition Albin Michel, Paris 1962.

опыте познали современную партизанскую войну в Индокитае и в Алжире, является ошеломляющей. Большие различия также очевидны и не требуют долгого изложения. Существует сродство в главной ситуации и во многих отдельных судьбах. Но это не следует абстрактно утрировать в том смысле, что можно отождествить все теории и конструкции побежденных военных в мировой истории. Это было бы нелепым. И в случае с прусским генералом Людендорфом ситуация во многих существенных пунктах иная, чем в случае с левым республиканцем Саланом. Для нас важно только прояснение теории партизана.

Во время слушания дела Верховным военным судом Салан молчал. В начале слушания он сделал длинное объяснение, первые слова которого звучали: *Je suis le chef de l'OAS. Ma responsabilité est donc entière**. В объяснении он возражал против того, что свидетели, которых он назвал — в том числе президент де Голль, — не были допрошены, и что материал процесса ограничились временем с апреля 1961 г. (офицерский путч в Алжире) по апрель 1962 г. (арест Салана), благодаря чему его собственные мотивы оказались затуманенными, а важные исторические процессы — изолированными, отгороженными и сведенными к типам и фактам нормального уголовного кодекса. Акты насилия ОАС Салан называл просто ответом на ненавистнейший из всех актов насилия, который заключается в том, что люди, не желаю-

* Я — командир ОАС. И, следовательно, несу полную ответственность (фр.).

щие утратить свою нацию, эту нацию оберегают. Объяснение закончилось словами: «Я должен дать отчет только перед теми, кто страдает и умирает за то, что они верили в нарушенное слово и в преданный долг. Впредь я буду молчать».

И действительно, Салан сохранял молчание на протяжении всех слушаний, наперекор многим, резко настойчивым вопросам обвинителя, который считал это молчание просто тактикой. Председатель Верховного военного суда после краткого указания на «нелогичность» подобного молчания рассматривал поведение обвиняемого в конце концов если не с уважением, то терпимо и не как *contempt of court**. В конце слушания Салан ответил на вопрос председателя о том, не желает ли он добавить что-нибудь в свою защиту: «Я открою рот только для того, чтобы воскликнуть: *Vive la France!***», а представителю обвинения я отвечу просто: *que Dieu me garde!****»⁴³.

* Презрение к суду (фр.).

** Да здравствует Франция (фр.).

*** Боже упаси меня (фр.).

⁴³ Представитель обвинения пять раз констатировал «длительное молчание» обвиняемого на вопросы обвинителя (р. 108 и 157 цитированного отчета о процессе). Повтор объяснения Салана, что он будет молчать, нельзя рассматривать как перерыв в молчании (а. а. О., р. 89, 152, 157), то же касается и его благодарности предыдущему президенту Коти после его показаний (р. 172). Необычные заключительные слова выступления перед судом представителя обвинения, непонятные без заключительного слова Салана, содержатся на с. 480 отчета о процессе.

Первая часть этого заключительного замечания Салана обращена к председателю Верховного военного суда и имеет в виду ситуацию приведения в исполнение смертного приговора. В этой ситуации, в момент смертной казни, Салан воскликнул бы: *Vive la France!* Вторая часть обращена к представителю общественного обвинения и звучит отчасти подобно словам оракула. Однако дело проясняется тем, что обвинитель — таким образом, какой для прокурора все-таки еще секулярного государства не является заурядным — вдруг обратился к религии. Он не только объявил молчание Салана высокомерием и отсутствием покаяния, а затем выступил перед судом против признания смягчающих вину обстоятельств; он вдруг стал говорить, как он категорически выразился, как «христианин к христианину», *un chrétien qui s`adresse à un chrétien*, и упрекал подсудимого в том, что благодаря отсутствию покаяния тот по собственной вине лишился милости милосердного христианского Бога и навлек на себя вечное проклятие. На это Салан сказал: *que Dieu me garde!* Разверзлись бездны, над которыми разыгрываются остроумие и риторика политического процесса. Однако для нас речь идёт не о проблеме политической правосудия⁴⁴. Нас интересует только прояснение комплекса вопросов, которые благодаря таким рубрикам, как тотальная война, психологическая война, подрывная

⁴⁴ Carl Schmitt, *Verfassungsrechtliche Aufsätze* (1958) краткий комментарий 5 на с. 109; об изменении действительности благодаря судебному процессу.

война, повстанческая война, невидимая война запутались в клубок и искажают проблему современного партизанства.

Война в Индокитае 1946–1956 гг. была «образцом широко развернутой современной революционной войны» (Th. Arnold, a. a. O., S. 186). Салан узнал современную партизанскую войну в лесах, джунглях и на рисовых полях Индокитая. Он пережил на собственном опыте, что индокитайские возделыватели риса могли обратить в бегство батальон первоклассных французских солдат. Он видел бедствия беженцев и познакомился с организованной Хо Ши Мином подпольной организацией, которая перекрывала и переигрывала легальное французское правление. С пунктуальностью и точностью генштабиста он принялся за наблюдение и исследование нового, в большей или меньшей степени террористического ведения войны. При этом он сразу же столкнулся с тем, что он и его товарищи называли «психологической» войной, которая, наряду с военно-техническими действиями, свойственна современной войне. Здесь Салан мог сразу перенять систему мыслей Мао; но известно, что он также углубился в литературу об испанской герилье с Наполеоном. В Алжире Салан находился в центре ситуации, когда 400 000 хорошо вооруженных солдат боролись против 20 000 алжирских партизан, с тем результатом, что Франция отказалась от своего суверенитета над Алжиром. Потери в человеческих жизнях у всего алжирского населения были в десять — двадцать раз больше, чем у французов, но материальные затраты французов

были в десять—двадцать раз выше, чем у алжирцев. Короче говоря, Салан всей своей экзистенцией, как француз и солдат, действительно находился перед лицом *étrange paradoxe*^{*}, в *логике безумия (Irrsinnslogik)*, которая могла ожесточить и привести к попытке контрудара мужественного и интеллигентного человека⁴⁵.

* Странного парадокса (*фр.*).

⁴⁵ Об *étrange paradoxe* говорит Раймон Арон, который в большом труде «*Paix et Guerre entre les nations*» (Paris, Calmann-Lévy, 1962, S. 245) привлекает алжирскую ситуацию в главе *Determinants et Nombre*. Выражение «*Irrsinnslogik*» Ганса Шомеруса мы уже цитировали; оно происходит из партизанского рассказа «*Der Wächter an der Grenze*» (Furche Verlag 1948).

АСПЕКТЫ И ПОНЯТИЯ ПОСЛЕДНЕЙ СТАДИИ

Мы пытаемся различить в лабиринтах подобной, типичной для современной партизанской войны ситуации четыре разных аспекта, чтобы приобрести некоторые ясные понятия: пространственный аспект, затем разрушение социальных структур, далее переплетение во всемирно-политических контекстах, и, наконец, индустриально-технический аспект. Эта последовательность относительна, и ее можно изменять. Само собой разумеется, что в конкретной действительности представлены не четыре независимых области, которые можно изолировать друг от друга, но только их интенсивные взаимодействия, их взаимные функциональные зависимости выявляют общую картину, так что любое рассмотрение одного аспекта одновременно всегда содержит ссылки на три остальных аспекта и их импликации. Наконец, все они притягиваются силовым полем индустриально-технического развития.

Пространственный аспект

Совершенно независимо от доброй или злой воли людей, от мирных или воинственных намерений и целей, всякое усовершенствование человеческой техники создает новые пространства и необозримые изменения традиционных пространственных структур. Это значимо не только

для внешних, бросающихся в глаза увеличений пространства космонавтики, но и для наших старых земных пространств обитания, работы, культа и пространства свободы действий. Тезис «жилище неприкосновенно» вызывает сегодня, в эпоху электрического освещения, газопроводов, телефона, радио и телевидения, совершенно иной тип оберегания, чем во времена короля Иоанна Безземельного и Magna Charta (Великой хартии вольностей) 1215 г., когда хозяин замка мог поднять подъемный мост. Из-за технического возрастания человеческой эффективности распадаются целые системы норм, как, например, право войны на море XIX в. Из морского дна, не имеющего владельца, всплывает пространство, которое находится у побережья, так называемый континентальный шельф, как новое пространство действий человека. В не имеющих владельца глубинах Тихого океана возникают бункеры для радиоактивных отходов. Индустриально-технический прогресс вместе с пространственными структурами изменяет и порядки пространства. Ибо право есть единство порядка и местоположения <Ordnung und Ortung>, а проблема партизана есть проблема отношения регулярной и иррегулярной борьбы.

Современный солдат может лично питать по поводу прогресса оптимизм или пессимизм. Для нашей проблемы это тоже не так важно. В военно-техническом отношении любой генштабист мыслит непосредственно практически и целерационально. С военной точки зрения пространственный аспект близок ему и теоретически. Стру-

кстурное различие между так называемым театром военных действий в сухопутной войне и в войне на море — старая тема. Воздушное пространство добавилось как новое измерение со времен Первой мировой войны, благодаря чему одновременно изменились и прежние *театры военных действий* земли и моря в их пространственной структуре⁴⁶. В партизанской борьбе возникает сложно структурированное новое пространство действия, поскольку партизан борется не на открытом поле сражения и не в той же плоскости открытой войны с фронтами. Он, скорее, заставляет вступить своего врага в другое пространство. Так он добавляет к поверхности регулярного, обычного театра военных действий другое, более темное измерение, измерение глубины⁴⁷, в котором носимая напоказ униформа становится смертельно опасной. Таким образом,

⁴⁶ Об этом см. разделы «Образ пространства разделенного на землю и море театра военных действий» и «Перемена образа пространства театров военных действий» в *Der Nomos der Erde* S. 285 ff. и 290 ff., а также берлинскую диссертацию Ferdinand Friedensburg, *Der Kriegsschauplatz*, 1944.

⁴⁷ В выше (прим. 24) цитированной книге Dixon-Heilbrunn, *Partisanen*, появляется точка зрения на партизанскую борьбу как на борьбу «в глубине вражеского фронта» (с. 199), правда, вне связи с общей пространственной проблемой сухопутной и морской войны. По поводу этой общей проблемы пространства я отсылаю к моему труду *Land und Meer* (Reclams Universalbibliothek Nr. 7536, 1. Aufl. 1942, 2. Aufl. 1954) и к моей книге *Der Nomos der Erde* (Verlag Duncker & Humblot, Berlin 1950) S. 143 ff.

он представляет в области земного неожиданную, но от этого не менее эффективную аналогию с подводной лодкой, которая точно так же добавила неожиданное измерение глубины к поверхности моря, на которой разыгрывалась морская война старого стиля. Партизан из подполья мешает обычной, регулярной игре на открытой сцене. Он, исходя из своей иррегулярности, изменяет измерения не только тактических, но и стратегических операций регулярных армий. Относительно малые группы партизан могут, благодаря использованию условий местности, связывать большие массы регулярных войск. Ранее мы упоминали этот «парадокс» на примере Алжира. Это уже ясно познал и метко описал Клаузевиц в уже цитированном (выше прим. 30) высказывании, когда он говорит, что малое количество партизан, господствующих над некоторым пространством, могут претендовать на «звание армии».

Конкретной ясности понятия служит то, что мы придерживаемся теллурически-земного характера партизана и не называем или тем более не определяем его в качестве сухопутного корсара. Иррегулярность пирата никоим образом не связана с какой бы то ни было регулярностью. Напротив, корсар добывает на море военные трофеи и снабжен «патентом» государственного правительства; тип его иррегулярности как-то связан с регулярностью, и поэтому он смог быть юридически признанной фигурой европейского международного права до Парижского мира 1856 г. В этом отношении корсара морской вой-

ны и партизана сухопутной войны можно сравнивать между собой. Сильное сходство и даже тождество проявляется, прежде всего, в том, что тезис «С партизанами борются только партизанским способом» и другой тезис *à corsaire corsaire et demi** в основе своей означают одно и то же. Однако сегодняшний партизан — это нечто иное, нежели корсар сухопутной войны. Стихийная противоположность земли и моря остается слишком большой. Возможно, унаследованные различия войны, врага и трофеев, которые доньше обосновывали международно-правовую противоположность земли и моря, однажды просто расплавятся в тигле индустриально-технического прогресса. Пока что партизан все еще означает часть реальной почвы; он является одним из последних постов земли как пока еще не полностью уничтоженной всемирно-исторической стихии.

Уже испанская герилья с Наполеоном полностью раскрывается только в важном пространственном аспекте противоположности между землей и морем. Англия поддерживала испанских партизан. Морская держава пользовалась для крупных военных предприятий иррегулярными бойцами сухопутной войны, чтобы победить континентального врага. В конце концов Наполеона заставила сложить оружие не Англия, но сделали это сухопутные державы Испания, Россия, Пруссия и Австрия. Иррегулярная, типично теллурическая разновидность партизанской борьбы поступила на службу к типично морской миро-

* На каждого корсара — полтора корсара (фр.).

вой политике, которая со своей стороны безжалостно дисквалифицировала и криминализировала всякую иррегулярность на море в области права морской войны. В противоположности между землей и морем конкретизируются различные виды иррегулярности, и только если мы имеем в виду конкретную особенность, обозначенные словами *земля* и *море* пространственные аспекты в специфических формах их образования понятий, лишь тогда аналогии позволительны и плодотворны. Это значимо в первую очередь для аналогии, которая важна для нас здесь для познания пространственного аспекта. А именно: аналогично тому, как морская держава Англия в войне против континентальной державы Франции пользовалась коренным испанским партизаном, который изменял арену действия сухопутной войны благодаря иррегулярному пространству, впоследствии, во время Первой мировой войны, сухопутная держава Германия пользовалась в войне с морской державой Англией подводной лодкой как таким оружием, которое добавляло к прежнему пространству ведения войны на море другое неожиданное пространство. Тогдашние хозяева поверхности моря сразу же попытались дискриминировать новый вид борьбы как иррегулярное, даже преступное и пиратское средство борьбы. Сегодня, в эпоху подводных лодок с атомными ракетами «Поларис» каждый видит, что и то и другое — возмущение Наполеона испанским герильеро и возмущение Англии по поводу немецкой подводной лодки — лежало в одной и той же плоскости, а именно в плоскости

возмущения малоценных суждений перед лицом непредсказуемых пространственных изменений.

Разрушение социальных структур

Чудовищный пример разрушения социальных структур пережили французы в 1946–1956 гг. в Индокитае, когда рухнуло их колониальное господство на этом полуострове. Мы уже упоминали организацию партизанской борьбы Хо Ши Мином во Вьетнаме и Лаосе. Здесь коммунисты поставили себе на службу и аполитичное гражданское население. Они руководили даже домашними слугами французских офицеров и чиновников и подсобными рабочими французской службы тыла. Они взыскивали с гражданского населения налоги и совершали всякого вида террористические акты, чтобы побудить французов к ответному террору против местного населения, что способствовало возбуждению еще большей ненависти по отношению к французам. Короче говоря, современная форма революционной войны ведет ко многим новым нетрадиционным средствам и методам, описание которых по отдельности взорвало бы рамки нашего изображения. Общественный строй существует как *res publica*, как публичность, и он ставится под вопрос, если в нем образуется пространство не-публичности, действительно дезавуирующее эту публичность. Быть может, этого указания будет достаточно, чтобы осознать, что партизан, которого оттеснило профессионально военное сознание XIX в., внезапно оказался в центре нового

способа ведения войны, смысл и цель которого состояли в разрушении наличного социального порядка.

В изменившейся практике взятия заложников это становится осязаемым. Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. германские войска, в целях защиты от франтиреров, брали в заложники уважаемых людей населенного пункта: бургомистра, священника, врачей и нотариусов. Почтение к таким уважаемым людям и к знати могло быть использовано для того, чтобы оказывать давление на все население, поскольку социальный авторитет подобных типично буржуазных слоев практически не подвергался сомнению. Именно этот буржуазный класс и становится подлинным врагом в революционной гражданской войне коммунизма. Тот, кто использует таких уважаемых людей в качестве заложников, работает, судя по ситуации, на коммунистическую сторону. Для коммуниста подобного рода взятия заложников могут быть настолько целесообразными, что он, если нужно, провоцирует их — либо для уничтожения определенного буржуазного слоя, либо для его привлечения на коммунистическую сторону. В уже названной книге о партизане эта новая действительность хорошо распознается. В партизанской войне, — говорится там, — действительное взятие заложников возможно только по отношению к самим партизанам или к их ближайшим соратникам. В противном случае будут только создавать новых партизан. Наоборот, для партизан каждый солдат регулярной армии, каждый носитель униформы представляется залож-

ником. «Каждый человек в униформе, — говорит Рольф Шрёрс, — должен чувствовать угрозу, и тем самым под угрозой должно быть все, что униформа представляет как девиз»⁴⁸.

Следует лишь до конца продумать эту логику террора и ответного террора и потом перенести ее на любой вид гражданской войны, чтобы увидеть происходящее сегодня разрушение социальных структур. Достаточно небольшого числа террористов, чтобы оказывать давление на большие массы людей. К узкому пространству открытого террора добавляются дальнейшие пространства ненадежности, страха и всеобщего недоверия, «ландшафт измены», — что представила Маргрет Бовери в ряде из четырех захватывающих книг⁴⁹. Все народы европейского континента, за

⁴⁸ Rolf Schroers, *Der Partisan*, a. a. O., S. 33 f. Формальные запреты взятия заложников (как ст. 34 4-й Женевской конвенции) не касаются современных методов эффективно-го захвата в заложники целых групп.

⁴⁹ Margret Boveri, *Der Verrat im XX. Jahrhundert*, Rowohlts deutsche Enzyklopädie, 1956–1960. Персонажи этой книги состоят не только из партизан. Но «глубокая путаница» *ландшафта измены* способствует тому, что все границы легальности и легитимности «бесповоротно расплываются», так что естественно прорастание до всеобщего гештальта партизана. Я показал это на примере Ж. Ж. Руссо, в статье «Dem wahren Johann Jakob Rousseau» к 28 июня 1962 г., в «Züricher Woche» Nr. 26 от 29. Juni 1962, ср. выше прим. 13, 15 и 16. Из той «бездонной путаницы» Армин Молер как историк извлекает учение о том, что «приблизиться к многогранной фигуре партизана можно... пока что

небольшим исключением, испытали это на собственной шкуре в течение двух мировых войн и двух послевоенных эпох как новую действительность.

Всемирно-политический контекст

Точно так же наш третий аспект, переплетение во всемирно-политических фронтах и контекстах, давно овладел всеобщим сознанием. Автохтонные защитники родной почвы, которые умирали *pro aris et focis*^{*}, национальные и патриотические герои, уходившие в лес, все, что было реакцией стихийной, теллурической силы против чужого вторжения, между тем попало под

только благодаря историческому описанию. С большей дистанции это может быть иначе. Еще долго всякая попытка мыслительно или поэтически справиться с этим ландшафтом будет порождать только загадочные, симптоматические для времени, значимые фрагменты» (так в обсуждении книги Рольфа Шрёрса в журнале *Das Historisch-Politische Buch*, Musterschmidt Verlag, Göttingen, 1962, Heft 8). Это учение Молера и имплицированный в нем приговор, конечно, касается и нашей собственной попытки теории партизана. Мы это осознаём. Наша попытка была бы по-настоящему исчерпана и окончена, если бы наши категории и понятия были бы подвержены рефлексии так же, как то, что до сих пор было сказано ради опровержения или устранения нашего понятия Политического.

* За алтари и очаги (*лат.*). Фраза взята из трактата Цицерона «О природе богов».

интернациональное и наднациональное центральное управление, которое помогает и поддерживает, но только в интересах совершенно иного рода всемирно-агрессивных целей, и которое, сообразно обстоятельствам, защищает или бросает на произвол судьбы. Тогда партизан утрачивает свой существенно оборонительный характер. Он становится манипулируемым орудием всемирно-революционной агрессивности. Он просто приносится в жертву и обманом лишается всего, за что он поднимался на борьбу и в чем был укоренен теллурический характер, легитимность его партизанской иррегулярности.

В известном смысле партизан как иррегулярный боец всегда зависим от помощи регулярных сил. Этот аспект дела всегда наличествовал, а также осознавался. Испанский герильеро обретал легитимность в обороне и в согласии с королевской властью и с нацией; он защищал родную почву от иноземного завоевателя. Но Веллингтон также принадлежит к испанской герилье, и эта борьба с Наполеоном велась при помощи Англии. Полный досады Наполеон часто вспоминал о том, что Англия была настоящей подстрекательницей и собственно той, кто извлекал выгоду из испанской партизанской войны. Сегодня связь осознается еще отчетливее, поскольку непрерывное усиление технических боевых средств делает партизана зависимым от постоянной помощи союзника, который обладает индустриально-техническими ресурсами, чтобы развивать и обеспечивать партизана новейшим оружием и новейшей техникой.

Если много заинтересованных третьих лиц конкурируют друг с другом, то партизан обладает свободным пространством для собственной политики. Таково было положение Тито в последние годы Второй мировой войны. В партизанских битвах, разыгрывавшихся во Вьетнаме и Лаосе, ситуация осложняется тем, что внутри самого коммунизма стало актуальным противоречие между русской и китайской политикой. При поддержке Пекина можно было забросить больше партизан через Лаос в Северный Вьетнам; фактически это было бы более эффективной помощью вьетнамскому коммунизму, чем поддержка Москвы. Вождь освободительной войны против Франции, Хо Ши Мин, был сторонником Москвы. Более эффективная помощь решит исход дела, будь то выбор между Москвой и Пекином, или другие альтернативы в создавшемся положении.

Для подобных интенсивно-политических связей цитированная выше книга Рольфа Шрёера о партизанах находит меткую формулу; там говорится о *заинтересованном третьем лице*. Это удачное выражение. Ибо это заинтересованное третье лицо здесь не какая-то банальная фигура, как третий смеющийся из поговорки. Оно, скорее, существенно относится к ситуации партизана, и поэтому и к теории партизана. Могущественный третий предоставляет не только оружие и боеприпасы, деньги, материальную помощь и всякого рода медикаменты, он создает и разновидность политического признания, в котором нуждается иррегулярно борющийся партизан, чтобы не опуститься, подобно разбойнику и пи-

риту, в Неполитическое, это значит здесь: в криминальное. С расчетом на далекое будущее иррегулярное должно легитимизироваться по регулярному; а для этого у нерегулярного есть только две возможности: признание наличного регулярного или осуществление новой регулярности собственными силами. Это жестокая альтернатива.

В той мере, в какой партизан моторизируется, он утрачивает почву, и растет его зависимость от индустриально-технических средств, в которых он нуждается для своей борьбы. Тем самым возрастает также власть заинтересованного третьего, так что она, в конце концов, достигает планетарных масштабов. Все аспекты, в которых мы до сих пор рассматривали сегодняшнее партизанство, как будто бы тем самым растворяются во всепобеждающем техническом аспекте.

Технический аспект

Партизан тоже не остается в стороне от развития, от прогресса, от современной техники и свойственной ей науки. Старый партизан, в руки которому прусский эдикт о ландштурме 1813 г. хотел вложить вилы, сегодня кажется смешным. Современный партизан сражается при помощи автоматов, ручных гранат, пластиковых бомб, и, вероятно, скоро начнет пользоваться тактическим атомным оружием. Он моторизован и связан с информационной сетью, оснащен тайными радиопередатчиками и радарными установками. При помощи самолетов его снабжают оружием и продовольствием. Но его, как сегодня, в 1962 г.

во Вьетнаме, подавляют вертолетами и блокируют. Как сам партизан, так и его враги не отстают от стремительного развития современной техники и свойственной ей науки.

Один английский военный моряк назвал пиратство «донаучной стадией» войны на море. В этом же духе ему пришлось бы определить партизана как донаучную стадию ведения войны на суше и объявить это единственно научной дефиницией. Но и это его определение тотчас же вновь научно устаревает, ибо различие между войной на море и войной на суше само попадает в вихрь технического прогресса и сегодня представляется технологам чем-то донаучным, т. е. исчерпанным. Мертвецы скачут быстро, а если они моторизованы, они движутся еще быстрее. Партизан, чьего теллурического характера мы придерживаемся, в любом случае вызывает скандал для каждого целерационально и ценностнорационально мыслящего человека. Партизан провоцирует прямо-таки технократический аффект. Парадоксальность его существования раскрывает несоответствие между индустриально-техническим совершенствованием вооружения современной регулярной армии и доиндустриальной аграрной примитивностью успешно борющихся партизан. Это уже вызывало припадки бешенства у Наполеона по отношению к испанскому герильеро и должно было еще соответственно усилиться при поступательном развитии индустриальной техники.

Пока партизан был всего лишь «легким отрядом», тактически особо мобильным гусаром или

стрелком, его теория была делом военно-научной специальности. Только революционная война превратила его в ключевую фигуру мировой истории. Но что получится из него в эпоху атомных средств уничтожения? В технически насквозь организованном мире исчезают старые, феодально-аграрные формы и представления о борьбе, войне и вражде. Это очевидно. Исчезают ли поэтому вообще и борьба, война и вражда, и притупляются ли они до социальных конфликтов? Если без остатка была бы осуществлена внутренняя, по оптимистическому мнению, имманентная рациональность и регулярность технически насквозь организованного мира, то партизан, быть может, уже не являлся бы возмутителем спокойствия. Тогда он просто исчезает сам собою в бесперебойном выполнении технически-функциональных процессов, не иначе, как собака с автострады. Для технически настроенной фантазии партизан тогда едва ли еще является полицейски-транспортной проблемой, и вообще не является ни философской, ни моральной или юридической проблемой.

Это было бы одним, и притом технико-оптимистическим аспектом чисто технического рассмотрения. Он ожидает Нового Мира с Новым Человеком. С подобными ожиданиями, как известно, выступило уже раннее христианство, а через два тысячелетия, в XIX в., социализм выступил как Новое христианство. У обоих явлений отсутствовала всесокрушающая *efficiency**

* Эффективность (англ.).

современных технических средств. Но из чистой техники, как всегда у таких чисто технических рефлексий, проистекает не теория партизана, а лишь оптимистический или пессимистический ряд многовалентных полаганий ценности или отсутствия ценности. Ценность, как метко говорит Эрнст Форстхофф, имеет «свою собственную логику»⁵⁰. Это именно логика отсутствия ценно-

⁵⁰ Эрнст Форстхофф в своём знаменитом сочинении «Преобразование конституционного закона» («Die Umbildung des Verfassungsgesetzes», 1959). Полагающий ценность всегда полагает вместе со своей ценностью *eo ipso* [тем самым (*лат.*)] отсутствие ценности; смысл этого полагания отсутствия ценности в уничтожении отсутствия ценности. Это простое положение вещей обнаруживается не только на практике, что можно проверить на основании вышедшего в 1920 г. труда «Уничтожение жизни, недостойной жизни» («Die Vernichtung des lebensunwerten Lebens») (хотя один этот пример сам по себе должен был бы быть достаточным); это проявляется в то же время и в той же наивной простоте также уже в теоретическом опыте у Г. Риккерта (*System der Philosophie*, I. 1921, S. 117): не существует негативной экзистенции, но есть негативные ценности; отношение к отрицанию есть критерий того, что нечто принадлежит к области ценностей; отрицание есть собственный акт оценивания. В остальном я рекомендую мое изложение «Тирании ценностей» («Die Tyrannei der Werte»), опубликовано в *Revista de Estudios Politicos*, Nr. 115, Madrid 1961, S. 65—81, и сочинение «Der Gegensatz von Gesellschaft und Gemeinschaft, als Beispiel einer zweigliedrigen Unterscheidung. Betrachtungen zur Struktur und zum Schicksal solcher Antithesen» в: *Festschrift für Prof. Luis Legaz y Lacambra*, Santiago de Compostela, 1960, Bd. I. S. 174 ff.

сти и уничтожения носителя этого отсутствия ценности.

Что касается прогнозов широко распространенного техницистского оптимизма, то он не лезет за словом в карман, то есть за очевидным ему полаганием ценности и отсутствия ценности. Он полагает, что неудержимое, индустриально-техническое развитие человечества само собою переведет на полностью новый уровень все проблемы, все прежние вопросы и ответы, все прежние типы и ситуации. На этом уровне старые вопросы, типы и ситуации будут практически столь же неважными, как вопросы, типы и ситуации каменного века после перехода к более высокой культуре. Тогда партизаны вымрут, как вымерли охотники каменного века, так как им не удалось выжить и ассимилироваться. В любом случае они стали безвредными и неважными.

Но как удастся человеческому типу, который прежде поставлял партизана, приспособиться к индустриально-техническому окружающему миру, воспользоваться новыми средствами и развить новую, приспособленную разновидность партизан, скажем индустриальных партизан? Существует ли гарантия того, что современные средства уничтожения всегда будут попадать в верные руки и что иррегулярная борьба будет немислимой? В противоположность этому оптимизму прогресса, у пессимизма прогресса и у его технических фантазий остается большее поле возможностей, чем сегодня обычно думают. В тени сегодняшнего атомного равновесия мировых держав, так сказать, под стеклянным колпаком их

безмерных средств уничтожения, могло бы выделиться свободное пространство ограниченной и оберегаемой войны, с обычным оружием и даже со средствами уничтожения, о дозировании которых мировые державы могли бы открыто или тайно договариваться. Это могло бы дать в итоге войну, контролируруемую одной из этих мировых держав, и было бы чем-то подобным *dogfight*⁵¹.*

⁵¹ «В конечном счете наряду с тотальностью войны всегда развиваются и особые методы нетотального столкновения и измерения сил. Ибо сначала каждый пробует избежать тотальной войны, которая, естественным образом, приносит с собой тотальный риск. Так, после Первой мировой войны образовались так называемые военные репрессии (конфликт вокруг острова Корфу 1923 г., японско-китайский конфликт 1932 г.), затем попытки невоенных экономических санкций согласно Статье 16 Устава Лиги Наций (осень 1935 г. против Италии), наконец, и известные методы пробы сил на чужой территории (Испания 1936–1937 гг.). Образовались они таким образом, что их верное толкование находится в теснейшей связи только с тотальным характером современной войны. Они являются переходными и промежуточными образованиями между открытой войной и подлинным миром; они обретают смысл в том, что тотальная война как возможность находится на заднем плане и разметка определенных промежуточных пространств требует определенной осторожности. Только с этой точки зрения их можно понять и в научном международно-правовом смысле» (так сказано в статье «Тотальный враг, тотальная война, тотальное государство» 1937 г., перепечатано в: [Schmitt C.] «Positionen und Begriffe» 1940. S. 236).

* Собачьему бою (*англ.*).

Это была бы, по видимости, невинная игра четко контролируемой иррегулярности и «идеального беспорядка», идеального в той мере, в какой им могли бы манипулировать мировые державы.

Наряду с этим существует, однако, и радикально-пессимистическое *tabula rasa*-решение технической фантазии. В обработанной современными средствами уничтожения области конечно все будут убиты, друг и враг, регулярный солдат и иррегулярное население. Тем не менее технически можно помыслить, что некоторые люди переживут ночь бомб и ракет. Перед лицом этой возможности было бы практически и даже рационально целесообразным совместно запланировать ситуацию после бомбардировок и уже сегодня подготовить людей, которые в опустошенной бомбами зоне сразу же займут воронки от бомб и оккупируют разрушенную область. Тогда новый тип партизана мог бы добавить к мировой истории новую главу с новым видом занятия пространства.

Так наша проблема расширяется до планетарных масштабов. Она даже вырастает до сверхпланетарного. Технический прогресс делает возможным полет в космическое пространства, и тем самым попутно открываются неизмеримые, новые вызовы для политических завоеваний. Ибо новые пространства могут и должны быть заняты людьми. За захватами суши и моря в старом стиле, как их знает прежняя история человечества, последуют захваты пространства в новом стиле. Однако за занятием следуют деление и использование. В этом отношении, несмотря на весь про-

чий прогресс, все остается по-старому. Технический прогресс вызовет лишь новую интенсивность нового захвата, деления и использования и только еще усилит старые вопросы.

При сегодняшнем противоречии между Востоком и Западом, и особенно в гигантском состязании за неизмеримо большие новые пространства, речь прежде всего идет о политической власти на нашей планете, какой бы малой она между тем не казалась. Только тот, кто овладеет ставшей вроде бы столь крошечной Землей, будет занимать и использовать новые пространства. Вследствие этого и упомянутые безмерные области являются не чем иным, как потенциальными пространствами борьбы, а именно — борьбы за господство на этой Земле. Знаменитые астронавты или космонавты, которые до сих пор были назначаемы всего лишь пропагандистскими звездными величинами масс-медиа, прессы, радио и телевидения, тогда будут иметь шанс превратиться в космопиратов и, быть может, даже и в космопартизан.

Легальность и легитимность

В развитии партизанства нам встретилась фигура генерала Салана, как показательное, симптоматическое явление последней стадии. В этой фигуре встречаются и пересекаются опыт и воздействия войны регулярных армий, колониальной войны, гражданской войны и партизанской борьбы. Салан продумал весь этот опыт до конца, следуя неизбежной логике старого тезиса, что партизана можно побороть только партизанским

способом. Он последовательно делал это, не только с мужеством солдата, но и с точностью офицера генерального штаба и пунктуальностью технократа. Результатом стало то, что он сам превратился в партизана и, в конечном итоге провозгласил гражданскую войну собственному верховному главнокомандующему и своему правительству.

Что является внутренним средоточием такой судьбы? Главный защитник Салана, мэтр Тиксье-Виньенкур в своей большой заключительной речи перед судом от 23 мая 1962 г. нашел формулировку, где содержится ответ на наш вопрос. Он замечает о деятельности Салана как шефа ОАС: и должен констатировать, что воинствующий старый коммунист, если бы вместо главного военного шефа он стоял во главе организации, предпринял бы иные действия, нежели генерал Салан (с. 530 отчета о процессе). Тем самым угадан решающий пункт: профессиональный революционер делал бы это иначе. Он занимал бы иную позицию, нежели Салан, не только применительно к заинтересованному третьему лицу.

Развитие теории партизана от Клаузевица через Ленина к Мао продвигалось посредством диалектики регулярного и иррегулярного, кадрового офицера и профессионального революционера. Благодаря доктрине психологической войны, которую французские офицеры — участники войны в Индокитае — переняли от Мао, развитие не возвращалось к началу и к истокам в роде *ricorso*. Здесь нет возврата к началу. Партизан может надеть униформу и превратиться в хорошего регу-

лярного бойца, даже в особо храброго регулярно-го бойца, быть может, подобно тому, как о браконьере говорят, что он представляет собой особо умелого лесничего. Но все это мыслится абстрактно. Переработка учения Мао французскими кадровыми офицерами на деле содержит в себе нечто абстрактное и, как это однажды было сказано в ходе процесса над Саланом, имеет в себе нечто от *esprit géométrique**.

Партизан способен легко превратиться в хорошего носителя униформы; напротив, для хорошего кадрового офицера униформа — это нечто большее, чем костюм. Регулярное может стать институционализированной профессией, иррегулярное не может. Кадровый офицер способен превратиться в великого основателя Ордена, как святой Игнатий Лойола. Превращение в до- или субтрадиционное означает нечто иное. В темноте можно исчезнуть, но превратить темноту в район боевых действий, начиная с которого прежняя арена империи разрушается и перевертывается вверх дном большая сцена официальной публичности, — с технократическим интеллектом этого не организуешь. Ахеронт невозможно просчитать заранее и он следует не каждому заклинанию, от какой бы умной головы оно ни исходило и в какой бы отчаянной ситуации она ни находилась.

В нашу задачу не входит высчитывать, что вычисляли разумные и опытные военные времен алжирского путча в апреле 1961 г. и организато-

* Геометрического духа (фр.).

ры ОАС в отношении некоторых для них весьма естественных конкретных вопросов, особенно относительно воздействия террористических актов на цивилизованное европейское население или относительно вышеупомянутого *заинтересованного третьего*. Уже этот последний вопрос достаточно многозначителен как вопрос. Мы напоминали о том, что партизан нуждается в легитимации, если он хочет держаться в сфере политического и не хочет скатиться в сферу криминального. Вопрос не исчерпывается некоторыми ставшими сегодня обычными и несерьезными антитезами легальности и легитимности. Ибо легальность именно в этом случае оказывается самой сильной законностью — тем, чем она первоначально собственно и была для республиканца, а именно рациональной, прогрессивной, единственно современной, словом: высшей формой самой легитимности.

Я не хотел бы повторять то, что я сказал на эту все еще актуальную тему уже больше тридцати лет назад. Ссылка на это способствует познанию ситуации республиканского генерала Салана в 1958–1961 гг. Французская республика — это режим господства закона; ее фундамент состоит в том, что ее невозможно разрушить противопоставлением права и закона и отличием права как более высокой инстанции. Ни правосудие, ни армия не стоят выше закона. Имеется республиканская легальность, и как раз она является единственной формой легитимности в республике. Все остальное является для настоящего республиканца враждебным республике софизмом.

Соответственно этому, представитель общественного обвинения на процессе Салана имел простую и ясную позицию; он вновь и вновь ссылался на «суверенитет закона», который остается превосходящим всякую другую мыслимую инстанцию или норму. Не существует суверенитета права помимо этого суверенитета закона. Он превращает нерегулярность партизана в смертельную нелегальность.

Салан, в противовес этому, не имел другого аргумента, нежели указание на то, что и он сам 15 мая 1958 года способствовал генералу де Голлю в достижении власти [и в борьбе] против тогдашнего законного правительства, что он тогда был обязан перед своей совестью, своими Pairs*, отечеством и перед Богом и теперь, в 1962 г., видит себя обманутым во всем, что в мае 1958 г. было провозглашено и обещано как святое (отчет о процессе, с. 85). Он ссылался на нацию в противоположность государству, на более высокую роль легитимности в противоположность легальности. И генерал де Голль раньше часто говорил о традиционной и национальной легитимности и противопоставлял их республиканской легальности. Это изменилось в мае 1958 г. И тот факт, что его собственная легальность стала несомненной только со времени сентябрьского референдума сентября 1958 г., ничего не изменил в том, что самое позднее с того сентября 1958 г. он имел на своей стороне республиканскую легальность, и Салан считал себя вынужденным занимать сом-

* Пэрами (фр.)^{36*}.

нительную для солдата позицию, сослаться на иррегулярность в противовес регулярности и превращать регулярную армию в партизанскую организацию.

Однако иррегулярность сама по себе ничего не конституирует. Она становится просто нелегальностью. Впрочем, сегодня бесспорен кризис закона и тем самым кризис легальности. Классическое понятие закона, одно сохранение которого способно удерживать республиканскую легальность, ставится под вопрос планом и мерой. В Германии ссылка на право в противоположность закону и у самих юристов стала самоочевидностью, которая едва ли еще бросается в глаза. И не-юристы сегодня говорят всегда просто легитимно (а не легально), если они хотят сказать, что правы. Однако случай Салана показывает, что в современном государстве даже сама подвергнутая сомнению легальность сильнее, чем любой иной вид права. Это объясняется децизионистской силой государства и государственным превращением права в закон. Здесь нам нет нужды углубляться в этот вопрос⁵². Вероят-

⁵² Якобинцы Французской революции еще осознавали святость своего понятия закона; они были политически разумными и достаточно мужественными, чтобы четко разделить *loi* и *mesure*, закон и меру, открыто именовать меру революционной и с презрением отвергнуть затушевывание понятий путем их монтажа, как, например, закон меры. Этого происхождения республиканского понятия закона, к сожалению, не видел Karl Zeidler, *Massnahmegesetz und Klassisches Gesetz* (1961), и, тем самым, собственно пробле-

но, все это совершенно изменится, когда государство однажды «отомрет». Пока что легальность является неотразимым функциональным модулем всякой современной, государственной армии. Легальное правительство решает, кто является врагом, против которого должна бороться армия. Тот, кто берется определять, кто является врагом, притязает на собственную, новую легальность, если не желает присоединиться к определению врага прежним легальным правлением.

Действительный враг

Объявление войны есть всегда объявление врага; это само собой разумеется; а при объявлении гражданской войны это подразумевается с тем большим основанием. Когда Салан объявил гражданскую войну, он в действительности провозгласил двух врагов: в отношении алжирского фронта — продолжение регулярной и иррегулярной войны; в отношении французского правительства — начало нелегальной и иррегулярной гражданской войны. Ничто иное не проясняет безвыходность ситуации Салана так отчетливо, как рассмотрение этого двойного объявления врага. Всякая война на два фронта вызывает воп-

ма была упущена; ср. к этому: [Schmitt C.] *Verfassungsrechtliche Aufsätze* (1958) глосса 3 на с. 347 и ключевые слова «легальность» и «легитимность» в предметном указателе S. 512/3. От Романа Шнура [Roman Schnur] ожидается большая работа с названием «Очерки о понятии закона» («*Studien zum Begriff des Gesetzes*»).

рос, кто же на деле является действительным врагом. Не знак ли это внутреннего раздвоения — иметь больше одного-единственного настоящего врага? Враг — это вопрос о нас самих как гештальт. Если собственный гештальт определен однозначно, откуда тогда берется удвоение врага? Враг — не нечто такое, что по какой-либо причине следует устранить и из-за малой ценности уничтожить. Враг находится в моей собственной сфере. По этой причине я должен столкнуться с ним в борьбе для того, чтобы обрести собственную меру, собственные границы, собственный гештальт.

Салан считал абсолютным врагом алжирского партизана. Внезапно в его тылу возник гораздо худший для него, более интенсивный враг — собственное правительство, собственный начальник, собственный брат. Во вчерашних собратях он внезапно увидел нового врага. В этом суть случая Салана. Вчерашний брат раскрылся как более опасный враг. В самом понятии врага должна заключаться путаница, тесно связанная с учением о войне; ее прояснением мы займемся теперь, в конце нашего изложения.

Историк найдет для всех исторических ситуаций примеры и параллели во всемирной истории. Мы уже обозначили параллели с процессами 1812–1813 гг. прусской истории. Мы также показали, как в идеях и планах прусской реформы армии 1808–1813 гг. партизан обрел философскую легитимацию, а в прусском апрельском эдикте о ландштурме 1813 г. — исторический аккредитив. Так что теперь не должно показывать-

ся странным, как было бы на первый взгляд, если мы для лучшей разработки главного вопроса привлечем в качестве контрпримера ситуацию прусского генерала Йорка^{37*} зимой 1812–1813 гг. Вначале в глаза, конечно, бросаются громадные противоположности: Салан, француз левореспубликанского происхождения и современно-технократического типа, против генерала королевской прусской армии 1812 г., которому определенно не могла прийти в голову мысль объявить своему королю и высшему военачальнику гражданскую войну. Перед лицом таких различий эпох и типов представляется второстепенным и даже случайным, что и Йорк воевал офицером в колониях Ост-Индии. Впрочем, именно бросающиеся в глаза противоположности тем отчетливее проясняют то, что главный вопрос является тем же самым. Ибо в обоих случаях речь шла о том, чтобы решить, кто действительный враг.

Децизионистская точность господствует в функционировании всякой современной организации, в особенности в функционировании всякой современной, регулярной государственной армии. При этом главный вопрос для ситуации с сегодняшним генералом весьма точно предстает как абсолютное или — или. Резкая альтернатива между легальностью и легитимностью — это лишь следствие Французской революции и ее столкновения с реставрацией легитимной монархии в 1815 г. В такой дореволюционной легитимной монархии, как тогдашняя королевская Пруссия, многие феодальные элементы сохраняли связь между начальствованием и подчинением.

Верность еще не стала чем-то «иррациональным» и пока не растворилась в простом, исчислимом функционализме. Пруссия уже тогда была отчетливо выраженным *государством*; ее армия не могла отречься от фридриховского происхождения^{38*}; прусские реформаторы армии стремились модернизировать ее, а не возвратиться к каким-либо формам феодализма. Тем не менее обстановка и среда легитимной прусской монархии той эпохи может показаться сегодняшнему наблюдателю и в конфликтном случае менее острой и резкой, менее децизионистско-государственной. Об этом здесь не требуется спорить. Дело заключается лишь в том, что впечатления различных одеяний эпох не затушевывают главного вопроса, а именно вопроса о действительном враге.

Йорк в 1812 г. командовал прусским вспомогательным корпусом, который как союзный Наполеону отряд принадлежал к армии французского генерала Макдональда. В декабре 1812 г. Йорк перешел на сторону врага, к русским, и заключил с русским генералом фон Дибичем известную Таурогенскую конвенцию. Во время переговоров и при заключении конвенции с русской стороны в качестве посредника принимал участие подполковник фон Клаузевиц. Письмо, которое Йорк 3 января 1813 г. направил своему королю и верховному главнокомандующему, стало знаменитым историческим документом. И по праву. Прусский генерал с большим почтением пишет, что он ожидает от короля суждения о том, может ли он, Йорк, сражаться «с действительным врагом», или же король осуждает по-

ступок своего генерала. Он с прежней преданностью ожидает ответа, готовый, в случае осуждения, «ждать пули либо на куче песка, либо на поле битвы».

Слова о «действительном враге» достойны Клаузевица и схватывают самую суть. Фактически именно об этом идет речь в письме генерала фон Йорка королю. То, что генерал готов «ждать пули на куче песка», относится к солдату, который отвечает за свой поступок, не иначе, нежели генерал Салан, который был готов крикнуть *Vive la France!** во рву Венсеннского замка перед расстрельной командой. Однако то, что Йорк, при всем почтении к королю, оставляет за собой право решать, кто является «действительным врагом», — придает его словам подлинный, трагический и бунтарский смысл. Йорк не был партизаном и, пожалуй, никогда бы им не стал. Но в горизонте смысла и понятия действительного врага шаг в партизанство не был бы ни абсурдным, ни непоследовательным.

Конечно, это только эвристическая фикция, допустимая на краткое мгновение, когда прусские офицеры подняли партизана на уровень идеи, т. е. только на это переломное время, которое привело к эдикту о ландштурме 13 апреля 1813 г. Уже спустя несколько месяцев мысль, что прусский генерал мог бы стать партизаном, стала бы даже как эвристическая фикция гротескной и абсурдной и оставалась бы таковой на-

* Да здравствует Франция! (фр.).

всегда, покуда существовала прусская армия. Как было возможно, что партизан, который в XVII в. опустился до рскаго (плута) и в XVIII в. принадлежал легкому отряду, в канун 1813 г. на краткое мгновение предстал героической фигурой, чтобы затем, в наше время, больше столетия спустя, стать даже ключевой фигурой исторического свершения?

Ответ на этот вопрос явствуется из того, что нерегулярность партизана остается зависимой от смысла и содержания конкретно регулярного. После разложения и распада, характерного для Германии XVII в., в XVIII в. развилась регулярность войн по династическим причинам. Эта регулярность придала войне настолько сильные оберегания, что война могла рассматриваться как игра, в которой иррегулярно участвовал легкий, подвижный отряд, а враг как просто конвенциональный враг стал партнером по военной игре. Испанская герилья началась, когда Наполеон осенью 1808 г. разгромил регулярную испанскую армию. Здесь имелось различие с Пруссией 1806–1807 гг., которая после поражения своей регулярной армии тотчас же заключила унижительный мир. Испанский партизан снова восстановил серьезность войны, а именно, в противоположность Наполеону, соответственно на стороне обороны старых европейских континентальных государств, чья старая, ставшая конвенцией и игрой регулярность показала себя не на высоте новой, революционно заряженной, наполеоновской регулярности. Тем самым враг снова стал действительным врагом, война —

снова настоящей войной. Партизан, защищающий родину от чужеземного завоевателя, стал героем, который по-настоящему боролся против действительного врага. Это и в самом деле был важный процесс, который привел Клаузевица к созданию его теории и *учения о войне*. Когда затем сто лет спустя теория войны такого профессионального революционера, как Ленин, слепо разрушила все унаследованные оберегания войны, война стала абсолютной войной, а партизан стал носителем абсолютной вражды против абсолютного врага.

От действительного врага к врагу абсолютному

В теории войны речь всегда идет о различении вражды, которая наделяет войну ее смыслом и характером. Каждая попытка оберегания или ограничения войны должна быть исполнена сознанием, что — в отношении к понятию войны — вражда является первенствующим понятием и что различению разных видов войны предшествует различение разных видов вражды. Иначе все старания оберегания или ограничения войны — лишь игра, которая оказывается несостоятельной перед взрывами настоящей вражды. После наполеоновских войн иррегулярная война оказалась вытесненной из всеобщего сознания европейских теологов, философов и юристов. И действительно, имелись сторонники мира, которые усматривали в отмене и ликвидации конвенциональной войны по

Глагскому уставу сухопутной войны конец войны вообще; и имелись юристы, которые всякое учение о справедливой войне считали чем-то *eo ipso** справедливым, поскольку уже святой Фома Аквинский учил о чем-то подобном. Никто не подозревал, что именно означало раскрепощение, высвобождение иррегулярной войны. Никто не думал, какие следствия будет иметь победа штатских над солдатом, когда однажды гражданин наденет униформу, тогда как партизан ее снимет, чтобы продолжать борьбу без униформы.

Только этот дефицит конкретного мышления завершила разрушительная работа профессиональных революционеров. Это было большим несчастьем, ибо благодаря упомянутым обереганиям войны европейскому человечеству удалось достичь редкого явления: отказа от криминализации противника в войне, следовательно, релятивизации вражды, отрицания абсолютной вражды. Это в самом деле нечто редкое, и даже невероятно гуманное — привести людей к тому, что они отказываются от дискриминации и диффамации своих врагов.

Именно это, как представляется, вновь поставлено под вопрос партизаном. Ведь к числу его критериев относится крайняя интенсивность политической вовлеченности. Когда Че Гевара говорит: «Партизан — это иезуит войны», то он имеет в виду безусловность его политического применения. Биография вьяского

* Тем самым (*лат.*).

знаменитого партизана, начиная с *Etpresinado*, подтверждает это. Во вражде незаконно сделанное ищет своего права. В ней оно находит смысл дела и смысл права, когда рушится скорлупа защиты и повинования, где оно до сих пор обитало, или разрывается ткань норм легальности, от которой оно до сих пор могло ожидать права и правовой защиты. Тогда прекращается конвенциональная, традиционная игра. Но это прекращение правовой защиты не обязательно является партизанством. Михаэль Кольхаас (Michael Kohlhaas)^{39*}, которого чувство справедливости сделало разбойником и убийцей, не был партизаном, поскольку не стал политически ангажированным и боролся исключительно за свое собственное нарушенное частное право, не против иноземного завоевателя и не за революционное дело. В таких случаях иррегулярность является неполитической и становится чисто криминальной, так как утрачивает позитивную связь с где-либо имеющейся регулярностью. Этим партизан отличается от — благородного или неблагородного — атамана разбойников.

При разборе всемирно-политического контекста (выше с. 114) мы подчеркивали, что *заинтересованный третий* берет на себя существенную функцию, когда он вступает в отношении к регулярному, которое необходимо иррегулярности партизана для того, чтобы оставаться в области политического. Ядро, сущность политического — не просто вражда, но различение друга и врага, политическое пред-

полагает обоих, друга и врага. Заинтересованный в партизанах могущественный третий может думать и действовать эгоистически; он заинтересован в партизанах и политически находится на его стороне. Это имеет следствием политическую дружбу и является разновидностью политического признания, даже если дело не доходит до гласных и официальных признаний как воюющей партии или как правительства. *Empresinado* был признан своим народом, регулярной армией и великой английской державой как политическая величина. Он не был Михаэлем Кольхаасом и не был Шиндерханнесом (прозвище главаря разбойников, умершего в 1808 г.), чьим заинтересованным третьим являлись покровители преступников. Напротив, политическая ситуация Салана окрашивалась исполненным отчаяния трагизмом, ибо внутреннеполитически, на своей родине, он стал нелегальным, а снаружи, в мировой политике, не только не нашел никакого заинтересованного третьего, но, напротив, натолкнулся на твердый вражеский фронт антиколониализма.

Итак, враг партизана — действительный, но не абсолютный враг. Это следует из политического характера партизана. Другая граница вражды явствует из теллурического характера партизана. Он защищает участок земли, с которым он автохтонно связан. Его основная позиция остается оборонительной, несмотря на возросшую подвижность его тактики. Он ведет себя точно так же, как святая Жанна Орлеанская перед церковным судом. Она не была партизанкой

и боролась с англичанами регулярным образом. Когда церковный судья задал ей вопрос — теологический вопрос-ловушку — не будет ли она утверждать, что Бог ненавидит англичан, она ответила: «О том, любит ли Бог англичан или же ненавидит их, я не знаю; я знаю только, что они должны быть изгнаны из Франции». Такой ответ дал бы каждый нормальный партизан — защитник родины. Вместе с подобным оборонительным характером задается и принципиальное ограничение вражды. Действительный враг не объявляется абсолютным врагом и не провозглашается последним врагом человечества вообще⁵³.

Ленин перенес понятийный центр тяжести с войны на политику, т. е. на различие друга и

⁵³ «Война тогда разыгрывается в форме «последней окончательной войны человечества». Такие войны — это войны, по необходимости, особенно интенсивные и бесчеловечные, ибо они, выходя за пределы политического, должны одновременно умять врага в категориях моральных и иных и делать его бесчеловечным чудовищем, которое должно быть не только отогнано, но окончательно уничтожено, то есть не является более только подлежащим водворению обратно в свои пределы врагом. Но в возможности таких войн особенно явственно сказывается то, что война как реальная возможность еще наличествует сегодня, о чем только и идет речь при различении друга и врага и познании политического» ([Schmitt C.] *Der Begriff des Politischen*, S. 37) [Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. М., 1992. Т. 1. № 1. С. 45. Пер. А. Ф. Филиппова].

врага. Это было исполнено смысла и после Клаузевица являлось последовательным продолжением мысли о войне как продолжении политики. Правда, Ленин как профессиональный революционер, охваченный идеей всемирной гражданской войны, пошел дальше и сделал из действительного врага абсолютного врага. Клаузевиц говорил об абсолютной войне, но пока ещё предполагал как условие регулярность наличной государственности. Он вообще ещё не мог представить себе государство как инструмент партии и партию, которая повелевает государством. С абсолютизированием партии и партизан стал абсолютным и возвысился до уровня носителя абсолютной вражды. Сегодня нетрудно увидеть идейную уловку, вызвавшую это изменение понятия врага. Зато сегодня гораздо сложнее оспорить иной вид абсолютизирования врага, поскольку этот вид абсолютизирования представляется имманентным наличной действительности атомной эпохи.

Ибо индустриально-техническое развитие усовершенствовало вооружения людей до чистых средств уничтожения. Тем самым создается вызывающая несоразмерность обороны и повинения: одна половина человечества становится заложницей для другой половины повелителей, вооруженных атомными средствами уничтожения. Такие абсолютные средства уничтожения требуют абсолютного врага, если они не должны быть абсолютно нечеловеческими. Ведь уничтожают не средства уничтожения сами по себе, но люди уничтожают этими сред-

ствами других людей. Английский философ Томас Гоббс уловил суть процесса уже в XVII в. (*de homine IX, 3*) и сформулировал ее со всей точностью, хотя тогда (1659) вооружения были еще сравнительно безобидными. Гоббс говорит: человек настолько же опаснее для других людей, которые, как ему кажется, ему угрожают, чем любое животное, как вооружения человека опаснее, чем так называемое естественное оружие зверя, к примеру: зубы, лапы, рога или яд. А немецкий философ Гегель добавляет: оружие есть сущность самого борца.

Конкретно говоря, это значит: супраконвенциональное оружие^{40*} предполагает супраконвенционального человека. Оно не только предполагает его, как постулат отдаленного будущего; оно, скорее, допускает его как уже наличную действительность. Итак, последняя опасность заключается даже не в наличии средств уничтожения и не в дорациональном зле человека. Она состоит в неизбежности морального принуждения, насилия. Люди, применяющие упомянутые средства против других людей, принуждены и морально уничтожать этих других людей, то есть своих жертв и объекты. Они должны объявить противную сторону в целом преступной и нечеловеческой, тотальной малоценностью. Иначе они сами будут преступниками и чудовищами, нелюдьми. Логика ценности и малоценности развертывает всю уничтожающую последовательность и порождает всё новые, более глубокие дискриминации, криминализации и обесценения вплоть до

уничтожения всякой жизни, не имеющей ценности.

В мире, где партнеры, таким образом, взаимно врываються в бездну тотального обесценения, перед тем как они физически уничтожат друг друга, должны возникнуть новые разновидности абсолютной вражды. Вражда станет настолько страшной, что, вероятно, нельзя будет больше говорить о враге или вражде, и обе эти вещи даже с соблюдением всех правил прежде будут запрещены и прокляты до того, как сможет начаться дело уничтожения. Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно, никакая цена не является чрезмерно высокой. Лишь отрицание действительной вражды открывает свободный путь для абсолютной вражды, которая займется делом уничтожения.

В 1914 г. народы и правительства Европы без действительной вражды, нетвердо стоя на ногах, с закружившейся головой вступили в Первую мировую войну. Действительная вражда возникла только из самой войны, которая началась как традиционная война государств европейского международного права и окончилась всемирной гражданской войной революционной классовой вражды. Кто предотвратит то, что аналогичным, но еще бесконечно усиленным образом неожиданно возникнут новые разновидности вражды, осуществление которых вы-

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА

зовет нежданные формы проявления нового партизанства?

Теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и называние вещей своими именами. Теория партизана выливается в понятие политического, в вопрос о действительном враге и о новом номосе Земли.

БЕСЕДА О ПАРТИЗАНЕ

БЕСЕДА О ПАРТИЗАНЕ КАРЛ ШМИТТ И ИОАХИМ ШИКЕЛЬ 1969 ГОД

Предварительное замечание

Некоторым читателям может показаться странным, что Карл Шмитт и я, «децизионист» и «маоист», беседовали друг с другом. Я точно не знаю мотивы, в конечном итоге побудившие Карла Шмитта говорить со мной; но я знаю основания, побудившие меня пригласить его на беседу: труд «Теория партизана» представляет его единственно доступным автором, компетентным по данной теме.

Этот труд имеет подзаголовок «Промежуточное замечание по поводу понятия политического», то есть ясно указывает на вышедшую впервые в 1927 г. работу «Понятие политического», которая стала с тех пор знаменитой и пользуется дурной славой. Тема этой работы — это, грубо говоря, различие друга и врага как *differentia politica**. Я выдвинул на нее некоторые возражения с теоретико-диалектическими аргументами и примерами из китайской практики, которые не опровергнуты и переизданием 1963 г. вместе с выводами.

1) Должно ли отношение друга-врага логически быть значимым для «различия», должны

* Политическое различие (лат.).

ли друг и враг различаться (διάφορα, differentia), не могут ли они быть просто различными (ἕτερα, diversa); иначе между ними будет просто «отклонение» («Diversio»). Но если они различаются, их соотношение диалектично: то есть оно представляет собой *саморазличение* в лагере друзей. «Друг» тогда является *превышающим* общим, которое содержит себя самое, друг — как общее и свою противоположность, врага как особое.

2) Китайскую проверку диалектического опыта дала культурная революция: «Конечно, враги народа — не его друзья... Конечно, друзья народа — не его враги — правда, если их интересы противоречат народу, то их дружба может быть омрачена, и поэтому без вражды она может заслужить критику и самокритику... Этот друг, этот враг не существуют, оба лишены определения быть конкретно то менее другом, то более врагом; их утверждаемое бытие — это непосредственно доказываемое небытие, согласно Гегелю, *видимость*». Различение, *различие* обосновывается в трудах Мао Цзэдуна (например, «О правильном разрешении противоречий внутри народа» 1957 г.).

Эта оговорка — моя поправка, не являющаяся для Карла Шмитта чем-то обязательным, — сопутствует беседе, поскольку она представляет дальнейшее промежуточное замечание по поводу понятия политического.

Иоахим Шикель

* * *

Иоахим Шикель: Господин профессор Карл Шмитт, Вы опубликовали в 1963 г. Ваш труд «Теория партизана» и дали ему подзаголовок «Промежуточное замечание по поводу понятия политического». Этот подзаголовок напоминает о Вашей работе 1927 г., называвшейся «Понятие политического» и уже в первом предложении выдвинувшей различие друга и врага как собственно политическое различие. Быть может, впоследствии мы вернемся к этому и обсудим имманентную связь между различием «друг — враг» и партизаном.

Мы не сможем исчерпать в нашей беседе эту значительную, и, наверное, бесконечную тему — теорию партизана, но сможем представить лишь некоторые характеристики. Чтобы можно было обсудить феномен партизана, мы договорились ограничиться четырьмя критериями, которые Вы дали в Вашей работе «Теория партизана». Я могу перечислить эти четыре критерия: первое — иррегулярность, второе — повышенная мобильность ведения войны, третье — повышенная политическая вовлеченность, четвертое — как Вы говорите, теллурический характер партизана.

Карл Шмитт: Это так; четыре этих критерия, если мне будет позволено так выразиться, являются вспомогательными средствами для научной работы. Таким образом, они не должны быть окончательным решением необъятной проблемы партизана, но могут быть предварительным ее ис-

током. Проблема партизана будет развиваться, она развивалась и во время моих публикаций по поводу понятия политического. В 1927 г. еще не подозревали о такого рода проблеме партизана.

Иоахим Шикель: Нет, тогда в Китае только началось... (многоточие в тексте беседы означает, что оба партнера говорят одновременно и точный текст фрагмента текста или предложения нельзя прояснить).

Карл Шмитт: И с 1963 г., в течение шести, семи лет положение обострилось в необычайной степени. Теперь мой вопрос состоял бы в том, пригодны ли еще сегодня четыре этих критерия — иррегулярность, мобильность, политическая вовлеченность и теллурический характер. Это был бы интересный вопрос; ибо развитие пошло так стремительно, что проследить за ним стоит больших усилий. Поэтому многое зависит от того, удалось ли мне с моими четырьмя критериями вообще начать рациональное рассмотрение этого трудного и в сердцевине своей, быть может, иррационального процесса под названием партизанство.

Иоахим Шикель: В одной статье о Вашей «Теории партизана» я прочитал, что неясно, идет ли речь в случае этих четырех критериев о достаточных и необходимых условиях. Пит Томиссен задает Вам этот вопрос; но он, наверное, уводит слишком далеко.

Карл Шмитт: Это правда, вопрос уводит слишком далеко. Метод, свойственный мне, таков: не торопиться с феноменами, подождать и, так сказать, мыслить исходя из материала, а не исходя

из прежде составленных критериев. Вы можете именовать это феноменологическим подходом, но я неохотно занимаюсь такими общими методологическими предварительными вопросами. Это расширилось бы до безбрежности. Я думаю, мы останемся при этих четырех критериях и просто начнем с иррегулярности —

Иоахим Шикель: — и ее противоположности, которую Вы упоминаете, регулярности —

Карл Шмитт: — регулярности, само собой разумеется; и может быть, мы разберем также, в какой мере в этой противоположности иррегулярности и регулярности скрывается опасная и глубокая противоположность нелегальности и легальности. Не правда ли, такова подоплека?

Первый критерий: иррегулярность

Иоахим Шикель: Как бы Вы определили для начала регулярное не-партизана, «нормального» солдата?

Карл Шмитт: Регулярное — это, здесь само собой разумеется, регулярная *армия*. В этой степени наш исходный пункт является военно-научным. Я остаюсь с военным феноменом, и это необходимо, чтобы сразу не очутиться в области всеобщего, революционно-всеобщего. Итак, регулярное — это регулярная современная армия, как она сегодня еще представлена, и исток которой в военно-историческом отношении — в наполеоновских армиях как первой современной армии, во всяком случае, что касается войны на суше.

Иоахим Шикель: Какие характеристики Вы бы здесь привели?

Карл Шмитт: Говоря одним словом, для XVIII в. это линия, линейные войска. Тогда партизан иррегулярен в том смысле, что воинская часть, отряд, который не является линейными войсками, может именоваться партизаном, например гусар, легкая кавалерия. Она иррегулярна, но еще далеко не нелегальна. Связь иррегулярности и нелегальности появляется лишь впоследствии. Но я полагаю, что это слишком чисто специально-военная проблема, чтобы долго на ней останавливаться.

Иоахим Шикель: Да, наверное, будет интересное и полезнее для политических соотношений, если мы сейчас, напротив, рассмотрим иррегулярность; там встречаются феномены, нарушающие именно регламент, регулярность, подразумевающие, что знаки отличия больше не носят, списки не используются, что униформа...

Карл Шмитт: Униформа была важным символом, так сказать, доказательством регулярности.

Иоахим Шикель: И открытое ношение униформы...

Карл Шмитт: А то, что делает партизан, это как раз тот тревожный факт, что для него униформа — это только мишень и ничего более, цель для стрельбы по врагу, с которым он воюет, сам не одеваясь в униформу. Оберегание прежней войны в так называемом классическом международном праве состояло в том, что воевали армия в униформе с одной стороны, против армии в униформе с другой стороны. Это была оберегаемая война.

Иоахим Шикель: И различия в рангах, в воинских званиях...

Карл Шмитт: Все это относится сюда. Униформа не является второстепенным делом в этом процессе, как и для публичности; и гордость, с которой солдат носил свою униформу публично, все это теперь прекращается.

Иоахим Шикель: Вы знаете, что в армии Китайской Народной Республики упразднены все знаки различия?

Карл Шмитт: Нет, этого я не знал.

Иоахим Шикель: Можно ли видеть в этом лишь сближение со статусом партизана? Мне кажется, что эта мера соответствует и коммунистическо-политической последовательности.

Карл Шмитт: Да, в контексте нашей темы нам все снова и снова встречается Мао Цзэдун, а именно — сегодня много больше, чем еще семь лет назад, когда я писал свою работу о партизанах. В ней Мао рассматривался как конечный и высший пункт определенного развития от Клаузевица через Ленина к Мао. Но тогда я еще не мог предполагать, что Мао в этой связи будет иметь, так сказать, глобальное значение для всего мира, такое теоретическое и практическое значение.

Иоахим Шикель: Он предложил инструмент, с помощью которого сегодня воюют повсюду в мире.

Карл Шмитт: Это неопровержимо; это относится, собственно, к началу нашей беседы о партизанах.

Иоахим Шикель: Ведь Мао сам в течение долгих лет был в этой ситуации, когда был значим

как иррегулярный боец. Вы помните, что Чан Кайши предпринял против него пять так называемых истребительных походов; они назывались на китайском вэйчжао, буквально «окружать и уничтожать»^{1*} Это надо понимать совершенно буквально, это выражение, всегда применявшееся в Китае, когда желали преследовать бандитов. Итак, Мао с самого начала ставили вне права, закона, чести и т. д.

Карл Шмитт: Я считаю это безусловно решающим. В той мере, в какой выпадает ориентация на регулярность, война превращается в партизанскую войну, и так называемое оберегание войны, которое удавалось в европейском международном праве, не происходит. Большим заблуждением пацифистов было думать, что следует просто отменить войну — при этом имели в виду регулярную войну XIX в. между европейскими сухопутными армиями — и тогда наступит мир. Это было решающим заблуждением всего подобного пацифизма; и я могу похвалиться, что один из самых значительных и интересных в научном плане и искренних пацифистов, профессор Ганс Веберг из Женевы, умерший несколько лет назад, недвусмысленно согласился со мной в этом в отношении моего понятия политического. Повторяю: заблуждением этого старого пацифизма было то, что для него отмена регулярной армии означала мир во всем мире.

Иоахим Шикель: С этой задачей не справились даже уставы сухопутной войны, такие как Гаагская конвенция и Женевская конвенция 1949 г.

Карл Шмитт: Гаагский устав сухопутной войны 1907 г. не покончил и с французским франтирером франко-прусской войны 1870 г. А теперь подумайте, как обстоят дела ныне и какие трудности появились в отношении Женевской конвенции 1949 г. В 1949 г. полагали, будто теперь наступил мир во всем мире, а ровно через год начались события в Корее^{2*}. Лишь тогда заметили не только интернациональность, но и глобальность проблемы партизана.

Иоахим Шикель: Не надо забывать борьбу в Индокитае против французов, сражение под Дьенбьенфу 1954 г.; далее Алжир^{3*}; приход Кастро^{4*}.

Карл Шмитт: Это как высвобожденная цепная реакция, внезапно возникшая, и более всего ускорившаяся со времен Вьетнама. Вскоре после выхода моего труда, в 1963 году, на повестку дня встала проблема эскалации как таковая; в то же время встал вопрос о свободном пространстве, свободе действий, которыми еще обладает партизан. Сперва, под впечатлением первых атомных бомб, считали, что партизанская война вообще исчезнет: на партизан просто сбросят бомбу. И вдруг видят новую проблему. Пока считали, что речь идет только об известных гуманитарных соображениях, казалось, будто партизан еще обладает ограниченной свободой действий только под сенью этих гуманитарных соображений, которые может позволить себе могущественная ядерная держава. Скажем так: партизан еще не являлся противником или сколько-нибудь значительным противоположным полюсом относи-

тельно ядерной державы. Кроме того, в те же годы развивался новый возросший атомный потенциал. Поэтому свободное пространство, каким обладает сегодня партизан, очень усложнено; эту проблему нужно было бы исследовать особо. Но я думаю, что свободное пространство и сегодня больше, чем думают, и будет расширяться дальше. Что ж, посмотрим.

Иоахим Шикель: Наверное, в завершение этой части разговора мы должны упомянуть еще о современном отношении между иррегулярностью и регулярностью. У Мао Цзэдуна играет важную роль то, что последнее решение осуществляли не партизаны, а Красная Армия, позже — народно-освободительная армия...

Карл Шмитт: Регулярная армия. Это всегда утверждал Мао и повторял также Че Гевара (последний, я думаю, был уже научен Мао). В общем и целом именно у романских народов — из-за их свойств, немного банально именуемых «склонностью к индивидуализму и анархизму» — велика опасность, что они будут смотреть на партию просто как на новую регулярность. Это тоже верно; ибо партия, стоит ее централизовать, является уже функциональным модусом, который должен работать с известными нормами, который упорядочивается, институционализируя нормы — и тогда он перестает быть тотальным.

Второй критерий: мобильность

Иоахим Шикель: Мы уже приблизились к третьей характеристике. Можно я возвращусь ко

второму пункту — как Вы говорите, повышенной мобильности ведения борьбы?

Карл Шмитт: Я допускаю, что «мобильность» в данном случае — несколько обобщенное название.

Иоахим Шикель: Сначала вспоминаешь о гусарах и пандурах.

Карл Шмитт: Эти гусары, как и внезапные действия и всё в этом роде — все еще мобильность, скажем так, легкой кавалерии. По этому поводу дети сегодня смеются, и они уже не просто смеются над этим, но считают это каким-то не соотносимым с сегодняшним миром.

Иоахим Шикель: Здесь присутствует некая доля романтизма, жажды приключений, игры в солдатики — все такого рода вещи...

Карл Шмитт: В сочетании с известным представлением о прогрессе. Чем быстрее идет процесс, тем он прогрессивнее. Человечество или народ, чья средняя скорость в час составляет примерно пять — десять километров, является отсталым и даже реакционным по сравнению с народом, чья средняя скорость составляет примерно сто километров в час; не говоря уже о сверхзвуковых скоростях и т. д.

Иоахим Шикель: Но я полагаю, это не то, что Вы, собственно, имеете в виду под мобильностью партизан?

Карл Шмитт: Нет, но эта мобильность связана с четвертым критерием, с теллурическим характером партизана. Легко понять, что имеется в виду под мобильностью современного партизана. Партизан не имеет гарнизона, как имеет

его полк или регулярная воинская часть. К этому надо добавить, что он движется гораздо быстрее и гораздо более непредсказуемым образом: он непредсказуем даже для собственного регулярного командования, с которым он тем не менее должен быть связанным. Эта непредсказуемость его внезапного появления, именно она, прежде всего, имеется в виду под *мобильностью*. Это опять же связано с его освобождением от регулярных предписаний, особенно от униформы. Человек, который без всяких последствий может сменить униформу или предписанный знак различия, является мобильным. Когда мы говорим о мобильности, мы не должны думать только о скольжении по земле или, на мой взгляд, в воздухе, имея в виду полет самолета, но должны подумать и о мобильности внезапного изменения, возникновения, появления. Это очень важное ключевое слово; ибо в нем кроется превосходство партизана над одетым в униформу противником, то есть противником, узнаваемым публично.

Иоахим Шикель: Насчет того, как выглядит это появление: Мао сказал однажды, что партизан должен двигаться среди народа, а именно, он должен чувствовать себя в нем как рыба в воде.

Карл Шмитт: Как рыба в воде. Стало быть, дело обстоит так, что партизан — особенно если он располагает современными техническими средствами — получает чудовищные новые возможности погружения. Я могу себе представить, что здесь в Зауэрланде, где мы беседуем, если будут

даны соответствующие боевые ядерные возможности, подлинный партизан в спецодежде детского врача отправится за ближайшую гору и оттуда разрушит плотины, перегораживающие поймы рек Зауэрланда и ближайшей местности, — эффект будет таков, что вся Рурская область превратится в болото.

Иоахим Шикель: Это звучит, конечно, на первый взгляд, поразительно, но имеет серьезные основания.

Карл Шмитт: Я имею в виду критерий *мобильности* во всей его значимости и хотел бы защититься от подозрения, что я говорю только напрашивающиеся банальности, которые известны каждому ребенку, что сегодня движутся быстрее, чем раньше, в эпоху телег, запряженных волами, или легкой кавалерии.

Иоахим Шикель: Я вспоминаю о докладной записке Швейцарского союза унтер-офицеров; она дает для Швейцарии, ландшафт и промышленность которой можно в известном отношении сравнить с ландшафтом и промышленностью Зауэрланда, точные и детализированные инструкции, каким образом должен вести себя каждый швейцарец в случае войны как партизан.

Но я затронул бы, с Вашего позволения, еще один пункт: известно знаменитое четверостишие Мао: «Враг наступает, мы уклоняемся; враг остановился, мы беспокоим его; враг устает, мы бьем; враг отступает, мы преследуем его». Различие таково: «мы отступаем» — но вернемся, враг «отступает, уступает» — но не вернется, но будет разбит! Первый биограф Мао Цзэдуна, Роберт

Шейн, сравнивал тактические и стратегические движения китайских партизан во время боев на окружение, которые вел против Мао Чан Кайши, с извилистыми линиями змеи и с волнистыми линиями; они представляют собой прямо-таки эстетический феномен. Впрочем, синолог Вольфганг Бауэр в этой связи напоминает о понятии «Дао» в китайском языке; он говорит, что старые китайские стратеги, Сунь Цзы^{5*} и ему подобные, очевидно были все «даосами». Во всяком случае, они предпочитали «мягкий, гибкий» род ведения войны...

Карл Шмитт: Гибкий сильнее твердого.

Иоахим Шикель: Гибкое поддается, но возвращается уничтожающим образом.

Карл Шмитт: Я хочу при упоминании мобильности снова и снова подчеркнуть то «погружение», которое делает тебя невидимым для врага. В отличие от Вас, я не являюсь знатоком, но на меня несколько лет назад произвело глубокое впечатление, когда я прочитал у Мао, что нужно дать вырасти сорнякам, если замечаешь, что в твоей области образуются вражеские группы. Нужно дать сорнякам вырасти: тогда легче их различить, тогда можно легче их вырвать, и тогда будет больше удобрений и они будут лучше. Это интересно для понятия политического. Я мог бы себе представить, что кто-либо запишет себе этот тезис на память, чтобы запечатлеть это для себя как важное и очень опасное руководство к применению, и что он, если попадет под вражеский контроль, скажет: Я садовод, и это руководство для моего огорода. Видите, все это относится к подоб-

ному «погружению», «исчезновению»; я теперь подозреваю, что наш язык очень далек от китайского, потому что при слове *мобильность* мы не думаем о такого рода вещах. Мобильность воды сильнее, чем мобильность скалы, и то, что для нас звучит, пожалуй, архаически в высказываниях даосов, является в основе чем-то весьма актуальным и в высшей степени современным.

Иоахим Шикель: И сила разрушения у воды больше, чем сила уничтожения камнепада или обрушения скал.

Карл Шмитт: Самое поразительное то, что кому-то все это может прийти в голову при ключевом слове «мобильность». В этом я вижу, извините, самое интересное в нашем разговоре в этот момент. Кое-что мы импровизируем — не правда ли? — исходя из самой речи, как она развертывается в нашей беседе?

Иоахим Шикель: Ведь Мао Цзэдун также ясно именуется — и это тоже, наверное, как-то восходит к понятию «Дао» — свой вид ведения войны, партизанской борьбы, народной войны, как говорят сегодня в Китае, — войной, основанной на диалектических принципах.

Карл Шмитт: Да, это звучит несколько научно-гегельянски.

Иоахим Шикель: В известном смысле это родственные вещи. «Дао» с его противоположностями, с его двойственностью и примирением, и гегельянские тезисы, антитезисы, синтезы; то и другое взаимосвязаны.

Карл Шмитт: Это связано, но при бесконечной отдаленности. Не только мир, но и язык, и пись-

меньность этих китайских мудрецов и стратегов бесконечно далеки от нашего языка и письменности, и от нашего способа мыслить.

Иоахим Шикель: Очень далеки; требуются продолжительные комментарии и анализ, в том числе — языковой анализ, чтобы вообще понять, что имеется в виду в Китае. Но очевидно, все же кажется возможным реализовывать на практике подразумеваемое для всего мира.

Карл Шмитт: Самое поразительное, что это знание уже не ограничивается весьма редкими разновидностями синологов, которые раньше действительно были диковинкой. Я удивлен тому, что труды Мао изданы миллионными тиражами на всех языках. Не думаю, что читатели просто отбросят и забудут это.

Иоахим Шикель: В этой связи растет интерес и к китайским стратегам, умершим одно—два тысячелетия назад. Примером этого является Сунь Цзы.

Карл Шмитт: Это тоже важный пример утраты Европой центрального места на Земле, конца европейской эпохи. Она прошла.

Может быть, нам перейти к третьему пункту?

*Третий критерий:
политическая вовлеченность*

Иоахим Шикель: Я хотел бы сказать, что наш разговор включает в себя много политических моментов.

Карл Шмитт: Мне самому в нашей беседе стало ясно, что четыре этих критерия — иррегуляр-

ность, мобильность, политическая вовлеченность и теллурический характер — так тесно взаимосвязаны, что первое подразделение и различие было правильным. Такие вещи проверяются только в беседе. Следует, как в каждой науке, точно пройти опытным путем и испробовать на практике, работает ли установленный критерий, если долго заниматься вопросом и рассматривать его.

Иоахим Шикель: Вы сами говорили прежде о рабочих гипотезах, которые нужно проверять на практике, и кажется, что они пригодны.

Карл Шмитт: Я хотел бы защититься от слишком скорого отказа от моего опыта. Очень опасно, что как раз крупные эксперты склонны к тому, чтобы недооценивать проблему партизана и, прежде всего, считать Мао периферийным феноменом.

Иоахим Шикель: Вы могли бы привести примеры?

Карл Шмитт: Да; я назову человека, которого очень уважаю и ценю как крупного социолога, — Раймон Арон. Он написал мне: проблема партизана — это проблема бедных народов. Действительно, испанский боец герильи против Наполеона, например, был бедным человеком, а в богатых землях, таких как Северная Италия или Германия, прежде всего южная Германия, не было партизан, не было и партизан, воюющих с Наполеоном.

Иоахим Шикель: Как ни странно, дело, кажется, так и обстоит.

Карл Шмитт: Так можно всю проблему свести, так сказать, к одной проблеме развития и слабо-

развитости, богатства и бедности, образованности и необразованности и сказать: устраните бедность, и вы ликвидируете партизан.

Иоахим Шикель: Собственно говоря, так надо рассуждать в мировой масштабе. Вспомним о труде Линь Бяо^{6*}, назначенного преемника Мао Цзэдуна, 1965 г. «Да здравствует победа народной войны!». Он, по-видимому, берет те же критерии для различия, что и Арон: бедные земли и богатые земли или мировые деревни и мировые города, и тем самым он распространяет идеи Мао о народной войне, которые прежде применялись в одной стране — или во многих странах, но в каждой отдельно, — на весь земной шар, когда теперь все, скажем так, пролетарские нации (или, иначе говоря — развивающиеся страны) начинают штурмовать мировые города, такие, как США и т. д.^{7*}

Карл Шмитт: Тем самым мы уже подходим к теллурическому характеру партизана.

Иоахим Шикель: Этого совершенно невозможно избежать в нашем разговоре.

Карл Шмитт: Я считаю, — и говорю это в свою защиту — это аргумент в пользу годности четырех моих критериев. Я готов сразу отбросить каждый критерий, если выяснится, что он, так сказать, является лишь акциденцией другого критерия. Но сначала я должен учитывать их все, чтобы не погрязнуть в опрометчивых, слишком поспешно установленных причинно-следственных связях и, как в этом случае, просто сказать: это именно бедные народы, и это неграмотные...

Иоахим Шикель: Старое представление, во власти которого находился и сам Наполеон.

Карл Шмитт: Конечно, Наполеон приходил в ярость от испанских борцов герильерос. Кто, — говорил он, — кто такие эти испанцы, которыми начала кишеть теперь (речь шла про 1811 г.) Пруссия? Он находил это смехотворным. Немцы, образованный, разумный, бережливый, трудолюбивый народ — и эти оборванцы испанцы, подстрекаемые 300 000 попов, неграмотные — он не мог понять: как это вдруг в Германии возник странный интерес к испанским герильерос. Собственно говоря, он не принимал этого всерьез, и был прав. Ведь, за исключением Тироля, в Германии никогда не велась партизанская война против Наполеона.

Иоахим Шикель: Но там имелись теоретики партизанства.

Карл Шмитт: Там имелись *просто* теоретики: Шарнхорст, Гнейзенау и Клаузевиц — это поразительно; и это было причиной моей смелости — написать теорию партизана. Это можно было сделать, только исходя из Пруссии.

Иоахим Шикель: Какие процессы встретились друг с другом в Пруссии?

Карл Шмитт: Там имела место подлинная политическая вражда...

Иоахим Шикель: Наш третий пункт...

Карл Шмитт: Вражда к Наполеону вместе с военной слабостью, которая была безнадежной после 1807 г. Отсюда возник интерес к испанским герильерос и к испанской народной войне. Но испанцы не могли бы породить такую тео-

рию, какая была у Клаузевица, тогда как пруссаки не могли породить герилью. Наполеон, хватаясь, говорил: что за бессмысленная болтовня об этих испанцах; отчего слава испанцев в этой Германии? Уже десять лет французские солдаты находятся на немецкой территории, и не раздалось еще ни единого выстрела немецкого штатского лица во французского солдата в униформе. Это было буквально правильным. Не удивительно ли?

Иоахим Шикель: Но в теоретических трудах, написанных в Пруссии, собран был взрывчатый материал на века.

Карл Шмитт: Да, но в Пруссии он не воспламенился.

Иоахим Шикель: Он попал в руки к Ленину.

Карл Шмитт: Лишь Ленин осознал это. Сами пруссаки ничего не осуществили это, и остается удивительным, что в июне 1941 г. немецкая армия вступила на территорию России, не имея устава для борьбы с партизанами; пресловутый приказ Гитлера назывался «приказом о комиссарах»^{8*}, а не приказом о партизанах. Так что несоответствие партизана и прусско-немецкой практики поразительно.

Иоахим Шикель: Они не читали Клаузевица и, прежде всего, не читали Гнейзенау.

Карл Шмитт: Гнейзенау, конечно же, нет. Мы не хотим возобновлять давний спор — по-моему, спор, подобающий школьным учителям, — о том, кто был истинным вдохновителем, Гнейзенау или Клаузевиц. Их действительно невозможно разделить.

Иоахим Шикель: Я припоминаю...

Карл Шмитт: Гениальность Гнейзенау ошеломительна...

Иоахим Шикель: Кроме Ленина, и Фридрих Энгельс знал...

Карл Шмитт: Энгельс тоже осознал это. Но Энгельс не был в конечном счете профессиональным революционером в том смысле, в каком им был Ленин. Требуется переход от профессионального офицера, какими были и остались Гнейзенау и Клаузевиц; это их предел. Взрыв этих экзистенциальных границ, высвобождение партизана не мог осуществить профессиональный офицер, это мог сделать только профессиональный революционер, такой как Ленин. Но партизанство русского большевизма относительно меньше, с социологической точки зрения — я имею в виду конкретную действительность, — в сравнении с китайским партизанством. Мао сам создал свою партизанскую армию, свою партизанскую элиту.

Иоахим Шикель: И он сочетал партизанский статус с далеко идущими мерами — например, с сооружением опорных пунктов, маленьких советских республик в сельской местности, которые были практически неприступными. Ведь Чан Кайши с перевесом 10:1 в течение многих лет ничего не мог поделывать; частичного успеха он достиг в пятом карательном походе^{9*} лишь с помощью немецких профессиональных офицеров, таких как Фалькенхаузен и Сект.

Но я хотел бы еще раз вернуться к Гнейзенау. Некоторые левые теоретики в Германии очень

интересуются сегодня прусскими традициями, в частности, в нашем контексте Шарнхорстом, Гнейзенау, Клаузевицем. Так, например, в книге Ганса Г. Хельмса о Максе Штирнере, которого Вы однажды назвали партизаном Мирового Духа, я прочитал, что он считает идеологическую зашоренность в памятной записке Гнейзенау 1811 г. Фридриху Вильгельму еще сильнее, чем у Мао Цзэдуна. Это кажется мне поразительным заблуждением.

Карл Шмитт: Я должен сначала проверить это. Весьма благодарен Вам за это указание и посмотрю книгу Хельмса. Этот вопрос привлекает меня, подумать над ним можно...

Иоахим Шикель: Это еще и опасно...

Карл Шмитт: Это, так сказать, входит в материал; ведь все это в целом является взрывным материалом.

Иоахим Шикель: Но мне кажется, что там все же только играют такими понятиями, как народ, народная война, народная армия, народная оборона, что там понятия перемешаны и отсутствует чистота.

Карл Шмитт: Ах, Вы в этом смысле сказали «опасно»? Безусловно! Этот тезис надо проверить; он весьма интересует меня, поскольку я в одной статье высказывался по вопросу отношения Клаузевица—Гнейзенау к Наполеону, где я подробнее и точнее исследую различие между прусской и прочей немецкой враждой к Наполеону. Но поразительно наблюдать, в какой мере Германия тогда, особенно в решающее время 1807–1812 гг., была расколота в отношении На-

полеона. Великий поэт Гете пишет гимны во славу Наполеона!

Иоахим Шикель: В его славу и восхищаясь им.

Карл Шмитт: Полна восхищения — еще во время наступления на Москву 1812 года — чудесная ода к императрице Франции, единственный в своем роде прославляющий Наполеона гимн. Он предстает там Богом, как у Гегеля. И великий философ Гегель восхищался Наполеоном...

Иоахим Шикель: Мировой дух на коне...

Карл Шмитт: И в то же время в тогдашней Пруссии эта ожесточенная вражда! Но и пруссаки имели своего философа, и это был Фихте. Чем Наполеон заслужил вражду Фихте? Вражда Фихте к Наполеону требует собственного, а именно не психоаналитического, но феноменологически-экзистенциального исследования.

Иоахим Шикель: Вероятно, мимоходом здесь можно кое-что обсудить, это относится, пожалуй, к нашей теме. Фихте был решительным партийцем, выступавшим за определенную вещь, а именно за вражду к Наполеону. Я полагаю, можно и необходимо добавить краткое этимологическое указание: что означает, собственно, слово «партизан»? Откуда это слово?

Карл Шмитт: Оно означает партийца (Parteigänger).

Иоахим Шикель: Партиец — partita...

Карл Шмитт: Это древнее слово, обозначающее соответствующий процесс. Нужно только осознавать, что всякое политическое мышле-

ние начинается с деления на партии; в этом смысле этого определения. Критерием политическим служит различие друга и врага. Если мы останемся при стопроцентной, неотрефлексированной дружбе, тогда мы могли бы остаться в раю или в матриархальном первобытном обществе. Я не знаю, какое отношение здесь имели бы противоположности. Но партия = партизан — и внезапно язык развивает из себя глубокий смысл, совершенно поразительный. Партия вдруг становится, так сказать, тотальным. Это тоже имеется в виду в нашем критерии политической вовлеченности. Партизаном является тот, кто стопроцентно встал на сторону партии. В связи с многочисленными исследованиями и размышлениями по поводу феномена тоталитаризма было бы хорошо уяснить, что выражение «тотальное государство», которое и я поначалу перенял и использовал, является неточным. Государство как высшие правящие круги общества (*Establishment*), как институционализируемая организация с бюрократией и централизованным управлением и т. д., не может быть стопроцентно тоталитарным. Но странным образом, такова партия, т. е. часть, которая отрицает у имеющегося учрежденного Целого характер целостности и в качестве части встает над Целым, чтобы осуществить, так сказать, истинное или всеохватное Целое, грядущее, новое Целое, новое единство, новое политическое единство.

Иоахим Шикель: Здесь на передний план выходит диалектическое противоречие между осо-

бенным и всеобщим, причем особенное становится всеобщим.

Карл Шмитт: В то мгновение, когда диалектическое противоречие особенного становится правильным в смысле соответствия духу времени, бытия-другим-временем, тотальностью обладает особенное, а не прежнее всеобщее.

Иоахим Шикель: Стало быть, существует и опасность того, что партия, бывшая до этого времени тотальной, институционализируется и детотализируется...

Карл Шмитт: А также упорядочивается и бюрократизируется...

Иоахим Шикель: Как, например, в Советском Союзе.

Карл Шмитт: Я хотел бы повторить Вам мое определение — вероятно, дурная возрастная привычка; но если нечто правильное и постоянно вновь выдерживающее испытание временем нужно повторять, чтобы вообще быть понятным, тогда это, наверное, простительно. Один из тезисов, которые я часто повторял и которые, как правило, вызывали только милую и одобрительную усмешку — поскольку думали, что это всего лишь «остроумная формулировка», — один из этих тезисов гласит: легальность, а также регулярность в нашем смысле есть функциональный модус бюрократии. Бюрократия — это судьба, здесь, наверное, прав Макс Вебер. Не только государственное управление, не только всякое иное церковное или прочее управление, не только крупная промышленность, не только большие армии — все должно функционировать, и функ-

циональный модус — это именно в каком-то смысле легальность. Легальность оказывается не малой, второстепенной формальностью, но она выявилась в решающих случаях как более сильная вещь. Вы можете увидеть, как старая противоположность всплывает у Че Гевары и его философа Режи Дебре^{10*}. «Функциональный модус бюрократии», — это не острова, не одна из дешевых шуток о бюрократии и бюрократизме, о пережитках, которые нужно устранить. Это не так. Это кое-что значит. Это страшная реальность.

Иоахим Шикель: Вы согласитесь со следующим? — Во время культурной революции в Китае партия, практически партийный истеблишмент, именно партия как институционализированная, упорядоченная, детотализированная сила была разбита и сформирована целиком по-новому. Я хотел бы сказать, что это поступок Мао Цзэдуна как партизана; настоящий поступок партизана.

Карл Шмитт: Очень хорошо, так и есть, и это нельзя понять иначе. Но мне такие процессы напоминают историю христианства, которое началось с тотального отрицания тогдашнего мира, Римской империи, и с тотальной постановки под вопрос мира и организовывалось вскоре в катакомбах на римской земле, подпольно и буквально под землей. Об этом есть чудесные стихи моего друга Теодора Дойблера; в одном стихотворении о Риме он говорит: Внезапно в Риме, во времена Нерона, начинается подземное сверление; Под землей рождается Бог света. И чем окончилось это тотальное отрицание? Константином, госу-

дарственной религией и, наконец, непогрешимым римским епископом как центральной организацией, такой законченно централизованной, какая едва ли имелась еще в мире...

Иоахим Шикель: Способной функционировать столетиями...

Карл Шмитт: В этом отношении данный пример поразителен, и можно лишь сожалеть, что Макс Вебер в своих религиозно-социологических исследованиях никогда систематически не занимался социологией римского католицизма. Здесь возникла целибатная бюрократия, законнический функциональный модус, если мы можем применять к христианской Церкви эти так называемые нейтральные в ценностном отношении социологические категории, и в то же время было создано каноническое право, одно из величайших юридических достижений за всю духовную историю человечества. Так оканчивается — не правда ли? — революционное древнее христианство.

Иоахим Шикель: Мы в опасности, немного отклоняемся от темы...

Карл Шмитт: Здесь мы затронули интересную тему. Я нахожусь под впечатлением чтения книги Арнольда Эрхардта, который несколько лет назад опубликовал несколько томов о христианстве как революционном движении. Сам по себе тезис, что христианство было революционным движением, стар — это тезис Бруно Бауэра...

Иоахим Шикель: Опять-таки одного из тех, кого Вы назвали партизаном мирового духа...

Карл Шмитт: Исследования Эрхардта поразительны. Весь труд — до сих пор я прочитал два

тома — описывает развитие этой мысли о революции: всякий, кто заявлял о своей принадлежности к христианству, был партизаном в нашем смысле, даже если отказывался от вооруженной борьбы. Все же тотальная вовлеченность была политической и здесь; политического нельзя избежать. В этом отношении, извините меня, мы не отклонились от нашей темы.

*Четвертый критерий:
теллурический характер*

Иоахим Шикель: Мы не отклонились от нашей темы, но нам осталось обсудить еще последний пункт, который представляется мне очень важным. Это Ваш четвертый критерий, теллурический характер партизана. Что означает «теллурический»?

Карл Шмитт: Терранический, земля; в смысле старых добрых четырех или пяти стихий. Я читал в Вашем комментарии к стихам Мао и в первой главе Вашей работы о Сунь Цзы, что китайские философы различают *пять стихий*, первоэлементов.

Иоахим Шикель: Да, и центральный при этом всегда...

Карл Шмитт: Дао, Небо, Земля — чудесно, чем больше об этом размышляешь...

Иоахим Шикель: Всегда центральный элемент, вокруг которого, так сказать, четыре угловых точки, как вокруг центра мира...

Карл Шмитт: По этому случаю мне приходит в голову, что наши традиционные четыре элемента

огонь, вода, воздух и земля, собственно говоря, имеют еще и пятый элемент: знаменитую квинт-эссенцию (сущность). Может быть, Дао — это сущность; но останемся при наших четырех элементах. Современная химия разрушила их и свела к совсем другому понятию, сейчас производятся даже искусственные элементы и т. д. Но старые элементы (стихии): огонь, вода, воздух и земля являются также четырьмя пространствами активности человека, четырьмя измерениями и четырьмя ситуациями, это силовые поля работы и деятельности, к которым человек прилепляется, в которых он организуется. Терранический, земной человек представляет собою иной вид, сказал бы я, нежели приморской человек, и мой тезис заключается в том, что современная, сорвавшаяся с привязи техника и техническая индустрия стала возможной только после перехода Англии к морской экзистенции. Никогда прежде не было морской экзистенции в такой степени, в какой ее начала Англия с появлением современной промышленности, первых машин, т. е. с 1750 г. — можно примерно датировать ее начало. И талассическое^{11*} мышление греков еще не было океанически-морским в смысле новой всеобщей экзистенции, не было еще мышлением, исходившим из корабля, но было мышлением, исходившим из дома. Земной человек мыслит, исходя из дома; приморской человек строит корабль и тем самым уже стопроцентно определяется техникой. Дом остается связанным с тем, что называют «природой». Море же враждебно человеку до тех пор, пока он стопроцентно

не овладеет им технически. Партизан является терраническим (земным), если мы употребим это слово вместо слова «теллурический»...

Иоахим Шикель: Хотя это немного опасно по определенной причине. Напомню, что у Клаузевица фактор «земля» или элемент «пространство», в общем, описывается чересчур кратко. Терра у него — это территория в смысле оперативного ведения войны...

Карл Шмитт: Да, территория, нечто оперативное. Это, так сказать, почва, поверхность, на которой осуществляются тактические и стратегические маневры.

Иоахим Шикель: А вот древние китайские теоретики, например Сунь Цзы, о земле знали. Они знали, что такое территория, им было известно и оперативное ведение войны; но это была земля...

Карл Шмитт: Земля. Можно сказать, что сегодняшнее противоречие Востока и Запада представляет собой противоречие земли и моря. Восток — это суша, земля, Запад — это море; и эта огромная область Земли Китай на деле является единственным, последним противовесом земли против моря — если мне позволено пренебречь элементом воздуха, атмосферой, космосом. Может быть, лучше сказать «теллурический»; я мог бы сказать и «территориальный», если бы это слово не было столь тесно связанным с государственными представлениями о «территории» (Gebiet). Партизан, которого мы знали до сих пор, был типично образом земным, не только в Китае, Индии или Индонезии — хотя Индонезия

как островная страна уже не столь интенсивно территориальная, как огромная сухопутная страна Китай, — но и на Ближнем Востоке, в Алжире и, наконец, в Латинской Америке. Все это было теллурическим, в то же время аграрным, деревня против города и т. д. Вопрос в том, прекращается ли это сегодня. Когда видишь, какие новые феномены вражды входят в эту постановку вопроса, можно ли еще говорить о партизанах? Так называемые герильерос, которые сегодня в Монтевидео наводят страх на город, государство и правительство, — можно ли их именовать партизанами?

Иоахим Шикель: Или чернокожих в США, в Нью-Йорке.

Карл Шмитт: Чернокожие в США находятся все-таки в совершенно новой политической ситуации. Этого я еще не мог исследовать в работе о партизанах 1963 г.

Иоахим Шикель: Я бы включил их в понятие партизана, но, наверное, тогда требуются новые критерии или, по меньшей мере, один новый критерий.

Карл Шмитт: Так и есть. Следует осознавать, что за эти последние годы проблема партизана бурно развивалась и предстает в совершенно новом аспекте. Я считаю вполне возможным — такова судьба всякого научного познания — что четыре моих критерия через несколько лет будут попросту преодолены. И я буду первым, кто сдаст их в архив, если увижу, что есть лучшие критерии.

Иоахим Шикель: Я задам еще вопрос, чтобы опять кратко вернуться к пространству (ибо, на-

верное, мы вскоре снова вернемся к вопросу о будущих возможностях и будущем развитии): не должен ли теллурический характер, относимый только к пространству — Мао Цзэдун в гражданскую войну промаршировал 12 000 километров, — быть дополненным аспектом времени? Вы помните название одного труда Мао, который всегда переводят «On Protracted War» или «О затяжной войне». На китайском это звучит иначе: О войне, которую долго выносят (по-китайски чжи-чжинь), долго терпят, которую не могут выносить и терпеть небольшие страны, такие как Япония, ибо только страна, обладающая пространством, может долго выносить ее.

Карл Шмитт: Японцы попытались совершить шаг к морю. Ощущая себя островитянами, они ощущали себя морской державой, морской экзистенцией; они не являются в таком же смысле земным, здесь я осмелюсь сказать — терраническим народом, как китайцы.

Иоахим Шикель: И наверное, они не завоевали Китай из-за того, что в теллурическом отношении были слабее.

Карл Шмитт: Собственно говоря, кажущееся превосходство в начале японского вторжения длилось недолго. Это удивительно, поскольку превосходство острова Англия после его перехода к морской экзистенции в XVIII в. и с начала так называемой промышленной революции, пришедшей из Англии, длилось вплоть до Первой мировой войны и закончилось лишь потом. Это превосходство Англии известным образом определяло европоцентристское представление о ми-

ровой истории и о мироздании и главенствовало до Первой мировой войны. Оно закончилось. Я не хотел бы слишком расширять параллель Англия — Япония и хочу вместо этого еще раз вернуться к противоречию Востока и Запада, земли и моря. Насколько все сводится к противоречию между двумя элементами, особенно перед лицом современной техники, насколько мы находимся в тотально новой ситуации, — это вопрос будущего и так называемого прогресса. Ведь и весь мир, кажется, становится искусственным предметом, который производит для себя человек. Мы больше не живем в железном веке, а тем более — в золотом или серебряном веке, но живем в веке искусственных материалов. Это будет иметь следствия и для партизана, для теории партизана.

КОММЕНТАРИИ

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА

Перевод с немецкого Ю. Ю. Коринца под редакцией Б. М. Скуратова выполнен по изданию: Schmitt C. Theorie des Partisanen: Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. Berlin: Duncker & Humblot, 1963. Подготовка текста к публикации, общая редакция и комментарии Т. А. Дмитриева.

¹ Палафокс-и-Мельси (Palafox y Melzi) Хосе Ребольедо де, герцог Сарагосский (1776–1847) — испанский военный деятель. В 1808–1809 гг. — будучи генерал-лейтенантом Арагона, принимал активное участие в организации обороны города Сарагосы от французских войск. После захвата города французами попал в плен и в 1809–1813 гг. находился в заключении в Венсеннской крепости во Франции. После возвращения в Испанию некоторое время был генерал-капитаном Арагона.

² Речь идет о работе Карла Шмитта «Понятие политического», первое издание которой вышло в 1932 г.

³ Генц (Gentz) Фридрих (1764–1832) — австрийский политический деятель и публицист. Родился в семье прусского чиновника. С 1786 г. находился на прусской государственной службе, в 1802 г. перешел на австрийскую государственную службу. В 90-х гг. XVIII в. выступал с кри-

тикой, направленной против Французской революции, позднее — против наполеоновской Франции. Был близким советником и доверенным лицом графа К. Меттерниха. В 1814–1815 гг. — секретарь Венского конгресса, конференции союзных министров в Париже в 1815 г., конгрессов Священного союза в Ахене, Вероне, Лайбахе и Троппау. Генц известен как один из последовательных защитников дворянско-монархического «старого порядка» в Европе.

⁴ Шлегель (Schlegel) Фридрих (1772–1829) — немецкий философ, поэт и критик. Брат А. В. Шлегеля. В молодости испытал влияние идей Просвещения, с огромным энтузиазмом отнесся к Великой Французской революции. В 1798–1800 гг. издавал в Йене вместе с А. В. Шлегелем журнал «Атенеум» — орган т. н. «йенских» романтиков. Основное теоретическое сочинение Шлегеля «йенского периода» — «Разговор о поэзии» («Gespräch über die Poesie», 1800). Постепенное разочарование в идеалах романтизма приводит Шлегеля к обращению в католичество в 1808 г. и к переходу в лагерь политической реставрации, одним из ведущих теоретиков которой он становится. В философской плоскости интересы Ф. Шлегеля были связаны с разработкой одного из вариантов «философии жизни», представлявших его версию позднеромантической философии. В эти годы Шлегель выступает также в качестве издателя журналов «Европа» (1803–1805), «Немецкий музей» (1813–1815) и «Конкордия» (1823).

⁵ Клейст (Kleist) Генрих фон (1777–1811) — немецкий писатель-романтик. Офицер, принимал участие в походах против революционной Франции. После увольнения с военной службы и непродолжительного обучения во Франкфуртском университете с 1805 г. служил в Кёнигсберге чиновником. В начале 1807 г. пробрался в оккупированный войсками Наполеона Берлин, где был принят за шпиона и помещен в крепость. В Дрездене Клейст сблизился с группой романтиков и издавал журнал «Феб» («Phöbus», 1808). С 1810 г. Клейст жил в Берлине, где издавал «Берлинские вечерние листки» («Berliner Abendblätter», 1810–1811). Подавленный неудачами, болезнью и нуждой, Клейст в 1811 г. покончил жизнь самоубийством.

⁶ Леонид — царь Спарты, прославившийся в 480 г. до н. э. своей героической обороной во главе союзных греческих войск, ядро которых составлял отряд из трехсот спартанских воинов, Фермопильского прохода от войск персидского царя Ксеркса во время греко-персидских войн. После нескольких дней ожесточенных боев персам удалось по горным тропинкам обойти позиции греков и зайти им в тыл. Дальнейшая оборона перевала стала бесполезной с военной точки зрения, однако по принятым в Спарте законам воин не мог оставить позицию, которую он занимал, и отступить. Тех, кто все-таки решался на подобное рода недостойное поведение, в Спарте дразнили обидной кличкой «задрожавшие» (*tresantes*); их подвергали всяческим насмешкам и лишали политических прав. Поэтому Леонид от-

пустил всех своих союзников, только отдельные из которых решили добровольно остаться с ним, и с небольшим отрядом спартанцев принял неравный бой с армией Ксеркса. Лишь ценой огромных потерь персам в конечном итоге удалось полностью перебить весь отряд греческих воинов и открыть себе путь через Фермопильский проход. Впоследствии останки героев Фермопил были погребены в братской могиле. На памятнике в виде каменного льва были высечены стихи поэта Симонида: «Чужестранец, возвести лакедемонянам, что мы лежим здесь, верные законам».

⁷ Арминий (латинизированная форма древнегерманского имени Герман) — один из вождей древнегерманского племени херусков, населявших Вестфалию. Возглавил борьбу против Рима. В юности Арминий воспитывался в Риме, участвовал в завоевательных походах римских войск и даже получил римское гражданство под именем Гай Юлий Арминий. Известен прежде всего тем, что в 9 г. н. э. полностью уничтожил в Тевтобургском лесу три римских легиона проконсула Публия Варра, положив тем самым конец попыткам римского императора Августа распространить границы Римской империи до реки Эльбы. С начала XIX в. был объявлен националистически настроенными немецкими интеллектуалами одной из центральных фигур в истории германского духа и германской нации. Имя Арминия широко использовалось в пангерманской пропаганде в Германской империи конца XIX — начала XX вв., а также в нацистской Германии.

⁸ Телль (Tell) Вильгельм — герой швейцарской народной легенды, посвященной борьбе швейцарцев с Габсбургами в XIV в. Телль, меткий стрелок из лука, был принужден У. Геслером, габсбургским должностным лицом, сбить стрелой яблоко с головы своего маленького сына. Прюделав это, Телль убил Геслера, что послужило сигналом к восстанию швейцарцев против владычества Габсбургов.

⁹ Гнейзенау (Gneisenau) Август Вильгельм Антон (1760–1831) — прусский генерал-фельдмаршал (1825). Окончил Эрфуртский университет, в 1782 г. — офицер австрийской армии, с 1786 г. служил в прусской армии. В период войны с Францией 1807 г. руководил обороной Кольберга. После поражения Пруссии в войне совместно с И. Шарнхорстом провел реорганизацию прусской армии. В 1813 г. — генерал-квартирмейстер, затем — начальник штаба Силезской армии. С 1817 г. — член прусского Государственного совета. С 1830 г. — главнокомандующий прусской армией.

¹⁰ Шарнхорст (Scharnhorst) Иоганн Давид (1755–1813) — прусский военачальник и военный теоретик, генерал. Окончил военную школу в Шамбург-Липпе в 1777 г., после чего служил в ганноверской армии. С 1786 г. преподавал в военной школе артиллерийское дело и зарекомендовал себя крупным специалистом в этом вопросе. Автор работы «Искусство к преподаванию артиллерии». С 1793 г. в качестве командира артиллерийской батареи в составе ганноверских войск сражался против французов. С 1801 г. — в прусской армии, с 1802 г. — начальник Берлин-

ского военного училища. Во время войны с Францией в 1806 г. был начальником штаба главнокомандующего, принимал участие в сражениях при Ауэрштедте и Прёйсиш-Эйлау. С 1807 г. — директор военного департамента и одновременно — начальник прусского Генерального штаба и председатель комиссии по реорганизации прусской армии. С 1808 г. возглавлял прусское военное министерство. Совместно с А. Гнейзенау провел реорганизацию прусской армии, в результате чего была значительно улучшена организация армии и подготовка офицерского состава, сокращен срок воинской службы, создан обученный резерв и подготовлено введение воинской повинности, реализованное в 1813 г., а также улучшено вооружение прусской армии и реформирована ее тыловая служба. Шарнхорст был последовательным сторонником вооруженной борьбы с французской оккупацией, за что в 1811 г. по требованию Наполеона был уволен в отставку, хотя фактически продолжал исполнять обязанности руководителя прусского военного ведомства. Во время освободительной войны с наполеоновской Францией в 1813 г. был начальником штаба Силезской армии генерала Г. Блюхера. В мае 1813 г. Шарнхорст был тяжело ранен в сражении при Лейпциге и в июне того же года скончался в Праге.

¹¹ Речь идет о восстании тирольских крестьян под руководством Андреаса Хофера и их партизанской борьбе против наполеоновских войск в 1809 г. Партизанская война в Тироле, который был в 1805 г. насильственно отторгнут Наполео-

ном от Австрии и присоединен к Баварии, бывшей в ту пору вассалом наполеоновской империи, поначалу — в августе-сентябре 1809 г. — сопровождалась успехом, однако поражение Австрии в австро-французской войне 1809 г. вновь заставило ее признать слабо завуалированный ссылкой на вассальную Баварию французский протекторат над Тиродем. Попытка Хофера поднять новое восстание потерпела неудачу, а сам он, попав в плен, был расстрелян. После падения Наполеона в 1814 г. Тироль был вновь возвращен Австрии.

¹² В период Великой французской революции — практика массового набора солдат для службы в армии, использованная французскими революционерами. Была принципиальным новшеством, разительно отличавшим принципы комплектования новой революционной армии от принципов комплектования армий старого порядка.

¹³ Добровольческий корпус (Freikorps) — первоначально в XVIII в. «фрайкорами» звали бойцов вспомогательных воинских подразделений, создававшихся прусским королем Фридрихом II для сражения в пешем строю и противостояния иррегулярным подразделениям австрийской армии, набиравшимся из хорватов. В период 1918 — начала 1920-х гг. так назывались добровольные воинские формирования из бывших военнослужащих регулярной немецкой армии, сражавшихся с латышскими и эстонскими националистами и большевиками в Прибалтике, с поляками — в Восточной Силезии и с

приверженцами коммунизма и большевизма — в самой Германии.

¹⁴ «Вольные стрелки» — 1) особый вид иррегулярных войск во Франции в XV–XIX вв. За несение службы «вольные стрелки» освобождались от всех налогов, откуда и происходит их название. 2) Отряды, сформированные во Франции в 1814–1815 гг. из отставных солдат и являвшиеся дополнением к национальной гвардии. 3) В период Крымской войны 1853–1856 гг. — отборные французские стрелки. 4) В период франко-прусской войны 1870–1871 гг. — участники французских добровольческих иррегулярных формирований, сражавшиеся против прусских войск. 5) В годы Второй мировой войны — участники французского движения Сопротивления.

¹⁵ Дьенбьенфу (Dien Bien Phu) — город и уезд на северо-западе Вьетнама. В годы войны сопротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов 1945–1954 гг. город являлся важным опорным пунктом французских колониальных войск, позволявшим им наносить удары по тылам вьетнамской Народной армии. К концу января 1954 г. Дьенбьенфу был блокирован частями вьетнамской Народной армии. В марте — апреле 1954 г. вьетнамские войска расчленили оборону противника на две части, а 1–7 мая штурмом овладели Дьенбьенфу. В плен попало свыше 12 тысяч солдат и офицеров противника. Победа вьетнамской Народной армии под Дьенбьенфу вынудила Францию начать мирные переговоры, которые завершились подписанием Женевских соглашений 1954 г. по Вьетнаму.

¹⁶ Во Нгуен Зиап (Võ Nguyên Giáp) (1911–) — вьетнамский военачальник и государственный деятель. Родился в провинции Куань Бинь в Центральном Вьетнаме. В 1924 г. поступил в Национальную академию в императорской столице Хюэ, откуда был исключен два года спустя за создание студенческой организации и провел три месяца в тюрьме за руководство демонстрациями от имени Новой вьетнамской революционной партии. В 1930 г. был заключен в тюрьму на два года за принадлежность к Коммунистической партии Индокитая (КПИ). После выхода из тюрьмы поступил в лицей Альбер-Сарро в Ханое, который окончил с дипломом по праву и политической экономии. Был профессором истории в лицее Тан Лон.

После запрещения Коммунистической партии Индокитая в 1939 г. Во Нгуен Зиап бежит в Китай, его жена и двоюродная сестра были арестованы французскими колониальными властями и погибли в тюрьме. В 1940 г. Во Нгуен Зиап встречается с руководителем вьетнамских коммунистов Хо Ши Мином и становится его ближайшим соратником. В 1944 г. он организует Вооруженную пропагандистскую бригаду, которая стала предшественницей Вьетнамской народной армии. С 1945 г. — один из четырех членов Постоянного секретариата Центрального комитета партии.

В годы войны сопротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов 1945–1954 гг. был главнокомандующим вьетнамскими вооруженными силами и выиграл решающее сражение этой войны под Дьенбьенфу.

Заместитель премьер-министра (1955–1976) и министр национальной обороны (1946–1976) Демократической Республики Вьетнам (ДРВ), с 1947 г. — главнокомандующий Вьетнамской народной армии.

¹⁷ Речь идет о конвенциях, принятых на Гаагских конференциях по международно-правовой регламентации правил войны. Гаагская конференция 1899 г. приняла три конвенции о законах и обычаях ведения войны. Гаагская конференция 1907 г. пересмотрела конвенции 1899 г. и приняла 10 новых, содержащих, в частности, положения о мирном разрешении международных конфликтов, нейтралитете, защите мирных жителей, порядке обращения с военнопленными, об участии раненых и больных и т. д. Многие положения Гаагских конвенций получили развитие в Женевских конвенциях 1949 г.

¹⁸ Женевские конвенции 1949 г. — многосторонние международные соглашения о защите жертв войны, подписанные 12 августа 1949 г. Включали в себя конвенции 1) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; 2) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; 3) об обращении с военнопленными и 4) о защите гражданского населения во время войны.

¹⁹ Пандуры — пешее иррегулярное войско в Венгрии в 1701–1764 гг., имевшее вооружение и одежду по образцу турецких войск. Впервые было сформулировано в Пандурах, откуда и происходит название этого войска.

²⁰ Гусары (от венг. *husz* — двадцать и *ag* — по-
дать) — разновидность легкой кавалерии в евро-
пейских и русской армиях. Впервые появились в
1458 г. в Венгрии в виде особых конных отрядов
дворянского ополчения. В него выделяли по од-
ному дворянину со слугами с каждых 20 дворян-
ских дворов, откуда ведет свое происхождение и
само название этого вида кавалерии. В Польше
XVI–XVII вв. гусары — отборная дворянская
конница.

²¹ Комбатанты (от франц. *combattant* — воин,
боец) — в международном праве лица, входящие
в состав вооруженных сил и ведущие во время
войны боевые действия против неприятеля.
К комбатантам также приравнивается население,
добровольно взявшееся за оружие и сражающее-
ся против войск противника, а также личный со-
став ополчения, добровольческих отрядов, парти-
заны и участники организованного движения
Сопrotивления, носящие знаки отличия, оружие
и возглавляемые командиром. К некомбатантам
относятся те лица, прежде всего из числа вспомо-
гательных подразделений вооруженных сил, ко-
торые не принимают непосредственного участия в
боевых действиях.

²² Йодль (Jodl) Альфред (1890–1946) — гене-
рал-полковник германской армии (1944). Участ-
ник Первой мировой войны. С августа 1939 г. —
начальник штаба оперативного руководства вер-
ховного главнокомандования вермахта, один из
советников Гитлера по оперативно-стратегиче-
ским вопросам. Принимал участие в разработке
планов ряда стратегических операций Второй

мировой войны, в том числе плана нападения на СССР (план «Барбаросса»). 7 мая 1945 г. по поручения гросс-адмирала К. Дёница подписал в Реймсе общую капитуляцию германских вооруженных сил перед западными союзниками. По приговору Нюрнбергского трибунала в 1946 г. осужден как нацистский военный преступник и казнен.

²³ Лееб (Leeb) Вильгельм Йозеф Франц фон (1876–1956) — генерал-фельдмаршал германской армии (1940). В 1903 г. окончил военную академию в Мюнхене. Участник Первой мировой войны. В 1938 г. командовал 12-й армией, которая оккупировала Судетскую область. Во время войны с Францией в 1939–1940 гг. командовал группой армий «Ц», при нападении фашистской Германии на СССР в 1941 г. — группой армий «Север», осуществлявшей блокаду Ленинграда. После провала немецкого плана наступления и взятия Ленинграда в январе 1942 г. был снят Гитлером с поста командующего группой армий и отправлен в отставку. 2 мая 1945 г. был арестован американской военной полицией. В ноябре 1948 г. за военные преступления осужден американским военным трибуналом на три года, освобожден досрочно.

²⁴ Лист (List) Вильгельм (1880–1971) — генерал-фельдмаршал германской армии (1940). В 1912 г. окончил военную академию. Участник Первой мировой войны. Во время войны 1939 г. против Польши командовал 14-й армией, в 1940–1941 гг. во время нападения Германии на Францию, Югославию и Грецию — 12-й армией,

а также оккупационными войсками на Балканах. В июне — сентябре 1942 г. командовал группой армий «А», действовавшей на Северном Кавказе. В 1944 г. из-за разногласий с Гитлером по стратегическим вопросам был уволен в отставку. В 1948 г. за военные преступления приговорен трибуналом в Нюрнберге к пожизненному заключению. В 1952 г. освобожден американцами.

²⁵ Франтиреры (от франц. *francs-tireurs* — вольный стрелок) — французские добровольцы-партизаны, которые вели партизанскую борьбу против вражеских войск. Первоначально отряды франтиреров стали формироваться в годы Великой французской революции для защиты французской республики от войск антифранцузских коалиций. С 1867 г. во Франции стали создаваться общества франтиреров. После начала франко-прусской войны 1870–1871 гг. и вторжения прусских войск на территорию Франции члены этих обществ специальным декретом были призваны к оружию. После разгрома основных регулярных войск французской армии в полевых сражениях на франтиреров легла основная тяжесть борьбы с вражескими войсками.

²⁶ Битва под Седаном 2 сентября 1870 г. во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. — 22 августа 1871 г. французская новая (т. н. Шалонская) армия под командованием маршала М. Э. Мак-Магона выступила из Реймса с целью деблокировать французские войска, осажденные в Меце. Против Мак-Магона прусским командованием были направлены немецкие 3-я и вновь созданная Маасская армии, которые окружили

войска французов под Седаном. После недолгого сопротивления Шалонская армия была полностью разгромлена в сражении 2 сентября и вскоре капитулировала вместе с находившимся при армии императором Наполеоном III. Катастрофа под Седаном привела к падению империи Наполеона III, 4 сентября 1870 г. Франция была провозглашена республикой.

²⁷ Гамбетта (Gambetta) Леон (1838–1882) — премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882 гг. Лидер левых республиканцев, член «правительства национальной обороны» (сентябрь 1870 г. — февраль 1871 г.). Вместе с другими членами правительства пытался организовать отпор пруссакам.

²⁸ Имеются в события франко-прусской войны 1870–1871 гг., наступившие после капитуляции при Седане 2 сентября 1870 г. Шалонской армии вместе с находившимся при ней императором Наполеоном III и провозглашения республики. Благодаря энергичной деятельности нового французского правительства «национальной обороны» во главе с генералом Л. Ж. Трошю, и патриотическому подъему, охватившим широкие круги французского общества, в краткий срок удалось создать во Франции новую огромную армию, которая вместе с подразделениями Национальной гвардии, франтирерами и гарнизонами Парижа и других крепостей доходила до 1 млн человек. 7 ноября Луарская армия французов, сосредоточенная в Туре и Бурже, начала наступление и 9 ноября наголову разбила при Кульме 2-й Баварский корпус противника и заняла Орле-

ан, но 4 декабря была выбита из него перешедшими в наступление немецкими войсками.

²⁹ *Flectere si nequeo superos, Acheronta moveo* — Если небесных богов не склоню, Ахеронт всколыхну я (Вергилий, *Энеида*, VII, 312).

³⁰ Бойен (Воуп) Герман Людвиг Леопольд, фон (1771–1848) — генерал-фельдмаршал, прусский государственный и военный деятель. В 1813–1815 и 1841–1844 гг. — военный министр. Наряду с Шарнхорстом — один из реформаторов прусской армии после поражения 1806 г., создатель ландвера.

³¹ Имеется в виду освободительная война 1813–1815 гг. в Германии. После поражения войск Наполеона и их изгнания из России в Германии, прежде всего в Пруссии, под руководством прогрессивных деятелей развернулось мощное национально-освободительное движение, направленное на избавление немцев от чужеземного французского господства. После перехода в конце декабря 1812 г. русскими войсками под командованием М. И. Кутузова прусской границы под давлением патриотического движения прусский король Фридрих Вильгельм III подписал 16 (28) февраля 1813 г. Калишский союзный договор с Россией, положивший начало формированию новой, шестой по счету антифранцузской коалиции, в которую вошли Россия, Англия, Пруссия, Швеция и целый ряд других европейских государств. В «битве народов» под Лейпцигом союзные войска разгромили французскую армию. К концу 1813 г. вся Германия была освобождена от наполеоновского господ-

ства, после чего война силами антифранцузской коалиции была перенесена на территорию противника.

³² Михайлович Дража (1893–1946) — сербский генерал (1942). В 1941–1942 гг. — командующий формированиями четников, сражавшихся против немецко-фашистских оккупантов и их союзников и югославских партизан И. Б. Тито. В 1942–1945 гг. — министр обороны югославского королевского правительства в эмиграции. Осужден и казнен в 1946 г. по приговору народного суда ФНРЮ как военный преступник.

³³ «Великий поход» китайской Красной армии — см. прим. 18 к «Разговору о партизане».

³⁴ Кунлунь (Куэнь-Лунь) — горная система на Западе Китая.

³⁵ Речь идет о событиях мая 1958 г. в Алжире, связанных с мятежом против Четвертой республики, во главе которого стоял генералитет французской армии, выступавший против предоставления Алжиру независимости и его отделения от Франции. Выход из сложившейся ситуации участники и руководители мятежа видели в приходе к власти в стране «сильной личности», способной железной рукой навести порядок и предотвратить отделение Алжира от Франции. Оптимальной кандидатурой, способной решить эти задачи, им представлялся генерал Ш. Де Голль. 15 мая 1958 г., выступая на массовом митинге, командующий французскими войсками в Алжире генерал Р. Солан крикнул: «Да здравствует де Голль!» В свою очередь сам де Голль, сославшись на это выступление Солана, выступил перед жур-

налистами и заявил, что «готов облечь себя властью Республики». В качестве условия своего прихода к власти де Голль выдвинул требование предоставления ему чрезвычайных полномочий и пересмотра Конституции 1946 г. Итогом майского кризиса 1958 г. стало падение во Франции Четвертой республики, принятие новой конституции и установление в стране режима личной президентской власти генерала де Голля.

³⁶ В данном случае это слово употребляется Шмиттом в переносном смысле — под «пэрами» имеется в виду верхушка французской армии.

³⁷ Йорк (York) Ганс Давид Людвиг, фон Вартенбург (1759–1830) — граф, прусский генерал-фельдмаршал. Состоял на службе в Голландии, участвовал в ост-индийских операциях 1783–1784 гг. против Англии, в 1785 г. вновь поступил на службу в прусскую армию. Участвовал в войне с Францией 1806–1807 гг. С 1811 г. — генерал-губернатор Восточной Пруссии. В 1812 г. в качестве командира авангарда прусского корпуса принимал участие в войне против России на стороне Наполеона. Во время отступления из России командовал арьергардом войск Макдональда, его части были отрезаны от основных сил и окружены русскими войсками, на сторону которых и перешел корпус Йорка. Заключил в Таурогене известное соглашение с генералом Дибичем об участии в борьбе с Наполеоном. Принимал участие в освободительной войне 1813–1814 гг. Особо отличился в сражении под Вартенбургом, за что получил титул графа Вартенбургского.

³⁸ В данном случае Шмитт имеет в виду то об-

стоятельство, что вышколенная и многочисленная армия была главным и любимым детищем правителей Пруссии, сравнительно поздно образовавшегося восточноевропейского государства. Для расширения своих территориальных приобретений они содержали большую армию, численность которой в удельном отношении значительно превышала и количество населения, и доходы страны. Уже внук «великого курфюрста» Фридриха Вильгельма (1640–1688) король Фридрих Вильгельм I (1713–1740) при общей численности населения королевства в два миллиона человек имел армию в 80 000, из которой 30 000 были иностранцами. В его правление армия поглощала свыше половины годового дохода страны. При короле Фридрихе II (1740–1786) численность армии была доведена до двухсот тысяч человек и стала считаться одной из самых лучших и многочисленных в Европе.

³⁹ Кольхаас Михаэль — герой знаменитого рассказа Генриха фон Клейста (1808), прототипом которого является историческое лицо Ганс Кольхазе.

⁴⁰ Под супраконвенциональным оружием в данном случае имеется в виду оружие, использование которого ломает общепринятые условия и договоренности ведения войны.

РАЗГОВОР О ПАРТИЗАНЕ

Перевод Ю. Ю. Коринца под редакцией Б. М. Скуратова выполнен по изданию: Gespräch über den Partisanen: Carl Schmitt und Joachim Schickel // Schickel J. (Hrsg.). Guerilleros, Partisanen: Theorie und Praxis. München: Hanser, 1970. S. 9–29. Подготовка текста к публикации, общая редакция и комментарии Т. А. Дмитриева.

¹ Имеются в виду события гражданской войны в Китае 1927–1937 гг. между Гоминьданом под руководством Чан Кайши и китайскими коммунистами. Эти события ознаменовали распад единого антиимпериалистического фронта, сложившегося в ходе китайской революции 1925–1927 гг. Двумя важнейшими вехами начального этапа гражданской войны были восстание 1 августа 1927 г. воинских частей в Наньчане во главе с Чжу Дэ, Хэ Луном и Е Тингом и крестьянское восстание в провинции Хунань под руководством Мао Цзэдуна. Зимой 1927 г. на границе провинций Цзянси и Хунань был создан первый советский район Китая. С 1928 по 1933 гг. Чан Кайши предпринял четыре похода против советских районов Китая, однако не добился ощутимого успеха.

² Имеется в виду война в Корее 1950–1953 гг.

³ Речь идет о национально-освободительной войне за независимость Алжира от Франции в период 1954–1962 гг. Началась в ноябре 1954 г. нападениями вооруженных партизанских групп на французские гарнизоны в департаменте Константина. Политическим крылом национально-освободи-

тельного движения являлся Фронт национального освобождения (ФНО), военным — Армия национального освобождения (АНО), которая к 1958 г. насчитывала 60 тысяч бойцов регулярных подразделений и 70 тысяч партизан. Французским войскам, жандармерии и полиции, которые к 1958 г. насчитывали в Алжире порядка 800 тысяч человек, удалось нанести партизанам серьезный урон и практически парализовать их действия на территории Алжира. Это привело к тому, что на протяжении 1958–1962 гг. партизаны АНО действовали в основном с территории Марокко и Туниса, где находились их базы и тренировочные лагеря. Внутривнутриполитический кризис во Франции, связанный со стремлением части французской элиты и общества предоставить Алжиру суверенитет и независимость, равно как и деятельность партизан, принявшая явно выраженные черты психологической войны и массового террора по отношению к французским военнослужащим, колонистам и их союзникам из числа местного населения, привела к подписанию в марте 1962 г. в Эвиане (Франция), мирных соглашений о прекращении огня.

⁴ Речь идет о крушении диктаторского режима Батисты на Кубе в 1959 г.

⁵ Сунь-Цзы (VI–V вв. до н. э.) — древнекитайский полководец и военный теоретик, автор трактата о военном искусстве.

⁶ Линь Бяо (1907–1971) — маршал, заместитель премьера Госсовета КНР с 1954 года, министр обороны КНР с 1959 года. Член Коммунистической партии Китая (КПК) с 1925 года. Член ЦК КПК с 1945 г., член Политбюро ЦК КПК с

1955 г., член Постоянного комитета Политбюро и зам. председателя ЦК КПК с 1958 г. В период «культурной революции» (1966–1976 гг.) определенное время считался официальным преемником Мао Цзэдуна. Погиб в 1971 г. в авиакатастрофе на территории Монгольской Народной Республики при попытке бежать из КНР. На 10-м съезде КПК (1973) был публично объявлен политическим противником Мао Цзэдуна.

⁷ Концепция «мирового города» и «мировой деревни» относилась к числу одной из ключевых концепций, через призму которой руководство КПК во главе с Мао Цзэдуном рассматривало мировой революционный процесс во время «культурной революции» 1966–1976 гг. Согласно этой концепции, мир делится на две большие группы, на одном полюсе которой сосредоточены страны, обладающие высоким уровнем благосостояния, а на другом — страны, обладающие высоким революционным потенциалом. Мировой революционный процесс в рамках этой концепции изображался как борьба между двумя этими полюсами силы. «Если Северную Америку и Западную Европу, — писал маршал Линь Бяо, министр обороны КНР и официальный преемник Мао Цзэдуна во второй половине 1960-х годов, в работе «Да здравствует победа народной войны!», — можно назвать «мировым городом», то Азия, Африка и Латинская Америка образуют «мировую деревню», а мировая революция представляет собой окружение городов деревнями».

⁸ Имеется в виду приказ верховного командования вермахта от 6 июня 1941 г. относительно обра-

щения с политическими комиссарами Красной Армии, подписанный начальником верховного командования вермахта генерал-фельдмаршалом Кейтелем. В директиве, санкционировавшей уничтожение политического состава Красной Армии, в частности, говорилось: «В борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права. Как раз от политических комиссаров всякого ранга как носителей сопротивления следует ожидать ненависти, жестокого и бесчеловечного обращения с нашими пленными. [...] В этой войне милосердие и соблюдение международных правовых норм по отношению к этим элементам неуместны. [...] Политические комиссары являются инициаторами варварских азиатских методов борьбы. Поэтому с ними необходимо бороться без снисхождения, со всей беспощадностью. Поэтому с ними, захваченными в бою или при оказании сопротивления, необходимо расправляться, применяя оружие. [...] Эти комиссары не являются солдатами; на них не распространяется международно-правовая защита в отношении военнопленных. После отделения от военнопленных их следует уничтожать».

⁹ Имеется в виду пятый по счету и самый крупный по масштабам поход Чан Кайши против освобожденных советских районов в Китае, начатый в октябре 1933 г. Подготовка похода заняла практически целый год. Его план был разработан группой военных советников Чан Кайши во главе с немецким генералом фон Сектом, бывшим командующим рейхсвером. Сект, с которым прибыл ряд генералов германской армии и около 100 офицеров

немецкого генерального штаба, был назначен Чан Кайши начальником штаба своих войск. Главная цель пятого похода состояла в окружении и уничтожении сил китайских коммунистов. В результате похода китайская Красная армия была вынуждена оставить южные революционные базы и начать осуществление перебазирования в северные провинции страны. Это вынужденное перебазирование частей Красной армии в северо-западные районы продолжалось более двух лет — с октября 1934 г. по ноябрь 1936 г. и сопровождалось большими трудностями и потерями. Несмотря на это, основному костяку частей Красной армии удалось прорвать блокаду войск Чан Кайши и пробиться в Северный Китай. За время похода, получившего в китайской историографии название «Великого Северо-Западного похода китайской Красной армии», Красная армия с боями прошла 11 провинций и проделала путь свыше 12 тыс. километров. В октябре 1935 г. на стыке трех провинций Шэньси — Ганьсу — Нинся был создан советский район со столицей в Яньани, который стал новой опорной базой китайских коммунистов.

¹⁰ Дебре (Debray) Режи (1941–) — французский теоретик левой ориентации. В 1960-е гг. совместно с Че Геварой принимал участие в революционно-повстанческом движении. В 1967 г. был захвачен в плен правительственными войсками в Боливии и приговорен к тридцати годам заключения, однако через три года был освобожден. В 1980-е гг. — советник президента Франции Франсуа Миттерана по проблемам Латинской Америки.

¹¹ От др.-греч. слова *thalassa* — «море».

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Работа Карла Шмитта «Теория партизана» была опубликована в 1963 г.¹ В этом же году увидела свет и окончательная редакция его знаменитого «Понятия политического», которая, по сравнению с предыдущим изданием 1932 г., была снабжена важными изменениями и дополнениями². В том, что две эти работы Шмитта были опубликованы одновременно, нет ничего удивительного, поскольку он сам утверждал, что разработанная им теория партизана вносит серьезные уточнения в его концепцию политического применительно к реалиям мировой политики XX в. Недаром «Теория партизана» имеет подзаголовок «Промежуточное замечание о понятии политического», к обсуждению вопроса о смысле которого мы еще вернемся. Практически сразу после публикации работа получила широкий резонанс, а идеи, высказанные в ней Шмиттом, продолжают активно обсуждаться и в настоящее время, лишним подтверждением чему может служить недавний перевод его работы на английский язык³.

¹ *Schmitt C. Theorie des Partisanen: Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. Berlin: Duncker & Humblot, 1963.*

² *Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Duncker & Humblot, 1963.*

³ *Schmitt C. Theory of Partisan: Intermediate Commentary of the Concept of the Political. Trans. by G. L. Ulmen. St. Louis: Telos Press, 2007.*

I

По признанию самого Шмитта, его интерес к фигуре партизана и к партизанской войне достиг своей кульминации в начале 1960-х гг., что, не в последнюю очередь, было обусловлено масштабными процессами революционного и национально-освободительного движения, охватившими в этот период XX в. целые континенты. Особый размах партизанское движение как форма революционной и национально-освободительной войны приобретает в это время в так называемом «третьем мире» — в Азии, Африке и Латинской Америке. Партизанская война в Южном Вьетнаме, триумфальный приход «барбудос» во главе с Фиделем Кастро и Че Геварой к власти на Кубе в 1959 г., борьба за независимость департаментов французского Алжира, переросшая в гражданскую войну «малой интенсивности» в самой метрополии, трагедия бывшей бельгийской колонии Конго, партизанские войны в Малайе и на Филиппинах — таков лишь неполный перечень тех событий, на фоне которых Шмитт развертывает свой теоретический анализ проблемы партизана.

Несмотря на то что соответствующая проблематика затрагивалась Шмиттом в целом ряде работ, свое концентрированное выражение она получила именно в «Теории партизана»⁴. Не-

⁴ Впрочем, интерес Шмитта к фигуре партизана не ослабевал и после написания «Теории партизана», о чем свидетельствует его «Беседа о партизане» с Иоахимом Шикелем, которая также публикуется в нашем сборнике.

посредственным поводом для создания этого произведения послужила книга западногерманского журналиста Рольфа Шрёрса «Партизан: вклад в политическую антропологию», опубликованная в 1961 г.⁵ В этой написанной с либеральных позиций работе партизан рассматривался прежде всего как борец с мировым порядком, построенным на всеобъемлющем административно-бюрократическом и технико-экономическом контроле над миром. Кроме того, Шрёрс особо отмечал тот момент, что для партизана сам факт оккупации его страны чужеземными войсками является событием, затрагивающим и попирающим все его существо и идентичность, даже если при этом речь не идет о непосредственной угрозе его жизни или жизни его родных и близких. Иными словами, для партизана глубоко личное, экзистенциально окрашенное неприятие факта оккупации родной страны является определяющим моментом в принятии политического решения бороться с оккупантами. Выбор партизана — это всегда моральный выбор. По словам Шрёрса, в отличие от идеологически мотивированного революционера, партизан борется за родину (*Heimat*), с которой он связан тесными узами исторической судьбы. В то же самое время, как подчеркивает Шрёрс, в современных условиях партизанское движение постоянно сталкивается с опасностью идеологической или геополитической

⁵ *Schroers R. Der Partisan: Ein Beitrag zur politischen Anthropologie. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1961.*

тической инструментализации, осуществляемой заинтересованными «третьими силами». В этом случае партизанство из морально мотивированного движения за свободу и независимость родной земли перепрограммируется агентами, действующими в интересах этой самой «третьей стороны», в средство борьбы, которое государства или идеологические движения используют в своих собственных целях. По словам Шрёрса, подобное перепрограммирование способно привести только к «моральной смерти» партизана.

В своем анализе Шрёрс исходит по существу из пессимистического диагноза по поводу развития современного мира в сторону тотальной управляемости, выдвинутого после Второй мировой войны немецкими социологами консервативной ориентации Х. Фрайером и А. Геленом. Последние утверждали, что в условиях господства технократического государства и всеобъемлющего планирования для личной инициативы индивидов не остается места. Однако в то время как Фрайер и Гелен считали подобное развитие событий исторически неизбежным, Шрёрс видел потенциал сопротивления ему в фигуре партизана. Для либерала Шрёрса фигура партизана носила глубоко моральный характер. Она была последним прибежищем героической индивидуальности перед лицом общества, в котором господствовали и развитие которого определяли безличные силы.

Подобно Шрёрсу, Шмитт в двух своих лекциях, прочитанных в Памплоне и Сарагосе вес-

ной 1962 г., сделал центральным предметом своих рассуждений партизана и историческое развитие этой «фигуры мирового духа»⁶. При этом, однако, его подход к анализу этого феномена существенно отличается от подхода либерального публициста Шрёера. Прежде всего Шмитт старается вписать «Теорию партизана» в круг своих работ, связанных с принятием разделения людей на группы друзей и врагов, борющихся между собой не на жизнь, а на смерть, но единственно релевантный критерий политического в XX в. Поэтому он специально оговаривается, что мыслит свою работу «Теория партизана», в которую в итоге отлились его лекции, прочитанные в Испании, как промежуточное замечание, связанное с его понятием политического. Кроме того, Шмитта интересует именно теория партизана как фигуры всемирно-исторического масштаба, с выходом которой на историческую авансцену принципиально ме-

⁶ Эти две лекции, прочитанные им весной 1962 года в Испании, в Памплоне, по приглашению Всеобщей учебной матерской провинции Наварра, и в Сарагосском университете в рамках мероприятий кафедры имени Палафокса, Шмитт и положил в основу своей «Теории партизана». Само название кафедры, где Шмитт читал свою лекцию, исполнено глубокого смысла, поскольку Хосе Палафокс-и-Мельси (1776–1847), герцог Сарагосский, являлся одним из легендарных военных руководителей борьбы испанского народа 1808–1812 годов против французской оккупации, и тем самым — символически значимой фигурой в разворачиваемом Шмиттом дискурсе о партизане.

няются не только методы, но и сам характер современной войны.

Идеально-типический портрет партизана, который Шмитт дает в своей работе, носит крайне примечательный характер. Шмитт не только принимает данную Шрёрсом характеристику партизана как защитника Родины, но и углубляет и конкретизирует ее. Прежде всего, в глазах Шмитта партизан — это новая фигура мирового духа, защитник и хозяин определенной территории, земли, которую он считает своей, родной. В этой связи Шмитт специально говорит о теллурическом (от лат. *tellus* — земля, почва) характере партизана, обращая при этом особое внимание на то обстоятельство, что партизан борется прежде всего за контроль над определенной территорией. Этим он отличается как от мирового революционера, так и от международного террориста, которые, в отличие от партизана, стремящегося к контролю над определенной территорией, принципиально *экстerrиториальны*. Поэтому полем боя для них является — по крайней мере потенциально — весь земной шар.

Помимо стремления к контролю над определенной территорией, фигуру партизана в том виде, в каком он изображается Шмиттом, отличают еще три характеристики — это иррегулярный характер ведения партизаном боевых действий, повышенная мобильность и интенсивная политическая вовлеченность. В том, что касается иррегулярного характера ведения боевых действий, партизанская война выступает как прямой антипод классиче-

ских европейских представлений о межгосударственной войне, нашедших свое теоретическое выражение в классическом военном праве, а практическое — в практике войн между европейскими государствами XVII—XVIII вв., а также в период от Венского конгресса и вплоть до Первой мировой войны включительно (1815—1914). В отличие от солдат и офицеров регулярных европейских армий, партизан сражается иррегулярным образом. Это означает, что он не носит воинской формы и соответствующих знаков различия, но напротив, и по внешнему виду, и по своему роду жизни и занятий неотличим от мирного гражданского населения. Воюет партизан также иррегулярным образом — он встречается с врагом не в открытом бою лицом к лицу, но нападает из-за угла, выбирая для этого самый подходящий момент с тем, чтобы застать врага врасплох и нанести ему наибольший ущерб. Соответственно, крайне своеобразными оказываются и методы ведения партизанской войны: внезапные налеты, диверсии, нарушение коммуникационных линий противника, саботаж приказаний оккупационных властей, распространение дезинформации и слухов и т. д. Составной частью партизанской войны является поэтому «война нервов», которая призвана не только нанести противнику максимальный урон в живой силе и технике, но и разложить его изнутри, лишить воли к сопротивлению, а также оставить на оккупированной или занимаемой территории без поддержки со стороны местного насе-

ления. Для достижения этой цели в современных партизанских войнах практикуются, как правило, не только и не столько меры пропагандистского воздействия, сколько массовый террор, который одновременно играет роль психологических акций устрашения.

Повышенная мобильность ведения боевых действий, выражающаяся в подвижности, скорости и ошеломляющем чередовании наступления и отступления, обороны и нападения, также относится к числу важнейших отличительных черт партизана. Эта особенность стратегии и тактики партизанской войны получает дополнительный импульс в современную эпоху в связи с появлением новых средств ведения войны, связи и моторизации. Уточняя свое понимание природы мобильности современного партизана в беседе 1969 г. с Иоахимом Шикелем, Шмитт отмечает следующие моменты: «Партизан не имеет гарнизона, как имеет его полк или регулярная воинская часть. К этому надо добавить, что он движется гораздо быстрее и гораздо более непредсказуемым образом: он непредсказуем даже для собственного регулярного командования, с которым он тем не менее должен быть связан. Эта непредсказуемость его внезапного появления, именно она, прежде всего, имеется в виду под *мобильностью*. Это опять же связано с его освобождением от регулярных предписаний, особенно от униформы. Человек, который без всяких последствий может сменить униформу или предписанный знак различия, является мобильным. Когда мы говорим о мобильности, мы [...]

должны подумать и о мобильности внезапного изменения, возникновения, появления. Это очень важное ключевое слово; ибо в нем кроется превосходство партизана над одетым в униформу противником, то есть противником, узнаваемым публично»⁷.

Наконец, не менее важным моментом фигуры партизана является его интенсивная политическая вовлеченность. По словам Шмитта, «партизан сражается на политическом фронте, и именно политический характер его образа действий снова возрождает первоначальный смысл слова *партизан*. Это слово происходит от слова *партия* и указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой. Такого рода связи с партией особенно сильно проявляются в революционные эпохи»⁸. Правда, Шмитт тут же оговаривается, что в зависимости от конкретных политических обстоятельств и характера политических организаций эта связь может проявляться по-разному⁹. Несмотря на то что Шмитт признавал возможность свя-

⁷ Gespräch über den Partisanen: Carl Schmitt und Joachim Schickel [1969] // Schickel J. (Hrsg.). Guerilleros, Partisanen: Theorie und Praxis. München: Hanser, 1970. S. 15–16.

⁸ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 21.*

⁹ В связи с критерием политической вовлеченности Шмитта уместно будет привести оценку сильных и слабых сторон партизанской войны как наиболее характерной формы крестьянского движения, предложенную одним из ведущих современных специалистов в области крестьяноведения Теодором Шаниным. Как справедливо отмечает Шанин,

зи партизана с такой универсальной идеологией, как социализм, более естественным представлялся ему союз партизанского движения с идеологией национализма или с сочетанием национализма и социализма как политических идеологий. В его глазах партизанское движение, будучи иррегулярной формой ведения боевых действий, представляло собой в зародыше и регулярную армию, и новое государство. Поэтому, хотя в современную эпоху интенсивная политическая вовлеченность партизан в той или иной стране и может мо-

многие факторы, которые способствуют успеху партизан в борьбе с современной армией, — повышенная мобильность, способность «растворяться» среди мирного населения, выживать без внешних источников снабжения и с успехом пользоваться относительно примитивными видами оружия, — объясняются крестьянским характером партизанской войны. В то же самое время, как подчеркивает Шанин, «крестьянский характер партизанской войны объясняет не только ее сильные, но и слабые стороны — раздробленность, отсутствие четко выраженной идеологии и целей, неустойчивость состава. Эти существенные слабости могут быть преодолены путем внедрения твердого ядра профессиональных мятежников, превращающих бунт в «руководимое политическое движение». Идеологическая и организационная сплоченность профессиональных бунтовщиков, их устойчивость и усердие, их способность выработать долгосрочную стратегию могут превратить крестьянское восстание в успешную революцию» (Шанин Т. Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанина; под ред. А. В. Гордона. М.: Прогресс, 1992. С. 277).

тивироваться универсальными политическими идеологиями, для Шмитта обладающая теллурическим характером фигура партизана по самой своей природе предрасположена сопротивляться всякой форме идеологического диктата.

Иными словами, для Шмитта настоящий партизан всегда должен отличаться автохтонным и консервативным характером. Для него типичный партизан эпохи наполеоновских войн — это набожный крестьянин, исполненный глубокого религиозного чувства и защищающий свой дом, алтарь и очаг от иноземных завоевателей. Неудивительно, что для Шмитта родиной современного партизанства является Испания начала XIX в., где религиозно экзальтированные и невежественные крестьянские массы под руководством католических священников выступили против чужеземного французского господства. Партизан — это истинный представитель своего народа, кровь от крови и плоть от плоти его, и потому в глазах Шмитта противостояние, проходящее по линии народ, находящийся на оккупированной территории — оккупационная армия, и коллаборационисты из числа местного населения, его поддерживающие, и дает то искомое разделение на борющиеся группы друзей и врагов, которым определяется критерий политического по отношению к партизанской войне.

В Испании начала XIX в. партизанская война приняла форму герильи, которую необразованные массы простого народа вели против французских оккупантов без всякой поддержки со сторо-

ны высшей знати, либеральной буржуазии и высших кругов духовенства, которые, со своей стороны, скорее симпатизировали французам, нежели видели в них своих заклятых врагов, с которыми надо бороться не на жизнь, а на смерть. В отличие от поклонников современности и революции из числа представителей высших классов, пропитанных духом французского Просвещения, народные массы Испании в 1808–1813 гг., равно как и тирольцы в 1809 г. и русские крестьяне времен Отечественной войны 1812 г., были совершенно не затронуты духом Просвещения. Идеи и мессианские ожидания выдающих французских литераторов XVIII в. ничего не говорили их уму и сердцу — именно поэтому они приняли решение сражаться с оккупантами, выстояли и победили. Намного большее значение — в качестве фактора, мотивировавшего их моральный выбор, — имела для них традиционная религиозная идентичность в виде народной религиозности, будь то в форме католицизма в Испании или же православия в России. По словам Шмитта, «испанская герилья против Наполеона, тирольское восстание 1809 г. и русская партизанская война 1812 г. были стихийными, автохтонными движениями набожного (католического или православного) народа, чья религиозная традиция не испытывала влияния философского духа революционной Франции и была в этом отношении *слаборазвита*»¹⁰. Иными словами, первые шаги партизанской войны в ев-

¹⁰ Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 48.

ропейском мире Шмитт связывает с относительной неразвитостью тех стран, где она разворачивается, и даже, напротив, с сознательным противостоянием европейской современности. В этом плане безуспешные попытки немецких офицеров (Шарнхорст, Гнейзенау, Клаузевиц) и литераторов (А. Арним, И. Г. Фихте, Г. фон Клейст) разжечь пламя партизанской войны в оккупированной Наполеоном Германии служат для Шмитта хорошей иллюстрацией того, как сложно поднять народ на партизанскую борьбу в стране, где не только образованные слои оказались сильнее всего образом «инфицированы» духом Просвещения, но и широкие народные массы отличаются высочайшей степенью лояльности и дисциплинированности по отношению к властям, в том числе и оккупационным, а также довольно высоким уровнем культуры и образованности¹¹.

¹¹ На это обстоятельство обращал внимание уже Карл Клаузевиц, который в своем сочинении «О войне» на основе анализа опыта революционных и наполеоновских войн, в том числе и Отечественной войны 1812 г. в России, непосредственным участником которой он, находясь в ту пору на русской службе, был сам, указывал, что бедный и привыкший к лишениям народ обычно проявляет на народной войне большую воинственность и готовность к самопожертвованию. «Нельзя отрицать, — писал Клаузевиц, — что бедный, привыкший к тяжелой работе и лишениям, народ обычно проявляет (в партизанской войне. — *Т. Д.*) большую воинственность и силу» (*Клаузевиц К.* О войне [1832/1834]. В 2 т. Т. 2. М.: Госвоениздат, 1938. С. 195). Впоследствии это дало основание одному из крупнейших политических теоретиков

Однако каким бы «отсталым» ни был партизан в социально-экономическом, культурном или политическом отношении, он, с точки зрения Шмитта, обладает одним колоссальным политическим преимуществом, значение которого в современных условиях трудно переоценить. А именно, в отличие от своих более образованных соотечественников, он прекрасно знает, кто его друг, а кто — враг, и в этой трезвой политической определенности и суверенности ему нет и не может быть равных. Иными словами, для Шмитта партизан — это не в последнюю очередь приверженец партии (*Parteigänger*), четко опознающий своих врагов. В этом смысле идеально-типическим воплощением партизана в его классической форме для него опять-таки являлся испанский герильеро, который, в отличие от своих привилегированных и образованных соотечественников, питавших симпатии к захватчикам-французам, был единственным, кто понял, кто есть его истинный враг. «Ситуация испанского партизана 1808 года характеризуется прежде всего тем, — пишет Шмитт, — что он отваживался на борьбу на своей малой родине, в то время как его король и королевская семья еще точно не знали, кто же настоя-

XX в. Раймону Арону прийти к выводу, что партизанская война — это средство борьбы бедных и слабых наций против богатых и сильных. Сам Шмитт, однако, был не столь категоричен, нежели его французский коллега, о чем, в частности, можно судить по его довольно осторожным высказываниям в «Беседе о партизане» с Иоахимом Шикелем (*Gespräch über den Partisanen: Carl Schmitt und Joachim Schickel. S. 19–20*).

ний враг. В этом отношении легитимная власть пала себя тогда в Испании не иначе, чем в Германии. Кроме того, ситуация в Испании характеризуется тем, что образованные слои аристократии, высшего духовенства и буржуазии повсюду были *afrancesados* (друзьями французов), то есть симпатизировали иноземному завоевателю. И в этом отношении выявляются параллели с Германией, где великий немецкий поэт Гете создавал гимны во славу Наполеона, а немецкие образованные сословия так окончательно и не уяснили для себя, на чьей же они стороне. В Испании *Guerrillero* осмеливался на безнадежную борьбу, этот бедняга представлял собой первый типичный случай иррегулярного пушечного мяса в конфликтах, имеющих всемирно-политическое значение»¹². Тем самым народная партизанская война в Испании 1808–1812 гг. создала своего рода прецедент использования партизан заинтересованной «третьей силой» в своих собственных целях, которой предстояло развернуться в полную мощь в условиях «всемирной гражданской войны» 1917–1991 гг. между мировым коммунизмом и миром капитала, в ходе которой партизан, при всей своей консервативности и теллуричности, имел обыкновение очень часто оказываться разменной монетой в чужой игре, выполняя, как удачно выражается Шмитт, роль «иррегулярного пушечного мяса в конфликтах, имеющих всемирно-историческое значение». Достаточно вспомнить, как Советский Союз и Китай использовали войну во Вьетнаме

¹² *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 14.*

(1962—1975) для того, чтобы нанести поражение своему геополитическому противнику в лице США, а последние, в свою очередь, прибегли к использованию афганских «моджахедов» и их союзников из числа исламских радикалов и правителей ряда стран Ближнего и Среднего Востока с целью нанести поражение Советскому Союзу во время афганской войны (1979—1989), для того, чтобы оценить справедливость этих наблюдений Шмитта, сделанных еще в 1962 г., т. е. до перерастания войны во Вьетнаме в ее активную фазу, связанного с широкомасштабным вмешательством в нее США.

II

Партизан для Шмитта — это прежде всего тот, кто сражается иррегулярным образом, кто ведет партизанскую войну. Последняя рассматривается Шмиттом как особый способ ведения войны, обязанный своим появлением войне испанского народа 1808—1813 гг. за независимость, против чужеземных захватчиков, в роли которых выступали войска наполеоновской Франции. Именно в сражениях с этой регулярной армией нового типа, возникшей благодаря опыту Французской революции, был выкован принципиально новый тип войны — герилья, или партизанская война, — которая по самому своему характеру предполагает открытие новых пространств войны, образование новых правил ведения войны и в конечном итоге радикальное переосмысление самих представлений о войне и политике.

Война в Испании стала первой войной, в которой войска Наполеона стали терпеть поражение, причем не от регулярных войск, но от вооруженного народа. В 1808 г. французские войска вторглись в Испанию. Большинство представителей правящего класса и высшего духовенства, а также либеральная испанская буржуазия и интеллигенция смотрела на французские войска с сочувствием, продолжая видеть в них носителей духа Просвещения, Великой французской революции и европейской цивилизации в целом. Регулярные испанские войска не оказывали захватчикам серьезного сопротивления. Казалось, французов в Испании ожидала не война, а легкая победоносная прогулка. Однако это первое впечатление оказалось обманчивым. Против французских оккупантов поднялся весь испанский народ. Во главе освободительного движения стала часть католического духовенства и мелкие и средние испанские дворяне — идальго. В каждой провинции были созданы специальные комитеты (хунты), которые руководили действиями партизан. Над ними была поставлена главная, верховная хунта, которая, однако, не имела большого влияния на ход народной войны, поскольку каждая провинциальная хунта, как правило, действовала самостоятельно, на свой страх и риск. Вместо увеселительной прогулки французы столкнулись в Испании с затяжной и кровопролитной войной нового типа, которая и получила название *герилья* (исп. *guerilla*, умен. от *guerra* — война). Уклоняясь от сражений с крупными частями французских войск, испанские ге-

рильеро нападали на мелкие подразделения противника, отбивали у него обозы, парализовывали коммуникации оккупантов, чем причиняли французам чувствительный урон. Дело дошло до того, что брат Наполеона Иосиф, которому тот отдал испанскую корону, в страхе бежал из столицы Испании Мадрида. Одновременно восстали и португальцы, которые при помощи английских войск выгнали французов из страны.

В сложившейся ситуации сам император Наполеон во главе 180-тысячного войска был вынужден отправиться на покорение Испании. Однако, несмотря на успехи на полях сражений и даже повторное занятие Мадрида, французам так и не удалось добиться решающего перелома в войне. Их временные успехи не только не ослабили, но еще сильнее разожгли огонь партизанской войны. Именно на этом фоне массового народного сопротивления получил свою известность подвиг защитников испанского города Сарагосы. Этот восставший испанский город был блокирован французскими войсками, которые в течение восьми месяцев 1808 г. безуспешно пытались его захватить. Все попытки французских войск овладеть городом разбивались о мужественное и стойкое сопротивление его защитников во главе с Хосе де Палафоксом (1776–1847), генерал-лейтенантом Арагона, на кафедре имени которого Шмитт весной 1962 г. и прочитал свой второй доклад о теории партизана. Только после того, как у защитников города закончились боеприпасы и продовольствие, а их потери в живой силе стали невосполнимыми, гарнизон города был вынуж-

ден капитулировать. Из 100 тысяч человек, находившихся в городе к началу осады, погибло 54 тысячи. Тем не менее взятие Сарагосы не остановило народной войны, которая продолжалась вплоть до изгнания французов из Испании в 1812 г. объединенными силами испанцев, англичан и португальцев. Именно эти события Шмитт и считает тем моментом, к которому относится рождение принципиально нового типа войны — партизанской, всенародной войны.

Шмитт недаром говорит о французской республиканской армии и армии Наполеона как об армии нового типа, противоборство с которой положило начало феномену современного партизанства. По словам Шмитта, «партизан сражается иррегулярным образом. Но различие между регулярной и иррегулярной борьбой зависит от организованности регулярного и обретает свою конкретную противоположность, а тем самым и свое понятие только в современных организационных формах, которые возникают из войн «Французской революции»¹³. Ведь сама французская армия, сперва республиканская, а затем наполеоновская, ее методы ведения войны и принципы комплектования и организации плохо вписывались в классические представления о сухопутной войне и правилах ее ведения, сложившиеся в Западной Европе в XVII—XVIII вв.

Развитие Французской революции привело к столкновению между революционной Францией и рядом европейских абсолютистских монархий,

¹³ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 11.*

поддержанных также Англией. В 1791 г. была сформирована коалиция из Пруссии и Австрии, за спиной которых стояли Англия и Россия. Желая опередить своих противников, правительство жирондистов в Париже объявило весной 1792 г. войну Австрии, на что Австрия и Пруссия ответили объявлением войны Франции. Тем самым военное противостояние новой, революционно-республиканской и старой, феодально-монархической Европы стало фактом. Объявив войну влиятельному монарху старой Европы, жирондисты рассчитывали тем самым предупредить заговор европейских держав против революционной Франции и при помощи народной войны поднять народы Европы против своих правителей. Однако в действительности события приняли совсем иной оборот. Дезорганизованная и деморализованная старая французская армия не смогла оказать достойного сопротивления неприятелю. Вдобавок после казни короля Людовика XVI в 1793 г. к коалиции Пруссии и Австрии присоединились Англия, Голландия, Испания, Неаполь, Сардиния и еще целый ряд мелких немецких и итальянских государств. К вторжению войск интервентов извне присоединились восстания и заговоры врагов республики внутри страны. Предвкушая скорую победу и мечтая о реванше, подняли голову эмигранты и роялисты. В Вандее и Бретани, старых провинциях Франции, где сильны были монархические настроения и симпатии к католической церкви, население, подстрекаемое местными дворянами и священниками, взбунтовалось «во имя Бога и короля»

против Республики. В этот трагический для судьбы республики момент французов — сторонников революции и республики — охватил небывалый патриотический и революционный подъем; они массами записывались в добровольческие батальоны, которые шли на фронт, распевая сочиненную военным инженером Руже де Лиллем «Марсельезу». обороной республики руководило военное бюро Комитета общественного спасения во главе с инженером Лазаром Карно, собравшим вокруг себя талантливых сотрудников, много сделавших для защиты страны. Именно на плечи этого органа легло бремя создания новой революционной армии.

Решающий час в ее создании пробил летом 1793 г., когда Комитет общественного спасения провел реорганизацию армии, важнейшим моментом которой было объединение новых волонтерских частей и частей старой дореволюционной армии на паритетных началах, а также решение о формировании новых частей на основе массового набора (*la levée en masse*)¹⁴. Благодаря

¹⁴ Идея о необходимости проведения массового набора в новую республиканскую армию была выдвинута еще в конце 1791 г. депутатом Национального собрания Шайе. Его предложение сводилось к тому, что армия — это не что иное, как вооруженный народ. «Что такое армия? — спрашивал Шайе и сам же отвечал на свой вопрос: — Это вся Франция. Здесь хотят проводить какие-то различия между линейными войсками и Национальной гвардией. Это ловушка, которую нам расставляют. Все французские граждане составляют армию. Зачем ее набирать? Пусть ударит на-

этим нововведениям в короткий срок удалось довести численность армии сперва до 300 тысяч, затем — до 650 тысяч человек, а в конечном счете — до 1200 тысяч человек. Число армий республики достигло 14. Революционные армии, воодушевленные патриотической идеей защиты республики, стали бить войска интервентов и роялистов. Досталось и внутренним врагам, среди которых особенно несладко пришлось вандейцам, основательно потрепанным «адскими колоннами» республиканских генералов Клебера, Марсо и Гоша. В результате в течение 1793–1794 гг. революционные армии сумели не только нанести чувствительные поражения армиям противника, но и перенести войну на его территорию. В последующем практика массового набора из всех классов превратилась в систему общей воинской повинности. Последняя получила название «конскрипции»; в соответствии с ней все годное к ношению оружия население в возрасте от 21 до 25 лет разделялось на разряды по годам, и государство могло забирать граждан на службу целыми разрядами. Система всеобщей воинской повинности позволила Франции ставить под ружье

бат, и все патриоты схватятся за оружие» (*Дживилегов А. К. Армия Великой французской революции и ее вожди. М., 2006. С. 28*). Несмотря на то что после доклада военного министра Нарбонна Национальное собрание отклонило предложение Шайе, ему в конечном счете была уготована счастливая судьба — спустя два года оно было-таки реализовано и послужило одним из краеугольных камней военных побед Французской революции.

сравнительно бóльшие контингенты солдат, чем могли себе позволить другие европейские державы, придерживавшиеся прежних методов комплектования. Она послужила основой и для комплектования «Великой армии» Наполеона.

Идея массового набора солдат для службы в армии была принципиальным новшеством, разительно отличавшим принципы комплектования новой революционной армии от принципов комплектования армий старого порядка. Прежде армии большинства европейских монархий комплектовались по смешанной системе, — отчасти путем найма, отчасти путем принудительной вербовки солдат, — в силу чего армии *ancien régime* не отличались ни национальной однородностью, ни высоким моральным духом. Солдаты-наемники требовали за собой постоянного присмотра, средством которого служила механическая муштра на плацу, «палочная дисциплина» в казарме и линейный боевой порядок на поле боя, где солдаты находились в одном строю под постоянным надзором офицеров и сержантов. Дезертирство из комплектовавшихся путем найма и принудительной вербовки армий достигало огромных масштабов; за беглецами отряжали целые экспедиции, а местным жителям за их поимку выплачивалось особое вознаграждение. Нечего и говорить, что подобный порядок комплектования армии по найму и добровольно-принудительной вербовке, постоянным спутником которой было массовое дезертирство, не способствовал ни повышению боеспособности армий старых европейских монархий, ни увеличению их численности.

Напротив, введение якобинцами в 1793 г. общей воинской повинности было поистине революционным шагом, не только благоприятно сказавшимся на военных успехах республики, но и круто изменившим характер и методы ведения современной войны. Армия, комплектовавшаяся на основе массовых наборов, стала поистине народной армией. Благодаря этому основополагающему отличию от армий старых европейских монархий, она смогла дать начало новому, революционному типу войны. Радикальное изменение принципов комплектования и организации новой революционной армии позволило осуществить кардинальные изменения и в самом военном искусстве. Прежде всего, появилась возможность изменить тактику военных действий — отказаться от линейного строя и линейной тактики и перейти к тактике боя колоннами в сочетании с рассыпным строем, что способствовало повышению маневренности и управляемости войск, а также облегчало их перегруппировку и концентрацию на направлении главного удара. Теперь, когда у командиров не было необходимости следить за тем, чтобы отдельные бойцы не покидали строя, можно было отказаться от фронтальных сражений в открытом поле, от перемещений войск замкнутыми линиями и оборонительной тактики огневого боя на расстоянии и перейти к тактике активных наступательных действий, использованию маневра и ведению боевых действий на любой, даже сильно пересеченной местности. В свою очередь, тактика колонн и рассыпного строя требовала и принципиально нового бойца,

готового не полагаться всецело на приказы вышестоящих командиров, но проявлять в бою смекалку и инициативу, принимать самостоятельные решения в постоянно меняющейся боевой обстановке.

Помимо всего прочего, армия революционной Франции, выкованная в горниле революционных войн, не была пропитана тем сословно-кастовым духом, который отличал армии европейских монархий. В революционной армии не существовало пропасти, которая разделяла бы рядовой и офицерский состав; более того, многие офицеры сами были выходцами из народа, сделавшими головокружительную карьеру благодаря республике и тем войнам, которые она вела. Эта атмосфера боевого братства командиров и рядовых, немислимая в старых европейских армиях и подкрепленная патриотическим и революционным подъемом, была важной составляющей боевых успехов революционной армии.

Революционная армия нового типа выдвинула на высшие командные должности целую плеяду выдающихся полководцев, многие из которых были выходцами из социальных низов. Так, генерал Лазар Гош был сыном конюха, генерал Клебер — сыном каменщика, генерал Мюрат — сыном трактирщика. Многие из генералов революционной армии стали впоследствии маршалами Наполеона. О маршале Бернадотте, ставшем впоследствии королем Швеции, рассказывали, что к нему был приставлен специальный лакей, поскольку этот новоиспеченный король имел обыкновение по старой солдатской привычке ос-

новательно напиваться и рвать на груди королевский мундир, открывая на обозрение изумленной придворной публике сделанную еще в годы революции татуировку «Смерть королям!».

Важнейшей основой новой революционной армии было то, что она не только служила защите революции, но и выступала в роли проводника идей 1789 г. — идеалов свободы, равенства и братства, — которые она несла другим странам и народам. Ее солдаты, в отличие от состоящих из наемников или набранных из крепостных солдат старых европейских армий, прекрасно знали, за что они сражаются и кто является их злейших врагом. Для них лозунги революции были не пустым звуком; они материализовались в возможности трудиться на своей земле, конфискованной у дворян и духовенства, и самостоятельно определять свою судьбу. Вполне естественно, что ни крестьяне, ни городские низы, ни значительная часть средних слоев не хотели возвращения старых порядков и потому были готовы сражаться за революцию до последнего. Высочайший боевой и моральный дух солдат и офицеров стал важнейшим фактором побед революционной армии. Известная французская писательница Жермена де Сталь, имевшая возможность наблюдать революционную армию в деле, писала о ее солдатах и генералах: «Солдаты были всей душой преданы родине. Мысли о грабеже были им чужды. Они были полны настойчивостью, отвагой и тем беззаботным мужеством, которым отличаются французы. Генералы были скромны, бескорыстны и глубоко преданы отечеству. Дух боевой доблести

нырос и укрепился в них раз и навсегда»¹⁵. В наполеоновскую эпоху этот дух не исчез, но трансформировался в корпоративное понятие воинской чести и патриотическое чувство гордости за «великую нацию», как Наполеон называл Францию, подпитываемое, правда, возможностью неплохо пожить за счет покоренных народов Европы. «Армия, — писал Маркс о французской армии наполеоновских времен, — была *point d'honneur* (делом чести. — Т. Д.) parcelльных крестьян: она из них делала героев, которые защищали от внешних врагов новую собственность, возвеличивали только что приобретенное ими национальное единство, грабили и революционизировали мир. Военный мундир был их собственным парадным костюмом, война — их поэзией, увеличенная и округленная в воображении парцелла — отечеством, а патриотизм — идеальной формой чувства собственности»¹⁶. Иными словами, новая революционная армия была не только мощной военной, но и идеологической силой, что также не имело прецедента в классических войнах европейских держав XVII—XVIII вв.¹⁷.

¹⁵ Цит. по: *Дживилегов А. К.* Армия Великой французской революции и ее вожди. С. 93–94.

¹⁶ *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта [1852] // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 8. С. 213.

¹⁷ Исключение, быть может, здесь составляют протестантские войска шведского короля Густава Адольфа IV эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648), а также армия парламента, и прежде всего «железнобокие» Оливера Кромвеля времен Гражданской войны в Англии (1642–1646), отлича-

Одним из принципиальных следствий подобного поворота событий стало возникновение феномена «идеологических войн», положившего конец безраздельному господству в европейской жизни XVIII в. конвенциональных «оберегаемых» войн, которые велись суверенными европейскими государствами ради более или менее четко очерченных династических или же национально-государственных интересов. Уже Клаузевиц прекрасно понял то, что новые революционные и наполеоновские войны более соответствовали «идеальному типу» абсолютной войны, чем ограниченные и конвенциональные войны *ancien régime*¹⁸. В отличие от конвенциональных войн, ведущихся регулярными ар-

шися высокой дисциплиной и боеспособностью. В частности, об армии парламента известный английский политический мыслитель Э. Бёрк в 1791 г. писал, что она «была в смысле дисциплины доведена Кромвелем до поныне непревзойденного совершенства. Она была, кроме того, просто превосходной по своему составу. Солдаты отличались высочайшим — хотя и на свой манер — благочестием, строжайшим соблюдением всех уставов и даже суровостью правил поведения. Храбрые в бою, они в местах расквартирования вели себя умеренно, спокойно и порядочно. Это были люди, у которых вызывала отвращение даже сама идея убийства своих офицеров и вообще — человекоубийства. [...] Получив такую армию, можно на нее положиться» (Бёрк Э. Письмо г-на Бёрка к члену Национальной ассамблеи в ответ на некоторые возражения в отношении его книги о положении дел во Франции [1791] // Бёрк Э. Правление, политика и общество / Пер. с англ. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 397).

¹⁸ По словам Клаузевица, «при Бонапарте война приня-

миями враждующих государств и направленных на то, чтобы нанести противнику поражение и принудить его к заключению мира на выгодных для победившей стороны условиях, целями войны нового типа является не победа над противником, но его полное уничтожение в качестве абсолютного прага. Это приводит к криминализации противника, с одной стороны, и к поиску идеологических, инеллирующих к универсальным и общечеловеческим идеалам, обоснований справедливого характера войны, с другой.

Идеологический характер войн, которые вела французская республика против своих противников, отчетливо проявился уже на самой ранней их

ли свой абсолютный характер» (*Клаузевиц К. О войне. В 2 т. Т. 2. С. 336*). Она стала таковой потому, что война превратилась в дело народа, а сама армия стала вооруженным народом. «Таким образом, — продолжает Клаузевиц, — со времен Бонапарта война сперва на одной, затем на другой стороне снова стала делом всего народа, она приобрела совершенно другую природу, вернее — война сильно приблизилась к своей действительной природе, к своему абсолютному совершенству. Средства, пущенные в ход, не имели видимых границ; эти границы терялись в энергии и энтузиазме правительств и их подданных. [...] Так разразилась стихия войны, освобожденная от всех условных ограничений, во всей своей естественной силе. Причиной этого было участие народов в этом великом деле; это участие проистекало частью из тех условий, которые французская революция создала внутри каждой страны частью из той опасности, которой угрожали всем народам французы» (Там же. С. 354).

стадии. Когда 20 апреля 1792 г. жирондисты объявили войну австрийскому императору, они рассчитывали тем самым предупредить заговор европейских держав против революционной Франции и при помощи народной войны поднять народы Европы против своих правителей. Сам факт того, что в официальном манифесте об объявлении войны говорилось об австрийском императоре как о «короле Богемии и Венгрии», служил яркой иллюстрацией революционного принципа «мир хижинам — война дворцам». Тем самым подчеркивалось, что речь идет о революционной войне, направленной не против народов Европы, но против их монархов, при этом главной целью такой революционной войны жирондисты считали вооруженную пропаганду. По декрету от 19 ноября 1792 г. Франция обещала «братскую помощь и поддержку» всякому народу, желающему завоевать себе свободу. С усилением влияния якобинцев во власти идеологический характер войны принял еще более яркую направленность. Теперь согласно декрету от 15 декабря 1792 г. цели войны кардинально менялись. На данном этапе речь шла уже о переходе от революционной пропаганды к подлинно революционной войне. Своим декретом Конвент предписывал генералам революционной армии свергать прежние власти, конфисковывать церковные имущества, упразднить феодальные повинности и вводить повсюду французскую правительственную систему и республиканский образ правления. Однако подлинный водораздел наступил 17 января 1793 г. после казни французского короля Людовика XVI. Теперь уже французские

власти выступали в глазах дворов старой Европы не только в роли «узурпаторов», но еще и в роли «цареубийц», с которыми были недопустимы какие-либо соглашения. С этого момента идеологический характер революционных войн, ведущихся Французской республикой, восторжествовал окончательно и бесповоротно.

Иными словами, логика развития революционного процесса во Франции привела к тому, что революционная армия сделалась носителем новых принципов политического и общественного устройства. Вступая в новые страны и области, генералы и комиссары революционной армии устанавливали там республиканские порядки по образцу тех, что утвердились в самой Франции. Так на политической карте Европы появились: вместо федеративного правления старых штатов — «единая и неделимая» Батавская республика в Голландии, затем — единая Гельветическая республика в Швейцарии, также заступившая место прежнего союза. Затем пришел черед Италии, где во время войны 1796–1797 гг. был учрежден целый ряд республик: из отнятой у австрийцев Ломбардии и части земель Папского государства была образована Цизальпийская республика, а из остальной части Папского государства вместе с Римом — Римская. Прежние власти также были отстранены от управления в Генуе и Венеции. Наконец, после изгнания династии Бурбонов республикой было провозглашено и Неаполитанское королевство.

Правда, с падением диктатуры якобинцев в 1794 г. и переходом власти к Директории войны,

которые вела Французская республика, стали постепенно превращаться в захватнические, направленные на подчинение Франции других народов. Вновь была пущена в ход старая, изобретенная еще Людовиком XIV идея о «естественных границах» Франции по Рейну и Альпам, что предполагало включение в ее состав значительно числа территорий, населенных другими народами. Эти тенденции еще более усилились после переворота 18 брюмера 1799 г., совершенного генералом Наполеоном Бонапартом и приведшего к установлению во Франции режима военной диктатуры. Тем не менее нововведения в комплектовании и организации вооруженных сил, а также в их стратегии и тактике, которыми Европа была обязана Французской революции, не пропали даром, но были с блеском использованы Наполеоном в своих завоевательных походах. Как пишет Клаузевиц, «когда же Бонапарт устранил эти недостатки (имеется в виду техническое несовершенство организации революционной армии. — Т. Д.), вооруженные силы Франции, опиравшиеся на всю народную мощь, прошли всю Европу, сметая на своем пути всякое сопротивление столь уверенно и надежно, что там, где им противопоставлялись одни лишь вооруженные силы старого порядка, не возникало даже проблеска сомнения в исходе борьбы»¹⁹. На протяжении двадцати лет, начиная от битвы при Вальми (1792) и заканчивая походом Наполеона в Россию (1812), армии европейских монархий тер-

¹⁹ Клаузевиц К. О войне. В 2 т. Т. 2. С. 353.

пели постоянные поражения сначала от французских революционных, а затем — от императорских войск. Только там, где ответом на завоевательные походы Наполеона стала народная война, его идеально отлаженная военная машина и военный гений его собственный и его маршалов и генералов стали чем дальше, тем чаще давать сбой. Именно это и произошло в Испании в 1808 г., где войскам Наполеона впервые пришлось столкнуться с партизанской войной, ведущейся целым народом, а война впервые в эпоху наполеоновских войн «сделалась народным делом»²⁰. Таким образом, французской республиканской, а затем наполеоновской армии было суждено стать первой современной регулярной армией, а испанскому партизану 1808 г., — при всей своей «несовременности», — первым современным партизаном, который отважился иррегулярным образом бороться против современных регулярных армий. В известном смысле можно сказать, что контрреволюционные партизанские войны, которые народы Испании, Тироля и России вели против наполеоновской армии, были асимметричной реакцией на революционные и наполеоновские войны: война нового типа, которую вела регулярная армия нового типа, столкнулась здесь с партизанской войной нового типа, которую вела армия иррегулярных борцов.

²⁰ Там же.

III

Из Испании искра партизанской войны «залетела на север», т. е. в Германию, оккупированную войсками Наполеона. Несмотря на то что ей не суждено было раздуть там пожар такого же масштаба, что обеспечил испанской герилье ее всемирно-историческое значение, она тем не менее «вызвала к жизни *теорию* вражды и войны, последовательно достигающую кульминации в теории партизана»²¹. Главными фигурами в этой теоретической легитимации фигуры партизана были поэт Генрих Клейст, который стал «истинным поэтом национального сопротивления», а также реформаторы из прусского генерального штаба Шарнхорст и Гнейзенау. Наконец, по словам Шмитта, в мире идей этих прусских офицеров генерального штаба 1808–1813 гг. были заключены также зародыши книги «О войне» Клаузевица. По словам Шмитта, «его (Клаузевица. — Т. Д.) формула о войне как продолжении политики содержит уже в сжатом виде теорию партизана, логика которой доведена до конца Лениным и Мао Цзэдуном»²². В отличие от Испании, где образованные классы не принимали участия в герилье, представители образованных классов Германии оказались в состоянии сформулировать первые теории народной войны, которую «вооруженный народ» ведет против иностранной оккупации. «Национализм этой

²¹ Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 14.

²² Ibid. S. 15.

берлинской интеллигентской прослойки, — пишет Шмитт о круге людей, включавшем в себя философа Фихте, военных реформаторов и теоретиков Шарнхорста, Гнейзенау и Клаузевица и поэта Клейста, — был уделом образованных людей, а не простого или вовсе неграмотного народа. В такой атмосфере, когда возмущенное национальное чувство объединилось с философским образованием, был философски открыт партизан и его теория стала исторически возможна»²³.

Клаузевиц был первым военным теоретиком современности, который принял вызов, брошенный военной мысли эпохой революционных и наполеоновских войн, всерьез. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что европейская межгосударственная война старого типа, стратегия и тактика которой были проникнуты геометрическим духом классического новоевропейского рационализма, безвозвратно уходит в прошлое. На смену ей приходит новый тип войны, который Клаузевиц назвал «народной войной» (*Volkskrieg/Volksbewaffnung*). Ее главное отличие от войны старого типа заключается в том, что на место борьбы за династические интересы вступает борьба за выживание великих наций. Если в XVII—XVIII вв. война была исключительно делом правительств, или, как тогда было принято говорить, «кабинетов», а народ принимал участие в войне лишь в качестве слепого орудия, то в XIX в. война снова становится делом всего народа, чьи силы бросаются на чаши весов. В своем

²³ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 49.*

«Заключительном слове»²⁴, имевшем примечательный подзаголовок «О природе обороны», Клаузевиц, характеризуя этот новый тип войны, писал: «Не король воюет против короля, и не армия против армии, но один народ против другого, а в народ включены и король, и армия»²⁵.

После сокрушительного разгрома Пруссии Наполеоном в войне 1806 г. Клаузевиц пришел к заключению, что для победы над могущественным чужеземным врагом недостаточно прежних, конвенциональных и регулярных методов ведения войны. В условиях, когда современная война стала народной войной, врага невозможно одолеть, не мобилизуя все силы народного духа и не используя весь доступный арсенал методов борьбы, включая также иррегулярные и не предусмотренные общепринятыми конвенциями о ведении боевых действий. Из этих соображений и рождается знаменитое учение Клаузевица о партизанской войне как важнейшем моменте народной войны и о партизане как важнейшем средстве борьбы в такой войне, которое Шмитт считает первой современной теорией партизана. «Народную войну и партизан, — пишет Шмитт о Клаузевице, — он осознал как существенную часть «сил, взрыва-

²⁴ Оно предназначалось наследному принцу, будущему прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, которому Клаузевиц преподавал военные науки, и было написано в 1812 г. по пути на русскую службу.

²⁵ *Clausewitz C. von. Politische Schriften und Briefe. Hrsg. von H. Rothfels. München, 1922. S. 118.*

ющихся во время войны», и включил в систему своего учения о войне»²⁶.

Оценивая военно-политическую обстановку, сложившуюся накануне нападения Наполеона на Россию в 1812 г., Клаузевиц в мемуаре, написанном в феврале этого же года, сделал вывод, что единственное спасение чести и свободы Пруссии могло бы состоять в войне против Франции в союзе с Россией²⁷. Для такой войны со стороны Пруссии было бы мало использования одной регулярной армии, надо было поставить под ружье народ. Для этого было необходимо создать народное ополчение (*Landsturm*); в надвигающейся войне Пруссию следовало защищать так же, как защищались Вандея и Испания. В основе этих предложений Клаузевица, безусловно, лежали идеи его старших товарищей Шарнхорста и Гнейзенау о народной войне. При том, что регулярная прусская армия составляла 150 тысяч человек, Клаузевиц рассчитывал при помощи ландштурма в кратчайший срок поставить под ружье еще 500 тысяч человек. Скептикам и пессимистам, твердившим, что в Пруссии невозможна широкомасштабная партизанская война, Клаузевиц указывал на опыт Вандеи; если получилось там, то почему не должно получиться в Пруссии? «Возражают, — писал Клаузевиц, — что враг будет безжалостен. Но мы ответим на жестокость жестокостью и научим его умеренно-

²⁶ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 50.*

²⁷ См.: *Clausewitz C. von. Politische Schriften und Briefe. S. 80–119.*

сти. Говорят, что лишь горная и недоступная страна возможна для партизанских действий, но районы Пуату и Анжу, где боролись вандейцы, разве менее доступны, чем районы Швейдница и Глаца или болотистые леса Пруссии?»²⁸ Даже низкий моральный дух немцев и их неготовность сражаться против французов не являлись, по мнению Клаузевица, непреодолимым препятствием для развертывания партизанской войны. Тем своим соотечественникам, которые считали, что немцам не хватит духа подняться на борьбу с французами, Клаузевиц настойчиво напоминал о том, что настроения народа изменчивы, что нужда рождает храбрецов и что там, где ощущается недостаток энтузиазма, само правительство обязано употребить все силы для того, чтобы воодушевить народ на борьбу.

Эти идеи получили второе дыхание в 1813 г., когда военно-политическая обстановка после разгрома армий Наполеона и изгнания их из России изменилась столь кардинально, что создались благоприятные условия для избавления Пруссии от французского владычества. Под влиянием мощного патриотического движения в Пруссии и нарастающего давления со стороны военных кругов прусский король Фридрих Вильгельм III был вынужден объявить Франции войну. В апреле этого же года Шарнхорсту и Гнейзенау удалось убедить долго колебавшегося короля подписать эдикт об организации народного опол-

²⁸ Цит. по: *Снесарев А. Е. Жизнь и труды Клаузевица.* М.: Жуковский; Кучково поле, 2007. С. 117.

чения. В этом историческом документе король объявлял своим подданным, что каждый из них обязан не только не повиноваться никакому распоряжению врага, но и вредить ему всеми доступными средствами (§ 1). Эдикт предписывал, что всякий физически здоровый мужчина, не состоящий в рядах линейных войск и ландвера, обязан вступить в батальон ландштурма (народного ополчения) с тем, чтобы вести непрерывную войну против неприятеля, используя при этом все доступные средства (§ 5). В качестве таковых особенно рекомендовались топоры, вилы, косы и дробовые винтовки (§ 43). Борьба, к которой призывались участники ландштурма, объявлялась в эдикте борьбой оборонительной, в которой все средства хороши. «Чем эффективнее эти средства, тем лучше, — говорилось в эдикте, — поскольку они венчают справедливое дело самым победоносным и быстрейшим образом» (§ 7). Ландштурму предписывалось тревожить неприятеля как при его наступлении, так и при отступлении, нападать на его обозы с боеприпасами и продовольствием, перехватывать его курьеров и рекрутов, захватывать его госпитали, внезапно нападать на него по ночам, всячески его беспокоить и изматывать, иными словами, не давать врагу покоя ни днем ни ночью, уничтожать как отдельных солдат, так и целые отряды, где только это возможно (§ 8). Ландштурму предписывалось также оказывать всяческую помощь регулярным войскам, как в плане вооруженной борьбы с неприятелем, так и в плане перевозки денег, продовольствия и боеприпасов, а также конвоирова-

ния пленных (§ 9–11). Стремление врага восстановить общественный порядок также должно было беспрекословно пресекаться, поскольку установление им такого порядка облегчало бы врагу ведение боевых действий. Сам партизан при этом ставился под защиту прусской монархии, и за его преследование врагу грозили репрессиями и террором, о чем французов должна была оповещать соответствующая статья эдикта, предусмотрительно переведенная на французский язык и расклеенная во всех людных местах (§ 29). Напротив, с теми, кто в партизанской борьбе с неприятелем не проявит должного мужества и отваги, эдикт требовал обращаться как с «рабами» (§ 27)²⁹.

Тем не менее практические результаты королевского эдикта оказались значительно скромнее, чем рассчитывали прусские военные реформаторы и теоретики. Привилегированные слои прусского общества встретили публикацию эдикта достаточно неприязненно, увидев в нем угрозу династическим интересам, с одной стороны, и проповедь анархии и беззакония, с другой. Расчет на массовый энтузиазм и подъем народного духа, на который они возлагали столько надежд, также не оправдался. Простые горожане и крестьяне шли в народное ополчение крайне неохотно, что заставило правительство прибегать к репрессивным мерам и проводить принудительный

²⁹ См.: *Friedrich Wilhelm III, König von Preussen. Verordnung über den Landsturm [1813] // Schickel J. (Hrsg.). Guerilleros, Partisanen: Theorie und Praxis. S. 69–84.*

набор в ополчение³⁰. Единственные, кто шел в ополчение добровольно и с энтузиазмом, были сравнительно небольшие группы городской молодежи и студентов, проникнутые патриотическими идеями, однако их было слишком мало, чтобы сделать народное ополчение массовым явлением. Таким образом, «второго издания» испанской герильи или русской «дубины народной войны» (Л. Н. Толстой) в Пруссии 1813 г. не получилось. Как бы это печально ни звучало, но Шмитт вынужден с горечью признать, что «до немецкой партизанской войны против Наполеона дело не дошло»³¹.

Чем, в таком случае, объясняется столь разительный контраст между теоретической новизной прусского учения о партизане и практическим убожеством прусской действительности, которая так и не смогла дать другим народам Европы примера массовой партизанской войны против иноземных захватчиков? В одной из сво-

³⁰ «Против этого пережитка из «времен Атиллы», против эдикта, — писал отечественный военный теоретик и биограф Клаузевица Александр Снесарев, — поднялись все граждане, независимо от положения и состояния» (*Снесарев А. Е. Жизнь и труды Клаузевица. С. 142*). Объяснение этому он видит в том, что «эдикт был набросан широкими революционными мазками и мог смутить не только консерваторов, увидевших в эдикте проявление якобинизма, угрожавшего даже существованию монархии, но даже и умеренных либералов, боявшихся больших правовых потрясений, нарушения хозяйственной жизни и т. д.» (Там же. С. 142–143).

³¹ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 48.*

их работ Маркс с целью объяснения различного характера социально-политических и культурно-идеологических процессов во Франции и Германии на рубеже XVIII—XIX вв. сформулировал положение, которое можно назвать вслед за Юргеном Хабермасом теоремой «разновременности одновременного»³². Говоря о том, почему во Франции в конце XVIII — начале XIX вв. революционные изменения, направленные на осуществление проекта современности, приняли форму политического переворота и социального переустройства «старого порядка», тогда как в Германии они наиболее последовательно реализовались в культурно-идеологической надстройке тогдашнего немецкого общества в форме великих систем классического немецкого идеализма, Маркс подчеркивал прежде всего то обстоятельство, что по уровню своего политического развития Германия середины 1840-х гг. не дотягивала до уровня Франции 1789 г. Тем не менее, в плоскости теоретического анализа современности, тогдашняя немецкая философия, прежде всего философия абсолютного идеализма Гегеля, при всем убожестве немецкой политической действительности не знала себе равных. «Немецкая философия права и государства — единственная немецкая история, стоящая *al pari* (на уровне. — Т. Д.) современной действительности. [...] Мы — философские современники нынешнего века, не будучи его историческими

³² *Habermas J. Philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985. S. 76.*

современниками»³³. Представляется, что подоб-

³³ *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение [1844] // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 420.* Сама фигура мысли, к которой восходит Марксова теорема разновременности одновременного, имеет более раннее происхождение и заимствована им у классиков немецкого идеализма. Уже у *Ф. Й. Шеллинга* в его «Некрологе» (1804), посвященном *Иммануилу Канту*, по поводу Французской революции и немецкой философии можно встретить утверждение, что «один и тот же издавна сформировавшийся дух явился в зависимости от характера наций и обстоятельств там в реальной, здесь в идеальной революции» (*Шеллинг Ф. Й. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 28*). Иными словами, хотя характер и природу обстоятельств, обусловивших эту «разновременность одновременного», которая для Германии характеризовалась существованием самой передовой философии при отсталых, — по сравнению с Англией и Францией, — социальных порядках, Шеллинг и Маркс понимают по-разному, тем не менее сама фигура мысли, которой они пользуются для объяснения интересующих их явлений, является у обоих мыслителей одинаковой. Так, если переход Французской революции на нисходящую стадию сопровождался, согласно Шеллингу, относительным падением влияния критической философии Канта, то объяснение этому следует искать, как полагает Шеллинг, не в случайном совпадении разноплановых исторических обстоятельств, но «в действительном внутреннем соответствии того и другого, ибо общим свойством обеих является чисто отрицательный характер и неудовлетворяющее решение противоречия между абстракцией и действительностью, оставшегося для одной столь же непреодолимым в умозрении, сколь для другого на практике» (Там же).

ная фигура мысли, с определенными, правда, коррективами, применима и к теории и практике партизанской войны в понимании Шмитта. По уровню политического развития и готовности к борьбе с чужеземными оккупантами партизанскими методами Германия 1813 г., безусловно, находилась не на уровне Испании 1808 г., не говоря уже о Франции 1789 г. Было ли тому причиной то, что «мощный национальный импульс, обнаруживающийся в отдельных мятежах и партизанских отрядах, очень быстро и без остатка перешел в пути регулярной войны»³⁴, как полагает Шмитт, или же то, что «позволить самому народу вести борьбу без повелений короля было совсем не в прусском духе»³⁵, как считал Энгельс в своем крайне примечательном анализе феномена несостоявшегося прусского партизанства, факт остается фактом, — прусскому партизану не суждено было стать историческим современником партизана испанского, тирольского или русского.

Тем не менее, хотя исторически несостоявшийся прусский партизан и не был историческим современником ни бойца-добровольца революционных войск французской Республики, ни испанских и русских партизан, сражавшихся против войск Наполеона, он, безусловно, являлся их философским современником. Действительно, отсутствие соответствующих социальных и куль-

³⁴ *Schmitt C.* Theorie des Partisanen. S. 15–16.

³⁵ Энгельс Ф. Прусские франтиреры [1870] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 210.

турных обстоятельств, которые позволили партизанскому движению развиваться в Испании, Тироле и России, послужили причиной того, что в Германии вообще и в Пруссии в частности передовая для того времени теоретическая концептуализация феномена партизанской войны и фигуры партизана не привела к развертыванию серьезного партизанского движения в период освободительной войны против французов 1813–1815 гг. Однако теоретическое значение немецкого прецедента было огромным. В прусском эдикте о ландштурме 1813 г. фигура партизана впервые обрела свою философскую легитимацию. Благодаря этому на политическую и военную авансцену Европы вышло новое действующее лицо, точнее, «новая фигура мирового духа». Как подчеркивает Шмитт, именно в Пруссии, и прежде всего в апрельском эдикте о ландштурме 1813 г. «партизан впервые выступил в новой, решающей роли, как новая, прежде не признававшаяся фигура мирового духа. [...] Здесь он стал [...] философски аккредитованным и получил доступ ко двору»³⁶.

Прежде европейская военная история не знала ничего подобного. Феномен иррегулярного бойца в войнах XVII–XVIII вв. — это феномен пандура³⁷, гусара или рейнджера, выступающего в роли вспомогательного бойца так называемой «ма-

³⁶ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 51.*

³⁷ Пандуры — пешее иррегулярное войско в Венгрии в 1701–1764 гг., вооруженное и экипированное по образцу турецких войск. Впервые было сформулировано в городке Пандуры, откуда и происходит название этого войска.

лой войны» или ведущего разведку. Он получил развитие по преимуществу на периферии европейского мира — на Балканах, в Шотландии или в Северной Америке, т. е. на таких театрах военных действий, которые не годились для применения линейной тактики, принятой в европейских армиях в XVII—XVIII вв. и предполагавшей противоборство больших регулярных армий в открытых полевых сражениях. Там, где классические принципы ведения сухопутной войны не могли получить развития или вследствие непригодности для этого театра ведения боевых действий, или вследствие отсутствия регулярного противника, распространение получала так называемая «малая война» (*kleine Krieg*), предполагавшая ведение иррегулярных, или полупартизанских, военных действий. Она велась, как правило, в пограничных районах враждующих государств. Поэтому первопроходцами на пути создания легких и подвижных воинских формирований иррегулярного типа стали страны, располагавшиеся на границе с Османской империей — империя Габсбургов и Речь Посполита. То же самое относится и к негласным разделительным линиям, отграничивавшим поселения британских колонистов в Северной Америке и земли, населенные индейцами — коренными жителями Северной Америки, равно как и к границе между низинными и мятежными горными шотландцами (*Highlanders*) в Британии. Приемы ведения боя, практиковавшиеся в ходе «малой войны», существенно отличались от линейной тактики, применявшейся регулярными европейскими войсками.

Для «малой войны» не годилась тактика огневого боя в сомкнутом строю и атак батальонными колоннами; вместо нее требовались войска, способные сражаться отдельными отрядами или в рассыпном строю как застрельщики или охотники. Первопроходцами на этом пути стали австрийцы, которые стали набирать для ведения «малой войны» на Балканах и в Венгрии хорватских и венгерских бойцов, служивших местным князьям, находившимся в вассальной зависимости от Габсбургов. Особую известность среди этих иррегулярных вспомогательных войск получили хорватские пандуры, которые представляли собой непревзойденные отряды легкой пехоты. Последние не только использовались в пограничных стычках на границе с Османской империей, но и принимали участие по крайней мере в двух войнах, которые велись регулярными европейскими армиями — в войне за Австрийское наследство (1740–1748) и в Семилетней войне (1756–1763). Чувствительный урон, которые эти полувоенные бойцы с балканского пограничья империи Габсбургов нанесли в ряде стычек противостоящим им отборным прусским войскам, заставили прусского короля Фридриха II озаботиться созданием аналогичных подразделений в своей армии, несмотря на его достаточно скептическое отношение к «малой войне» как таковой. Как и на пограничье Османской империи и империи Габсбургов, сходные формы «малая война» принимала в Шотландии, где для охраны местности англичане вербовали себе на службу отряды шотландских горцев, и в Северной Америке, где англичане для

выполнения аналогичных задач пользовались услугами рейнджеров и ополченцев из числа местных колонистов. Последние, в частности, сыграли важную роль как в так называемых «индейских войнах», в частности в войне 1622–1634 гг., начавшейся с убийства индейцами 347 белых колонистов и затянувшейся на 12 лет, в Пекотской войне (1636–1637), в войне «короля Филиппа» (1675–1676), в войне с индейцами племени тускарора (1711–1712) и в целом ряде других, менее масштабных операций и столкновений. Кроме того, добровольцы из числа местных белых колонистов принимали активное участие в так называемой Войне с французами и индейцами, которая началась в 1754 г. в Северной Америке между англичанами и французами, а также их союзниками из числа индейских племен и стала прологом к войне 1756–1763 гг. между Англией и Францией³⁸. Тем не менее в европейской военной мысли вплоть до эпохи революционных и наполеоновских войн «малой войне» отводилась сугубо вспомогательная по отношению к действиям регулярных вооруженных сил роль, а функции выделяемых для ее ведения регулярных или иррегулярных вспомогательных частей ограничивались обычно нарушением коммуни-

³⁸ В свою очередь, боевые действия между англичанами и французами в Северной Америке представляли собой один из эпизодов Семилетней войны (1756–1763), главным военным театром которой была Европа, хотя боевые действия велись противниками и на других континентах, в частности, в Индии.

каций противника и сбором разведывательных данных, которые должны были облегчить ведение боевых действий главным силам³⁹. Таким образом, в условиях «оберегаемой» междинастической и межгосударственной войны XVIII в., напомилавшей дуэль между благородными соперниками, партизан мог выступать исключительно в роли бойца легкого подвижного отряда, ведущего «малую» войну на периферии театра военных действий. Только пришествие эпохи революционных и наполеоновских войн, ведущихся массовыми армиями нового типа, позволило ему радикально изменить свою природу и стать фигурой всемирно-исторического значения. «Пока партизан был всего лишь «легким отрядом», тактически особо мобильным гусаром или стрелком, — пишет Шмитт, — его теория была делом военно-научной специальности. Только революционная война превратила его в ключевую фигуру мировой истории»⁴⁰. Именно этот момент выхода фигуры партизана на мировую авансцену и был зафиксирован прусскими военными теоретиками, благодаря которым в идеях и планах реформы прусской армии 1808–1813 гг. партизан получил философскую легитимацию, а в прусском

³⁹ По поводу «малой войны» в Новое время см. следующую работу, на выводы которой я в первую очередь опираюсь при описании данного феномена: *Йоргенсен К., Павлович М., Райс Р., Скотт К., Шнайд Ф.* Войны и сражения Нового времени 1500–1763 гг. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2006. С. 53–56.

⁴⁰ *Schmitt C.* Theorie des Partisanen. S. 80.

эдикте о ландштурме от 13 апреля 1813 г. — исторический аккредитив.

IV

Фигура партизана в изображении Шмитта отмечена ярко выраженной печатью парадоксальности. С одной стороны, партизан для Шмитта — это фигура принципиально современная, обязанная своим появлением Французской революции и эпохе революционных и наполеоновских войн. Партизан представлялся ему аутентичным носителем политического в эпоху заката европейского национального государства. Когда партизан сталкивается с ситуацией, в которой его собственное государство повержено иностранным государством, он оказывается единственным, кто в состоянии провести принципиальное различие между действительными друзьями и действительными врагами. Согласно Шмитту, появление на мировой авансцене фигуры партизана было одним из элементов распада *jus publicum europaeum*. Безусловно, партизан не был участником конвенциональной войны, регулируемой европейским военным правом; одной из определяющих особенностей партизана является то, что он не носит униформы и не может быть однозначно причислен ни к военным, ни к гражданским лицам. По словам Шмитта, «в классическом военном праве прежнего европейского международного права партизану в современном смысле места нет»⁴¹. Невозможность

⁴¹ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 17.*

помещения фигуры партизана в систему координат классического военного права связана с тем, что он «отвратился от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в сферу иной, настоящей вражды, которая возрастает на пути террора и ответного террора вплоть до истребления»⁴². С другой стороны, будучи явлением современной эпохи, партизан в глазах Шмитта является фигурой, связь которой с традицией не подлежит сомнению; он выступает в роли защитника традиционного образа жизни и родной земли от чужеземных захватчиков. Таким образом, партизан с самого начала был парадоксальной фигурой, — он был защитником традиционных порядков, который мог появиться только в современных условиях. Несмотря на то что он пытался обратить вспять ход истории в своей части света, его действия способствовали распаду *jus publicum europaeum*⁴³.

Эпоха Нового времени была связана с формированием европейского военного права, как неотъемлемой составной части европейского международного права (*jus publicum europaeum*) и такой системы признанных противоборствующими сторонами и обязательных для соблюдения ими правил ведения войны, которая имела своей целью «оберегание» войны (*Hegung des*

⁴² *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 17.*

⁴³ На это, в частности, справедливо обращает наше внимание Жан-Вернер Мюллер. См.: *Müller J.-W. A Dangerous Mind: Carl Schmitt in Post-War European Thought. New Haven — L.: Yale University Press, 2003. P. 148.*

Krieges) от неприемлемых крайностей, которые могли бы поставить под вопрос весь новый поствестфальский миропорядок, сложившийся в Европе после окончания Тридцатилетней войны (1618–1648). Начиная с XVI–XVII вв. суверенные европейские государства выработали целый кодекс правил ведения войны, который, подвергшись определенной эрозии в период Французской революции и наполеоновской Империи, был восстановлен на Венском конгрессе держав-победительниц в 1815 г. и просуществовал вплоть до Первой мировой войны.

Прежде всего, европейское военное право определяло правила войны на суше. Считалось, что война на суше ведется регулярными армиями суверенных государств, а не народами или какими-либо иными субъектами политического. Иными словами, подобное представление о войне подразумевает, что она ведется именно суверенными государствами, или Левиафанами, этими, как их называл Гоббс, «смертными богами», а точнее, сформированными, экипированными и направляемыми этими «смертными богами» регулярными вооруженными силами, которые открыто противостоят друг другу на полях сражений. «Война ведется между государствами как война регулярных, государственных армий, между суверенными носителями *jus belli* (права объявления и ведения войны. — Т. Д.), которые и в войне уважают друг друга как противников и не подвергают друг друга дискриминации как преступников, так что заключение мира возможно и даже остается нормальным, само собой разумеющимся

окончанием войны»⁴⁴. Таким образом, в плане войны на суше европейское военное право предполагает, что в качестве противников друг другу противостоят именно регулярные войска, которые отличаются от мирного гражданского населения особой формой и экипировкой. Само гражданское население не считается противником до тех пор, пока оно не принимает участия в войне, в частности в качестве участников партизанских или каких-то иных полувоенных формирований. Кроме того, в юридическом плане личная собственность гражданского населения противоборствующих сторон также не являлась законной военной добычей. Таким образом, одной из главных целей правил ведения конвенциональной, или «оберегаемой», войны на суше было как можно более четкое отделение гражданского населения от военнослужащих воюющих сторон с целью минимизации насилия против гражданских лиц.

Не менее важной отличительной чертой европейского военного права было понимание войны на суше и войны на море как на двух совершенно различных театрах войны, ведение боевых действий на которых регулируется противоположными правовыми нормами. В отличие от войны на суше война на море предполагала уничтожение хозяйства и торговли противника. Поэтому в ней личная собственность граждан и даже нейтральных государств являлась законной добычей по морскому праву блокад и трофеев. По словам

⁴⁴ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 16.*

Шмитта, «врагом в такой войне является не только воюющий противник, но всякий подданный враждебного государства и даже нейтральная страна, ведущая с противником торговлю и состоящая с ним в хозяйственных сношениях. Война на суше имеет тенденцию к решающему открытому полевому сражению. Естественно, в войне на море дело также может дойти до морского сражения, однако ее типичными средствами и методами являются обстрел и блокада неприятельских берегов и захват неприятельских и нейтральных торговых судов согласно призовому праву. По самому своему существу эти типичные средства ведения войны на море направлены как против военных противника, так и против мирного населения, непосредственно не участвующего в борьбе»⁴⁵. Таким образом, в рамках классического военного права земля и море противостоят друг другу как два противоположных мира с совершенно различными концепциями войны, врага и военных трофеев⁴⁶.

Наконец, важной чертой христианско-европейского международного порядка является то, что ни сам он, ни связанные с ним принципы ведения конвенциональной, или оберегае-

⁴⁵ *Schmitt C. Land und Meer* [1942]. 4. Aufl. Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. S. 88.

⁴⁶ См., в частности, об этом: *Schmitt C. Der Nomos der Erde*. Berlin: Duncker & Humblot, 1950. S. 143, 286; *Idem. Der neue Nomos der Erde* [1955] // *Schmitt C. Staat, Grossraum, Nomos*. Berlin: Duncker & Humblot, 1995. S. 518–522. Ср.: *Schmitt C. Theorie des Partisanen*. S. 26–27, 34.

мой войны не распространялись на нехристианские и неевропейские народы, которые на заре Нового времени, т. е. в XV—XVI вв. рассматривались как объект для христианизации или даже просто для уничтожения, а начиная с XVIII—XIX вв. — как нецивилизованный объект для выполнения цивилизаторской миссии Запада. По словам Шмитта, «из подобных оправданий возникло христианско-европейское международное право, т. е. противостоящее всему остальному миру сообщество христианских народов Европы. Они образовали «сообщество наций», некий межгосударственный порядок. Их международное право было основано на различении христианских и нехристианских или, спустя столетие, цивилизованных (в христианско-европейском смысле) и нецивилизованных народов. Народ, который считался нецивилизованным в указанном выше смысле, не мог быть членом этого международно-правового сообщества; он был не субъектом, но исключительно объектом этого международного права, иными словами, он принадлежал — на правах колонии или колониального протектората — к владениям одного из цивилизованных народов»⁴⁷.

Оборотной стороной восторжествовавшей в Новое время тенденции к утверждению конвенционального характера войн между суверенными европейскими державами, оберегаемого нормами классического военного права, становится

⁴⁷ *Schmitt C. Land und Meer [1942]. S. 72–73.*

тенденция к предельной криминализации тех участников боевых действий, чьи действия не укладываются в нормы этого права. В европейском военном праве Нового времени эта тенденция находит наиболее отчетливое выражение в противопоставлении «публичного» и «частного» врага. Так, известный теоретик права XVIII в. Эмерих де Ваттель писал в работе «Право народов»: «Враг — это тот, против кого ведут открытую войну. Римляне имели особое слово *hostis* для обозначения *публичного* врага, и они отличали его от *частного* врага (*inimicus*). Наш язык обладает только одним термином для двух этих типов людей, которых тем не менее следует отличать друг от друга. *Частный* враг — это тот, кто желает нам наихудшего и получает от этого удовольствие; *публичный* враг — это тот, кто бросает нам вызов и отстаивает свои права, реальные или мнимые, при помощи оружия. Первый всегда виновен; он лелеет в своем сердце ненависть и злобу. *Публичному* же врагу нет никакой необходимости ни руководствоваться чувством ненависти, ни желать нам зла; единственное, чего он добивается, — так это уважения своих прав»⁴⁸. Иными словами, европейское военное право стремилось вытеснить партизана как *частного* врага на периферию конвенциональной, или «оберегаемой», войны и поставить его вне защиты и оберегания своими нормами. «Чем с большим уважением, — пишет Шмитт по поводу от-

⁴⁸ Vattel E. de. Droits des gens. Paris: Guillaumin et C. Librairies, 1863. Lib. III, V, § 69.

ношения к партизану европейского военного права, — относятся как к врагу к регулярному, одетому в форму противнику и не путают его с преступником даже в самой кровавой борьбе, тем беспощаднее обходятся как с преступником с иррегулярным бойцом. Все это само собой следует из логики классического европейского военного права, которое различает военных и гражданских лиц, комбатантов и некомбатантов и которое мобилизует редкую моральную силу — не объявлять преступником врага как такового»⁴⁹.

В свою очередь, европейское военное право было тесно связано с существованием Вестфальской системы международных отношений между суверенными государствами, предполагающей верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость на международной арене. Эта система, сформировавшаяся по итогам Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., четко определяла те правила, по которым должны были осуществляться взаимоотношения между суверенными государствами, причем не только в вопросах мира, но и в вопросах войны. В частности, одной из ее характерных черт было то, что с момента заключения Вестфальского мира (1648) европейский мир был признан состоящим из суверенных государств, не признающих над собой какой-либо верховной власти или арбитра. Подобные суверенные государства пользовались полным суверенитетом как внутри страны, так и на мировой арене.

⁴⁹ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 39.*

К концу XVII в. Европа превращается в сообщество государств, основанное на принципах суверенитета и территориальной замкнутости и целостности. В отношениях между этими суверенными и замкнутыми политическими единицами господствуют принципы территориальной независимости, формального равенства государств в международно-правовом отношении вне зависимости от их реального военно-политического веса, невмешательства во внутренние дела друг друга, а также межгосударственного согласия на основе обоюдно признанных международных правовых обязательств. Главная особенность этого Вестфальского миропорядка, или, как именовал его Шмитт, «номоса» Земли, состояла в том, что над суверенными и территориально замкнутыми европейскими государствами не признавалось никакой верховной власти, которая могла бы выступить в качестве арбитра в случае возникновения между ними конфликтов и противоречий по тем или иным вопросам межгосударственного существования. Отсюда следовало, что суверенные государства имеют полное право улаживать возникающие между ними конфликты самостоятельно, в том числе и с применением силы. В мирное время поддержание межгосударственных отношений между суверенными государственными единицами осуществлялось при помощи дипломатии, которая в своей приближенной к современной форме рождается в ходе Итальянских войн XV—XVI вв. в ряде итальянских городов-коммун. В отношениях между государствами довлеет принцип государственного ин-

тереса (*raison d'état*), в соответствии с которым защита интересов государства является высшим долгом как для правителей, так и для подданных.

Вестфальская модель международного права и международных отношений носила ярко выраженный европоцентристский характер. По мнению Шмитта, представленному в ряде работ конца 1930-х — начала 1940-х гг., открытие Нового Света и последовавший за ним колониальных захват открытых земель ведущими европейскими державами, начало которому было положено эпохой великих географических открытий, дали решающий импульс формированию современной международно-правовой системы. Начиная с этого момента сравнительно небольшое число суверенных европейских государств, каждое из которых в той или иной степени проводило политику колониальных захватов и территориальных приобретений, сформировали европейское «сообщество государств». Международное право, которое оформилось в XVII–XVIII вв., было призвано формализовать и упорядочить отношения между ними как в дни войны, так и в дни мира.

Особенностью Вестфальской системы международного права и международных отношений было то, что ожесточенное соперничество, которое разворачивалось между европейцами на морях и океанах, не распространялось на сам европейский континент. Отсюда проведение своего рода «линий согласия», в частности по меридианам, символически обозначавших сферы влияния и экспансии отдельных европейских держав, а также установление разных правовых режимов

«по ту» и «по эту» сторону подобных символических границ. Одним из наиболее важных различий подобного рода, лежащих в основе европейского военного права, было различие правил ведения войны на море и на суше, о котором уже шла речь выше. Кроме того, открытие европейцами Нового Света, а также последовавшая за ним европейская экспансия на американский континент, повлекло за собой осознание «цивилизационного родства» всех европейских колонистов без различия вероисповедания и национальности. Именно это отношение «цивилизационного родства» и воплотилось в *Jus Publicum Europaeum*. Иными словами, условием формирования замкнутого, сухопутного христианского порядка в Европе было открытие не имеющего определенных границ морского пространства, на котором не действовали или действовали с большими коррективами юридические нормы, принятые на европейском континенте⁵⁰.

Разделение на землю и море, на Старый и Новый Свет является отличительной чертой «номоса» Земли, возникшего в Новое время после открытия европейскими народами Великих океанов и Америки и ее колонизации. Поскольку европейские народы были главными субъектами этого процесса открытия и колонизации новых земель, то новый мировой порядок приобрел яр-

⁵⁰ По поводу анализа Шмиттом европоцентристского «номоса» Земли см., в частности: *Kervégan J.-F. Carl Schmitt and the 'World Unity' // Mouffe C. (Ed.). The Challenge of Carl Schmitt. L.-N. Y.: Verso, 1999. P. 54–74.*

ко выраженные европоцентристские черты. Своеобразие «номоса» Земли, возникшего в Новое время, заключалось прежде всего в его европоцентристской структуре, а также в том, что в отличие от прежней, религиозно-метафизической картины мира, он включал в себя еще и океаны. По словам Шмитта, «он охватывал всю планету, делая различие между землей и морем. Суша была разделена на территории национальных государств, на колонии, протектораты и сферы интересов. Зато море было свободным. Оно должно было оставаться открытым, без пограничных делений для всех государств. [...] Решающим было то, что свобода военных операций вытекала из свободы морей. Англия постепенно победила на море всех своих европейских союзников: Испанию, Голландию, Францию и Германию»⁵¹.

Европоцентристский «номос» Земли держался на двойном равновесии. Прежде всего Шмитт говорит о равновесии между землей и морем. На море господствовала одна европейская держава — Англия; она не допускала никакой конкуренции со стороны других морских держав, которые могли бы бросить вызов ее единоличному господству на море. На европейском континенте господствовало другое равновесие, которое, в свою очередь, не допускало никакой гегемонии какой-либо одной континентальной державы — Франции, Австрии, Пруссии и России. Его гарантом также была Англия. Иными словами,

⁵¹ *Schmitt C. Der Neue Nomos der Erde [1955]. S. 520.*

равновесие между землей и морем составляло основу другого, более частного равновесия — равновесия собственно суши. Таким образом, существование Англии в качестве единственной морской державы-гегемона было принципиально важным моментом европоцентристского «номоса» Земли, поскольку она выступала гарантом равновесия как на морских просторах, так и на самом европейском континенте.

Этот европоцентристский «номос» Земли был разрушен в ходе Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. в России. В этом пункте Шмитт ближе всего подходит к прояснению вопроса о том, почему его «Теория партизана» носит подзаголовок «промежуточное замечание по поводу понятия политического». Шмитт считал, что начиная с октября 1917 г. мир оказывается в состоянии «всемирной гражданской войны», которая идет между Западом и Востоком, миром социализма и миром капитализма, между Советским Союзом и его союзниками и ведущими капиталистическими странами Западной Европы, а затем и США⁵².

⁵² Как отмечает Джорджио Агамбен, термин «всемирная гражданская война» для обозначения специфики политической истории «краткого XX в.» (Э. Хобсбаум) появился практически одновременно в 1963 г. в книге Ханны Арендт «О революции» и в работе Карла Шмитта «Теория партизана». При этом крайне примечательно то, что Агамбен соотносит понятие «всемирной гражданской войны» в поздних работах Шмитта с его же концепцией «чрезвычайного положения», игравшей определяющую роль в работах Шмитта

V

Будучи легитимирован в теоретическом отношении в прусской военно-теоретической мысли начала XIX в., партизан тем не менее оставался для Клаузевица вспомогательной фигурой в борьбе суверенного государства против чужеземных противников. Соответственно, и партизанская война рассматривалась Клаузевицем не как самостоятельная форма ведения боевых действий, но как *ultima ratio* в руках легитимного монарха, потерпевшего сокрушительное поражение в открытом бою с регулярным противником. Тем не менее союз философии и партизана, кото-

1920-х гг. Так, в частности, Агамбен пишет: «Перед лицом непрекращающейся интенсификации того, что было названо «всемирной гражданской войной», чрезвычайное положение во все возрастающей степени имеет тенденцию становиться в современной политике господствующей парадигмой правления. Превращение временного и чрезвычайного средства в технику правления грозит радикальным изменением [...] структуры и значения традиционного различия между формами правления. Безусловно, в рамках этой перспективы чрезвычайное положение представляет собой своего рода порог неопределенности, отделяющий демократию от абсолютизма» (*Agamben J. The State of Exception [2003]. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 2–3*). Правда, следует отметить, что Шмитт стал использовать понятие «всемирной гражданской войны» значительно раньше, еще в работах 1930-х гг. См., к примеру: *Schmitt C. Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff. Berlin: Duncker & Humblot, 1938. S. 43.*

рому было положено начало трудами Клаузевица, нашел себе радикальное и довольно неожиданное продолжение в практике такого профессионального революционера, как Ленин. Ленин превратил партизана в профессионального революционера, для которого классовый враг стал абсолютным врагом. По мнению Шмитта, это слияние партизана и абсолютной враждебности знаменовало собой еще один шаг по пути разрушения европоцентристского мира, который был восстановлен на Венском конгрессе 1814–1815 гг. «Ленин, — писал Шмитт, — перенес понятийный центр тяжести с войны на политику, т. е. на различие друга и врага. Это было исполнено смысла и после Клаузевица являлось последовательным продолжением мысли о войне как продолжении политики. Правда, Ленин как профессиональный революционер, охваченный идеей всемирной гражданской войны, пошел дальше и сделал из действительного врага абсолютного врага. Клаузевиц говорил об абсолютной войне, но пока еще предполагал как условие регулярность наличной государственности. Он вообще еще не мог представить себе государство как инструмент партии и партию, которая повелевает государством. С абсолютизированием партии и партизан стал абсолютным и возвысился до уровня носителя абсолютной вражды»⁵³.

Величие Ленина как политического теоретика и профессионального революционера для Шмитта заключается в том, что Ленин был единствен-

⁵³ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 94.*

ным, кто понял, что основную политическую реальность XX в. составляет всемирная гражданская война. В этой войне, которую пролетариат и его союзники из мелкобуржуазных слоев ведут против своего классового врага, буржуазии, последняя из действительного врага превращается в абсолютного врага, подлежащего уничтожению. Подобная основополагающая реальность неизбежно влечет за собой коренное преобразование всех понятий, концепций и теорий, с помощью которых было принято прежде осмыслять политическое. Поэтому Шмитт попытался разработать категории, которые могли бы соответствовать новой политической ситуации, вызванной к жизни всемирной гражданской войной. Именно этой задаче посвящена его знаменитая работа «Понятие политического». В ней Шмитт задается вопросом о том, каков мог бы быть критерий политического отношения в этой совершенно новой политической ситуации, когда в условиях всемирной гражданской войны европейское суверенное государство перестает быть главным субъектом и последней инстанцией политического. Если в условиях «долгого XIX в.» (1814–1914), начавшегося с восстановления европоцентристского мира на Венском конгрессе и закончившегося с началом Первой мировой войны, в ходе которой этот мир потерпел свой окончательный крах, политическое было подчинено государству, которое само в качестве высшей инстанции определяло, что является политическим, а что нет, то теперь, в условиях «короткого XX в.» (1917–1991) и всемирной гражданской войны, первичной стала политика,

а не государство. В этой новой политической реальности фигура революционного партизана как аутентичного субъекта политического в условиях всемирной гражданской войны приобретает принципиальное значение.

Здесь самое время попытаться дать ответ на вопрос, почему Шмитт дал своей работе «Теория партизана» подзаголовок «Промежуточное замечание о понятии политического». В условиях всемирной гражданской войны Шмитт пришел к выводу о том, что само понятие политического претерпевает радикальную трансформацию. Критерием политического в этой ситуации становится отношение «друг — враг», которую Шмитт характеризует как высшую степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей на борющиеся группы. По словам Шмитта, «различение друга и врага в эпоху революции является первичным и первенствующим и определяет как войну, так и политику. Для Ленина только революционная война является подлинной войной, поскольку она происходит из абсолютной вражды. Все остальное — условная игра»⁵⁴. Таким образом, концепция политического, предложенная Шмиттом в качестве диагноза политической реальности XX в., по праву может считаться, как справедливо отметил еще Эрнст Никиш, «буржуазным ответом на марксистскую теорию классовой борьбы»⁵⁵.

⁵⁴ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 55–56.*

⁵⁵ *Widerstand. 1934. Hf. 12. S. 369–375. Цит. по: Balakrishnan G. The Enemy: An Intellectual Portrait of Carl Schmitt. L.: Verso, 2000. P. 111.*

Своим критерием политического по линии различения друга и врага Шмитт пытался найти определенный противовес революционной теории классового врага как абсолютного врага, которую он приписывает Ленину. Для Шмитта политический враг — это тот, кто в этом своем качестве заслуживает признания и уважения, а вовсе не уничтожения. Несмотря на то что некоторые моменты работы «Понятия политического» дали повод к недоразумениям, будто бы Шмитт считал врагом того, кого необходимо уничтожить, он всегда выступал против какой-либо «криминализации» врага. Более того, Шмитт считал, что политического врага не положено ненавидеть. Напротив, его надо признавать и обходиться с ним соответствующим образом. Этим понятие врага у Шмитта отличается от понятия «врага» в современных идеологиях, где под «врагом» понимается «враг человечества» или «враг трудового народа», подлежащий уничтожению. В этом вопросе подход Шмитта был прямо противоположен подходу Ленина. Для Ленина враг подлежал уничтожению, поскольку он был классовым врагом, и в этом смысле — врагом всего человечества⁵⁶.

Ленин как политический теоретик и профессиональный революционер сформировался в про-

⁵⁶ На этом особо настаивает немецкий консервативный политический теоретик Гюнтер Рормозер в своей интерпретации концепции политического К. Шмитта. См., в частности: *Rohrmoser G. Christliche Dekadenz in unserer Zeit*. Bietigheim: Gesellschaft für Kulturwissenschaft, 1996. S. 202–204.

цессе ожесточенной полемики с представителями реформистского крыла западноевропейской и российской социал-демократии. Предметом этих споров, пик которых пришелся на первое десятилетие XX в., был вопрос о характере современной эпохи и роли марксизма как революционной теории в политической борьбе рабочего класса. «Реформистское» крыло европейской социал-демократии, главным идеологом которого был Э. Бернштейн, придерживалось той точки зрения, что развитие капиталистической системы в XX в. будет характеризоваться не обострением, но смягчением социальных противоречий. Исходя из подобного видения будущего, представители реформистского крыла социал-демократии полагали, что в будущем веке человечеству не придется сталкиваться со столь же серьезными экономическими кризисами, войнами и классовыми схватками, как в XIX в. Расширение избирательного права на малоимущие слои общества в сочетании с развитием институтов представительной демократии должно было способствовать завоеванию социалистическим и рабочим движением парламентского большинства в развитых европейских странах, что, в свою очередь, послужило бы первым шагом для проведения в жизнь масштабной программы социальных преобразований, направленных на создание социалистического общества. В соответствии со своим оптимистическим видением процесса социального развития идеологи реформизма полагали, что появление нового мира, в котором не будет места насилию и эксплуатации, будет результатом по-

степенного количественного улучшения уже существующих общественных отношений.

Противоположная точка зрения на основные тенденции социального развития в XX в. была представлена идеологами революционной социал-демократии, главными теоретиками которой были В. И. Ленин и Роза Люксембург. Они полагали, что переход капиталистической системы в начале XX в. в империалистическую фазу, связанный с заменой свободной конкуренции монополией, будет сопровождаться не смягчением, но обострением социальных противоречий. Они считали, что с постепенным устранением из хозяйственной жизни свободной конкуренции капиталистический строй будет чем дальше, тем больше превращаться в оковы для развития общества. Господство финансовой олигархии будет вести не к расширению гражданских прав и свобод, но, напротив, к отказу от демократических методов управления и урезанию прав представительных органов власти. Тенденция к установлению прямой буржуазной диктатуры и вооруженному подавлению выступлений рабочего класса станет в эпоху империализма еще более явно выраженной. Наконец, завершение территориального раздела мира ведущими империалистическими державами для теоретиков революционного крыла европейской социал-демократии означало, что разрушительные войны за новый передел мира станут неотъемлемым моментом политической реальности XX в. Иными словами, наступающая эпоха, эпоха империализма представлялась Ленину не эпохой мирного, эволюционного пути к социа-

лизму, но эпохой войн и революций, острых экономических кризисов и кровопролитного гражданского противостояния, революций и контрреволюций. Именно этот реалистичный диагноз характера наступающей эпохи как эпохи перехода западного капитализма в свою высшую и последнюю, как полагал Ленин, империалистическую стадию, связанную с наступлением эпохи войн и революций, и позволил ему отчетливо постичь значение партизанской борьбы для осуществления мировой пролетарской революции. «Ленин был тем, — писал Шмитт, — кто осознал неизбежность насилия и кровавых революционных гражданских войн и войн государств, и потому одобрил и партизанскую войну как необходимую составную часть общего революционного процесса. Ленин оказался первым, кто вполне осознанно постиг партизана как важную фигуру национальной и международной гражданской войны и попытался превратить его в действенный инструмент центрального коммунистического партийного руководства»⁵⁷.

В ситуации всемирной гражданской войны, инспирированной революционной классовой враждой, не остается места традиционной войне государств европейского международного права. Подобная «оберегаемая», подчиненная определенным общепризнанным правилам война классического европейского типа становится невозможной в XX в. вследствие радикальной трансформации самого понятия политического.

⁵⁷ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 53–54.*

Почему войны в XVIII–XIX вв. велись с соблюдением определенных «правил игры»? — спрашивает Шмитт. Потому, что их вели правильно конституированные и организованные субъекты политического, каковыми в Новое время являлись суверенные европейские государства. Почему в XX в. на смену «оберегаемой» конвенциональной войне пришли «тотальные» войны на уничтожение? Потому что в современную эпоху суверенное государство перестало быть главным субъектом и последней инстанцией политического. В ситуации абсолютизации враждебности и криминализации врага война уже ведется на его уничтожение как «врага человечества» или «врага трудового народа». Как подчеркивает Шмитт, «классическое, зафиксированное в XVIII–XIX вв. понятие политического было основано на *государстве* европейского международного права и сделало войну классического международного права оберегаемой в международно-правовом смысле, чистой межгосударственной войной. С XX в. эта война государств с ее обереганиями устраняется и заменяется революционной войной партий»⁵⁸.

Фигура Ленина в развертывании Шмиттом теории современного партизана занимает центральное место, поскольку, по его мнению, именно ленинская теория войны спустя сто лет после появления классического учения о войне Клаузевица произвела полный переворот в традиционных европейских представлениях о конвенцио-

⁵⁸ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 53.*

нальной и оберегаемой войне. Своим призывом превратить империалистическую войну в войну гражданскую Ленин сделал возможным переход к принципиально новому этапу в развитии теории и практики партизана. По словам Шмитта, «когда сто лет спустя (после создания Клаузевицем его гениальной теории. — Т. Д.) теория войны такого профессионального революционера, как Ленин, слепо разрушила все унаследованные оберегания войны, война стала абсолютной войной, а партизан стал носителем абсолютной вражды против абсолютного врага»⁵⁹. С ленинской теорией всемирной гражданской войны Шмитт связывает также характерную для партизана в XX в. предрасположенность к идеологической манипуляции со стороны так называемой «заинтересованной третьей силы», вне зависимости от того, вдохновляется ли она грезами «мировой революции» или же идеалами «национально-освободительной борьбы». «Автохтонные защитники родной почвы, [...] национальные и патриотические герои, уходившие в лес, все, что было реакцией стихийной, теллурической силы против чужого вторжения, — пишет Шмитт, — между тем попало под интернациональное и наднациональное центральное управление, которое помогает и поддерживают, но только в интересах совершенно иного рода всемирно-агрессивных целей, и которое, сообразно обстоятельствам, защищает или бросает на произвол судьбы. Тогда партизан утрачивает свой существенно оборони-

⁵⁹ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 91.*

тельный характер. Он становится манипулируемым орудием всемирно-революционной агрессивности. Он просто приносится в жертву и обманом лишается всего, за что он поднимался на борьбу и в чем был укоренен теллурический характер, легитимность его партизанской иррегулярности»⁶⁰.

Ленинское понимание партизана как важного средства коммунистической борьбы, которое требует твердого руководства со стороны партии, было усвоено Сталиным, который в своем отношении к партизану был верным учеником Ленина. Он еще больше усилил сочетание оборонительного характера партизана с принципом абсолютной вражды, продиктованной интернационалистической коммунистической идеологией, в годы Великой Отечественной войны, когда руководимые Коммунистической партией и органами НКВД советские партизаны сыграли важную роль в борьбе с немецкими оккупантами и местными коллаборационистами. Не случайно, что в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. Сталин, назвав войну с немецко-фашистскими захватчиками «всенародной отечественной войной», призвал советских людей к развертыванию партизанского движения в тылу врага. «Войну с фашистской Германией, — сказал Сталин, — нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских захватчи-

⁶⁰ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 77.*

ков»⁶¹. По словам Шмитта, «Сталину удалось связать мощный потенциал национального и отечественного сопротивления — а именно, по существу своему оборонительную, теллурическую силу патриотической самозащиты от иноземного завоевателя — с агрессивностью интернациональной коммунистической мировой революции. Соединение двух этих гетерогенных величин господствует в сегодняшней партизанской борьбе на всей планете»⁶². Однако, как полагает Шмитт, только вождю китайских коммунистов Мао Цзэдуну удалось полностью реализовать сочетание этих гетерогенных политических величин благодаря тому, что он последовательно ориентировался на теллурический характер партизана, набирая своих бойцов из китайских крестьян, и смог соединить национально-освободительную борьбу с японскими захватчиками с социальной революцией, что позволило победить ему своего внутреннего врага — Гоминьдан во главе с Чан Кайши — и создать в 1949 г. в Китае коммунистическое государство.

VI

Слияние фигуры партизана с фигурой профессионального революционера, мотивированного революционно-эмансипационной идеологией, наряду с коренным изменением пространства войны и изобретением новых технических

⁶¹ «Правда», 3 июля 1941 г.

⁶² *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 59.*

средств ее ведения, ставит в радикально новом свете вопрос о легитимности партизана. Согласно Шмитту, превращение партизана в центральную фигуру современной войны является следствием разрушения *jus publicum europaeum* и его гумано-рациональных понятий о войне. Это приводит к утрате партизаном его традиционной и, по мнению Шмитта, единственно оправданной легитимности в качестве защитника родной земли, алтаря и очага. Несмотря на то что партизан стоит вне европейского военного права, его действия подчиняются определенным ограничениям, которые не дают партизанской войне превратиться в абсолютную войну на уничтожение. Среди этих ограничений на первом месте стоит теллурический характер партизана: он превращает его враждебность в средство обороны. Когда современный партизан впервые появляется на европейской сцене в эпоху революционных и наполеоновских войн, он выполняет исключительно роль защитника своей родной земли. Ни испанские *guerilleros*, ни русские партизаны 1812 г. не помышляли о перенесении войны на территорию Франции. Только тогда, когда партизан превращается в подручное средство на службе глобального революционного движения, он утрачивает свой теллурический характер. Это происходит потому, что теперь он стремится не к освобождению родной земли, но к уничтожению абсолютного врага. Там же, где партизан не покидает пределы своей собственной территории, его ограниченная *политическая* цель, т. е. освобождение страны, выступает в роли фактора,

сдерживающего потенциал враждебности, характерный для войны и не дающий ему принять абсолютных форм.

Поэтому, как пишет Шмитт, «враг партизана — действительный, но не абсолютный враг. Это следует из политического характера партизана. Другая граница вражды явствует из теллурического характера партизана. Он защищает участок земли, с которым он автохтонно связан. Его основная позиция остается оборонительной, несмотря на возросшую подвижность его тактики»⁶³. Однако в тот самый момент, когда область действия партизана отрывается от его родной земли, от конкретного местоположения (*Ortung*), он теряет свой автохтонный характер и превращается в орудие на службе у «заинтересованной третьей силы». В XX в. в ее роли обычно выступает тоталитарная партия, которая, — в качестве современной формы политической организации, — располагает наибольшими шансами на интеграцию партизана в перспективу своей революционной борьбы. «Революционная война, — пишет Шмитт, — предполагает принадлежность к революционной партии и тотальный охват. Иные группы и союзы, в особенности — современное государство, — уже не могут столь тотально интегрировать в себя своих членов и подданных, как революционно борющаяся партия охватывает своих активистов. В обширной дискуссии о так называемом тотальном государстве еще не стало окончательно ясно, что сегодня не

⁶³ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 93.*

государство как таковое, но революционная *партия* как таковая представляет собой настоящую и по сути дела единственную тоталитарную организацию»⁶⁴.

Тем не менее было бы совершенно неверно утверждать, что такая служба партизана «третьей заинтересованной силе» в лице тоталитарной партии является для него чем-то противоестественным. Современный партизан по самому своему существу является тоталитарной фигурой, экзистенциально всецело поглощенной своей борьбой и находящейся всякого оберегания. Он «не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады»⁶⁵. Именно поэтому современный партизан и мог быть полностью поглощен партиями — по Шмитту, единственно подлинно тоталитарными организациями XX века. Партии, как принципиально современные формы политической организации и политической борьбы, на протяжении всего этого периода играли роль превосходного средства тотальной мобилизации партизана. В то же самое время это могло означать для него полную потерю легитимности, поскольку, приобретая неограниченную мобильность, партизан одновременно утрачивал связь со своей родной землей и тем самым и свою *единственную* форму легитимности.

После всего вышесказанного складывается впечатление, что позиция, занятая Шмиттом по вопросу о легитимности партизана в современную

⁶⁴ Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 21–22.

⁶⁵ Ibid. S. 17.

эпоху, не свободна от внутренних противоречий. Остается непонятым, чем, собственно говоря, объясняется различие между действительным и абсолютным врагом, за исключением связи с определенной территорией? В самом деле, Шмитт утверждает, что только связь партизана с территорией и населением накладывает определенные ограничения на партизанскую войну, не позволяя действительному врагу партизана превратиться в его абсолютного врага. В то же самое время он сам приходит к заключению, что партизанская война создает новую форму политического пространства. Теперь полем боя служит уже не открытое море или открытое поле, где противники сходятся как соперники на рыцарском турнире или на дуэли, но «другое, более темное измерение, измерение глубины, в котором носимая напоказ униформа становится смертельно опасной»⁶⁶. Более того, как подчеркивает Шмитт, «индустриально-технический прогресс вместе с пространственными структурами изменяет и порядки пространства. Ибо право есть единство порядка и местоположения <Ordnung und Ortung>, тогда как проблема партизана есть проблема отношения регулярной и иррегулярной борьбы»⁶⁷. Очевидно, однако, что в этих новых порядках пространства и вопрос о характере партизанской войны и легитимности партизана будет ставиться иначе, нежели он ставился применительно к борьбе партизан XIX в. и первой

⁶⁶ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 72–73.*

⁶⁷ *Ibid. S. 72.*

половины XX в., не говоря уже о возможности развертывания партизанской войны в космосе, что также не исключалось Шмиттом. Кроме того, не следует забывать, что «заинтересованная третья сила» в изображении самого Шмитта также выполняет функцию легитимации партизана, посредством которой иррегулярность партизана связывается с регулярностью государства и получает признание, зачастую даже международное, позволяющее партизану оставаться в области политического, а не скатываться в криминальную плоскость. «Могущественный третий, — пишет Шмитт, — поставляет не только оружие и боеприпасы, деньги, материальную помощь и всякого рода медикаменты, он создает и разновидность политического признания, в котором нуждается иррегулярно борющийся партизан, чтобы не опуститься, подобно разбойнику и пирату, в Неполитическое, это значит здесь: в криминальное. С расчетом на далекое будущее иррегулярное должно легитимироваться по регулярному; а для этого у нерегулярного есть только две возможности: признание наличного регулярного или осуществление новой регулярности собственными силами»⁶⁸.

Неясно также, почему коммунистическая идеология не могла дать определения действительного врага, но неизбежно вела к определению абсолютного врага, если только не предположить, что Шмитт вообще не считал классовое деление общества фактором, способным при определен-

⁶⁸ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 78.*

ных условиях приводить к разделению людей на группы друзей и врагов и к политической борьбе между ними. Это предположение, однако, явно противоречит тому, что он говорит в «Понятии политического». Здесь Шмитт вполне определенно заявляет, что классовая поляризация общества, будучи социально-экономической по своему происхождению, может, тем не менее, при достижении ею определенной степени интенсивности, служить критерием политического разделения людей на группы по линии «друг — враг». В частности, Шмитт подчеркивал, что «момент политического и тем самым качественно новая интенсивность человеческого разделения на группы достигается, исходя из любой «предметной области». В собственном смысле случаем применения этого положения является в XIX в. экономическое: в «автономной», якобы политически нейтральной предметной области — «хозяйстве» постоянно происходил такой скачок, т. е. такая политизация прежде неполитического и чисто «предметного»; здесь, например, экономическое владение становилось, если оно достигало определенного количества, явно «социальной» (правильнее: политической) силой, [...] классовая противоположность, которая первоначально была лишь экономически мотивированной, становилась классовой борьбой враждебных групп»⁶⁹. В другом месте «Понятия политического» Шмитт

⁶⁹ Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Вопросы социологии. М., 1992. № 1. С. 58.

высказывается на этот счет еще более определенным образом, что также, как представляется, подтверждает нашу точку зрения: «Всякая религиозная, моральная, экономическая, этническая или иная противоположность, — пишет здесь Шмитт, — превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов. Политическое заключено не в самой борьбе, которая опять-таки имеет свои собственные технические, психологические и военные законы, но [...] в определяемом этой реальной возможностью поведении, в ясном познании определяемой ею собственной ситуации и в задаче правильно различать друга и врага. [...] «Класс» в марксистском смысле слова перестает быть чем-то чисто экономическим и становится величиной политической, если достигает этой критической точки, то есть принимает всерьез классовую «борьбу», рассматривает классового противника как действительного врага и борется против него, будь то как государство против государства, будь то внутри государства в гражданской войне. Тогда действительная борьба необходимым образом разыгрывается уже не по экономическим законам, но — наряду с методами борьбы в узком техническом смысле — имеет свою политическую необходимость и ориентацию, коалиции, компромиссы и т. д.»⁷⁰.

Не менее опасным, чем потеря партизаном легитимности из-за утраты связи с определенной

⁷⁰ Шмитт К. Понятие политического. С. 45.

территорией и населением, представлялось Шмитту и подчинение партизана техницистской идеологии, что в условиях «всемирной гражданской войны» (1917–1991) приводит к его превращению в техника «холодной войны». В этом случае на место партизана заступают такие специфические фигуры, как шпионы, диверсанты и вредители. Следствием превращения партизана в техника «холодной войны» является такое преобразование самого понятия партизана, которое влечет за собой утрату его существенно оборонительного характера и превращает его в простое техническое средство на службе у противоборствующих военно-политических блоков. С изменением понятия партизана кардинально меняется и пространство войны, поскольку «к узкому пространству открытого террора добавляются дальнейшие пространства ненадежности, страха и всеобщего недоверия»⁷¹, своего рода «ландшафт измены», — выражение, которое Шмитт заимствовал из одноименной книги писательницы Маргрет Бовери, с которой он в 1950-е гг. состоял в эпизодической переписке⁷².

Эти две линии радикальной трансформации фигуры партизана, связанные с его идеологическим программированием и техническим совершенствованием его средств борьбы, в современных условиях сходятся воедино в фигуре «заинтересованной третьей силы», которая как

⁷¹ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 76.*

⁷² См.: *Boveri M. In der Landschaft der Verrats. Hamburg: Rowohlt, 1956.*

руководит партизаном идейно и организационно, так и снабжает его новейшими техническими средствами ведения войны. «В той мере, в какой партизан моторизируется, — пишет Шмитт, — он утрачивает почву, и растет его зависимость от индустриально-технических средств, в которых он нуждается для своей борьбы. Тем самым возрастает также власть заинтересованного третьего, так что она, в конце концов, достигает планетарных масштабов. Все аспекты, в которых мы до сих пор рассматривали сегодняшнее партизанство, как будто бы тем самым растворяются во всепобеждающем техническом аспекте»⁷³. Подобный поворот событий ставит в повестку дня вопрос о судьбе партизана в технотронную эпоху.

По большому счету, Шмитт предусматривал единственный вариант, при котором партизан мог бы исчезнуть из современного мира в качестве фигуры мировой истории. Только если мир станет полностью контролируемым в техническом отношении и тотально управляемым в политическом, — только в этом случае партизану точно не останется в нем места. «Если без остатка была бы осуществлена внутренняя, по оптимистическому мнению, имманентная рациональность и регулярность технически насквозь организованного мира, — пишет он, — то партизан, быть может, уже не являлся бы возмутителем спокойствия. Тогда он просто исчезает сам собою в бесперебойном выполнении технически-функциональных процессов, не иначе, как собака с ав-

⁷³ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 78–79.*

тострады»⁷⁴. Все остальные варианты исчезновения партизана с арены мировой политики представляются ему маловероятными. Однако и технократический, выглядевший наиболее реалистическим сценарий исчезновения партизана из мира современной политики имел, по Шмитту, не слишком высокие шансы на успех. Он весьма обоснованно сомневался в том, что в будущем технизированному и тотально управляемому миру будет под силу свести на нет то чувство враждебности, которое ассоциируется с партизаном. Всем своим анализом проблемы партизана с XVIII по XX вв. Шмитт подводил своего читателя к выводу, что эволюция партизана и иррегулярной войны в этот период привела к трансформации действительного врага в абсолютного врага, а иррегулярных войн — в еще более интенсивную форму враждебности. «Кто предотвратит то, — спрашивает Шмитт, — что аналогичным, но еще бесконечно усилившимся образом неожиданно возникнут новые разновидности вражды, осуществление которых вызовет нежданные формы нового партизанства?»⁷⁵ Это пророчество Шмитта сбылось. Крушение советского коммунизма и прекращение конфликта по линии Восток — Запад в форме «всемирной гражданской войны» привело не к концу истории, как полагали многие либерально настроенные интеллектуалы на воле эйфории 1989–1991 гг., но к новым взрывам вражды, которые по своей

⁷⁴ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 80.*

⁷⁵ *Ibid. S. 96.*

иррегулярности, абсолютности и интенсивности существенно превзошли партизанские войны прошлого.

VII

Эти последние соображения вплотную подводят нас к вопросу о том, насколько теория партизана Шмитта, разработанная немецким мыслителем в 1960-е гг., актуальна в наши дни? На наш взгляд, теоретический потенциал теории партизана Шмитта отнюдь не исчерпан, причем, будучи взята в более широком контексте, партизанская война в понимании Шмитта может рассматриваться как частный пример современной «асимметричной» войны. Наступление XXI в. не только принесло с собой новую расстановку сил в мире и изменение формата международных отношений, но и способствовало появлению феномена «новых войн», т. е. войн нового типа, существенно отличающихся от прежних классических войн. Эти «новые войны» отличаются двумя характерными чертами, первая из которых заключена в их асимметричном характере, вторая же — в феномене приватизации насилия, связанном с утратой суверенными национальными государствами исключительного права на легитимное применение вооруженной силы⁷⁶.

⁷⁶ По поводу феномена «новых войн» см.: *Ван Кревельд М.* Трансформация войны [1999]. М.: ИРИСЭН, 2005; *Kaldor M.* Neue und Alte Kriege. Frankfurt a. M., 2000; *Münkler H.* Die Neue Kriege. Reinbeck bei Hamburg, 2002. В отечественной литературе данная проблематика рассматривается, в частности,

В современную эпоху, т. е. в период с XVII по XX вв., европейская и мировая история знала прежде всего классический тип войны, главными субъектами которой являлись европейские национальные государства. В рамках этой военно-политической модели государство представляло собой главную движущую силу войны, оно выступало в роли субъекта, наделенного *jus belli*, т. е. правом объявления и ведения войны, и оно же завершало ее заключением мирного договора или соглашения, выполнение которого было обязательно для всех участвовавших в войне сторон. Суверенное государство и его регулярные вооруженные силы выступали здесь в роли как политических, так и военных монополистов войны. Кроме того, сам классический тип ведения войны сохраняет свою силу до тех пор, пока выполняются определенные базисные условия, делающие сам этот тип войны возможным. Речь идет прежде всего о наличии четкой границы между состоянием войны и состоянием мира, от которой зависят все остальные различия, определяющие формат классической войны, — между военными и гражданскими лицами, между войной на суше и войной на море, между фронтом и тылом, между оправданным применением военной силы и военными преступлениями и т. д.

В настоящее время характер современной войны кардинальным образом изменяется. В основе этого изменения лежит переход от войн между су-

в статье: *Куренной В.* Война, терроризм и Медиа // Прогнозис. 2006. № 1. С. 276–312.

веренными национальными государствами к новым транснациональным войнам, которые в отличие от войн классического типа являются асимметричными войнами. К числу последних наряду с партизанскими и гражданскими войнами относятся также войны за отделение и самоопределение, войны за контроль над ресурсами. Классическая межгосударственная война — это война симметричного типа, характеризуемая примерным равенством сил противоборствующих сторон и сходством организации и подготовки участвующих в боевых действиях вооруженных сил. Если выводить за скобки колониальные войны, которые европейские державы вели в неевропейском мире, то войны двух последних столетий — это войны, которые велись массовыми регулярными армиями, комплектуемыми на основе системы всеобщей воинской повинности и примерно одинаково обученными, вооруженными и организованными. Главными особенностями стратегии подобной симметричной войны являются концентрация сил и средств в определенных точках пространства, служащих направлениями главного удара, и расчет на генеральное сражение, призванное решить исход войны.

При том что в асимметричных войнах, получивших широкое распространение в конце XX в., можно найти много общего с классическим типом симметричной войны, в главном они разительно отличаются друг от друга. Для асимметричной войны прежде всего характерен феномен приватизации насилия. Это означает, что по крайней мере один из участников асимметричной войны пред-

ставляет собой не суверенное национальное государство, но частное лицо, будь то партизанское движение, террористическая группа или же структуры организованной преступности. В свою очередь, неравенство противоборствующих сторон, принимающих участие в войнах «нового типа», влечет за собой асимметрию средств ведения войны, а также асимметрию интересов и типов рациональности, лежащих в основе войны. Не менее важным аспектом асимметричной войны является то, что в ней нет сражений, а также не бывает решающего сражения, определяющего исход войны. Место сражений в асимметричной войне занимают массовые убийства, прежде всего гражданского населения, с помощью которых одна из противоборствующих сторон пытается лишить другую воли к сопротивлению. Классическое военное право, основанное на различии военных и гражданских лиц, а также на идее войны как дуэли между противоборствующими сторонами, постепенно уходит в прошлое. Напротив, методы ведения войны, приводящие к массовому уничтожению гражданского населения, в современных асимметричных войнах становятся доминантной формой применения насилия.

Наконец, современные асимметричные войны — это, как правило, войны низкой интенсивности. Для «новых войн» характерны не генеральные сражения, решающие судьбы войны, но затяжные боевые действия низкой интенсивности, рассчитанные на изматывание и деморализацию врага. Генеральное сражение было кульминационной точкой симметричной войны, оно, по

словам Клаузевица, было измерением духовных и телесных сил противоборствующих сторон при помощи последних, т. е. телесных сил. В сражении решался исход войны и подготавливался будущий мир. Совсем наоборот обстоит дело с массовыми убийствами гражданского населения как характерной чертой асимметричных войн. Вместо того, чтобы подталкивать противоборствующие стороны к миру, они только разжигают чувство мести у пострадавшей стороны и толкают ее на применение ответных мер, еще туже закручивая тем самым спираль насилия, которая в этом случае уже не ограничивается только непосредственно участвующими в боевых действиях лицами, но пронизывает собою все общество. При этом эффект постоянной эскалации насилия, направленного прежде всего не на уничтожение живой силы противника как таковой, а на его деморализацию и лишение воли к сопротивлению, значительно усиливается тиражированием образов массового террора через средства массовой информации.

Завершение эры классических межгосударственных войн и появление феномена «новых войн» не могло не повлечь за собой и существенных изменений в теории и практике партизанской войны. Последняя рождается в Европе как асимметричное средство реакции на эпоху революционных и наполеоновских войн, породивших массовые армии нового типа. В этих условиях партизанская, или народная, война, как называет ее Клаузевиц, давала превосходное оружие в руки тех народов, которые не могли на равных соперничать с армиями Наполеона в открытых сра-

жениях на поле боя. Партизанская борьба как новый, современный тип войны обеспечивала те народы, которые решались воспользоваться ее потенциалом, мощнейшим оружием, многократно увеличивавшим шансы на победу слабейшей стороны в неравной борьбе с более сильным и организованным противником. Более того, в определенных обстоятельствах, как в Пруссии в 1806 г. и Испании в 1808 г., обращение к партизанской войне оказывалось последним средством побежденной стороны. Особую роль при этом был призван сыграть моральный фактор, позволяющий использовать в борьбе патриотические и религиозные чувства ее участников. Как подчеркивал Клаузевиц, партизанская война есть продукт сочетания двух важнейших факторов: имеющихся в распоряжении партизан средств ведения борьбы и их воли к сопротивлению. Что касается средств ведения борьбы, то в этом плане партизаны, как правило, уступают своему противнику. Эта асимметричность используемых на партизанской войне сил и средств должна быть со стороны партизан компенсирована большей силой воли, т. е. моральным фактором. Существенная часть сил, писал Клаузевиц о партизанской войне, «а именно — элементы моральные обретают свое бытие лишь при такого рода употреблении этих сил»⁷⁷. Именно так Клаузевиц ставит и решает проблему асимметричной войны. В свою очередь, моральный фактор, определяемый силой воли к сопротивлению, является результатом интенсивного чувства вра-

⁷⁷ *Клаузевиц К.* О войне: В 2 т. Т. 2. С. 198.

ждебности, испытываемого партизаном по отношению к своему действительному врагу.

Если с этой точки зрения посмотреть на роль и место партизан в современных асимметричных войнах, то первое, что обращает на себя внимание — это то, что в войнах и вооруженных конфликтах, развернувшихся после окончания «холодной войны», международный террорист в качестве новой фигуры «мирового духа» значительно потеснил партизана в пространстве войны⁷⁸. Действительно, в условиях антиколониальных и национально-освободительных войн, пик расцвета которых пришелся на 1950–1960 гг. — время создания Шмиттом «Теории партизана», — партизанская война в глазах ее участников выглядела наиболее эффективным средством избавления от колониальной зависимости, обретения политической независимости и создания новых социальных структур. При этом, однако, партизанская война основана на использовании оборонительной стратегии; только в том случае, когда в одном лице объединяются партизан и профессиональный революционер, она превращается в наступательную стратегию ленинского типа. Тем не менее и эта последняя с прекращением состояния «всемирной гражданской войны» (1917–1991) отходит на задний план. Напротив, для конца XX в. характерно распространение терроризма как мас-

⁷⁸ См. об этом, в частности: *Mair S.* The New World of Privatized Violence // *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2003. № 3. S. 11—28; *Münkler H.* Die Neue Kriege // *Bürger im Staat*. 2004. Н. 4. S. 179—184.

штабной военно-политической стратегии, перед которой, как показывают события 11 сентября 2001 г., оказалась уязвимой даже единственная сверхдержава современности. Подобно партизанской войне, терроризм представляет собой военно-политическую стратегию асимметричного типа, при помощи которой более слабая сторона, существенно уступающая своему противнику в военно-техническом отношении, стремится добиться своих целей при помощи асимметричного применения насилия. Кроме того, партизан и террористов объединяет и то, что как первые, так и вторые путем использования асимметричных методов борьбы пытаются добиться решения именно политических задач и достижения субстанциальных политических целей. На этом, однако, сходство между партизанами и террористами заканчивается и, напротив, на первый план выходят серьезные различия. Прежде всего, в отличие от оборонительной стратегии, которая преобладает в партизанской войне, терроризм носит существенно наступательный характер; он переносит боевые действия на территорию противника, чего, как правило, не делает партизан. Различия между партизанской войной и терроризмом касаются также выбора противника, с которым ведется борьба, и, соответственно, целей для нападения. Если главной целью ударов партизанского движения являются представители оккупационных вооруженных сил, а также их союзники из числа местного населения в органах власти и полицейских формированиях, то главной мишенью террористов обычно служит гражданское население. Об-

ласть действия партизан обычно носит территориально ограниченный характер и нацелена, как правило, на установление полноценного военно-политического контроля над определенной территорией. В этом, как справедливо подчеркивал Карл Шмитт, находит свое отчетливое проявление теллурический характер классического партизана. Напротив, деятельность транснациональных террористических сетей охватывает весь земной шар. Партизанская война нуждается в помощи и поддержке со стороны местного гражданского населения. Она может успешно развиваться только там, где партизаны опираются на поддержку большинства населения. Там, где они такой поддержки изначально не имеют или же утрачивают ее в результате собственных ошибок или в результате действий своих противников, они терпят поражение. В случае с террористами все обстоит совершенно иначе: вместо поддержки населения той области, в которой они действуют, они используют гражданскую инфраструктуру страны противника. Авиалинии, транспортные узлы, системы коммуникации, средства массовой информации, центры досуга и отдыха — все это для террористов служит как средствами, так и целями их атак. Однако главной целью террористов является психологическая деморализация, призванная сломить волю правящей элиты и населения страны, которая служит объектом их террористических атак.

Наконец, партизаны обычно пытаются заменить монополию государства на использование насилия на свою собственную, тогда как террористы обычно сосуществуют с этой монополией, а

иногда даже предполагают ее. Партизанское движение, как показывает Шмитт, всегда представляет собой новое государство и новую армию *in nuce*. Более того, чтобы не скатиться к банальной уголовщине, оно нуждается в признании со стороны «заинтересованной третьей стороны», благодаря которой иррегулярность партизан связывается с регулярностью государства и получает международное признание. Таким образом, иррегулярность партизана старого типа всегда носила относительный характер и в благоприятных условиях имела тенденцию превращаться в регулярность государства и армии. Напротив, для современного терроризма совершенно не характерна связь с каким-либо государством. По самим особенностям своей организации террористические ячейки носят «сетевой» характер и не имеют привязки к определенной территории, населению или классическим формам регулярности в виде государства или армии.

Таким образом, в отличие от партизан современные террористы не знают ни территориальных ограничений, ни различия между военными и гражданским населением. В равной степени не нуждаются они и в поддержке гражданского населения, с успехом заменяя его использованием террористическими ячейками ресурсов и инфраструктуры, предоставляемых страной противника. Точно так же не стремятся они и к созданию государства в какой-либо одной, отдельно взятой стране, что не в последнюю очередь объясняется отсутствием у них устойчивых связей с территорией и населением. Более того, для современного

террориста, особенно вовлеченного во всемирный джихад против «неверных», характерны предельная интенсификация политической вовлеченности, равно как и крайняя степень абсолютизации чувства враждебности к врагу. Эта предельная интенсификация чувства враждебности, проистекающая у современных исламских террористов из религиозной мотивации их деятельности, а также из отсутствия у них связи с определенной территорией, т. е. теллурического характера, с неизбежностью приводит к абсолютной войне.

В силу отсутствия связи с территорией и населением, современный террорист становится более мобильным и менее уязвимым, чем партизан, что служит дополнительным фактором, повышающим его боеспособность, наряду с высокой степенью политической вовлеченности, продиктованной религиозной мотивацией. Чувство враждебности, которое современный террорист испытывает к своим врагам, значительно выше, чем у традиционного партизана. Кроме того, следует помнить и о том, что современный террорист носит не теллурический, а глобальный характер. В случае необходимости он может нанести удар по врагу в любой подходящей для этого точке земного шара.

Если теперь от этой краткой характеристики современного терроризма как военно-политической стратегии ведения асимметричной войны нового типа вернуться к предсказаниям Шмитта относительно будущего партизанской войны, то нетрудно будет заметить, что последние страницы

«Теории партизана» справедливо выражают глубокий пессимизм Шмитта относительно тенденции к абсолютизации врага, враждебности и войны в будущем. Предсказывая появление новых типов противостояния в современном мире, в том числе и продиктованных борьбой за высшие ценности и идеалы, Шмитт писал: «Вражда станет настолько страшной, что, вероятно, нельзя будет больше говорить о враге или вражде, и обе эти вещи даже с соблюдением всех правил прежде будут запрещены и прокляты до того, как сможет начаться дело уничтожения. Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно никакая цена не является чрезмерно высокой. Лишь отрицание действительной вражды открывает свободный путь для абсолютной вражды, которая займется делом уничтожения»⁷⁹.

В дополнение к тирании ценностей, которая начинает играть все более определяющее значение в современных войнах, Шмитт указывает на еще один момент, характерный для современной войны, а именно на отсутствие связи «новых» субъектов войны с государством, т. е. с главной формой политического в современную эпоху. Шмитт постоянно напоминает нам о том, что современное национальное государство и международное европейское право сыграли колоссальную роль в оберегании и гуманизации войны, прежде

⁷⁹ *Schmitt C. Theorie des Partisanen. S. 95–96.*

всего потому, что они правильно конституировали ее субъекты. В настоящее время, однако, эти факторы утрачивают свое значение. Речь идет как о том, что в условиях «всемирной гражданской войны» (1917–1991) современное государство перестает быть главным субъектом и последней инстанцией политического, так и о том, что с распространением действия европейского международного права на неевропейские страны и народы меняется не только его область действия, но и сама его понятийная структура, что влечет за собой далеко идущие последствия, связанные с утратой Европой статуса международно-правового центра Земли. Шмитт обращает особое внимание на это обстоятельство в работе «*Номос Земли*»: «Без всякого критического восприятия, — пишет он здесь, — и даже совершенно ничего не подозревая, европейское учение о международном праве в конце XIX в. утратило сознание пространственной структуры своего прежнего порядка. Оно чрезвычайно наивно считало победой европейского международного права становящийся все более обширным, все более поверхностным и все более внешним процесс универсализации. Устранение Европы из международно-правового центра земли оно считало возвышением Европы в этом центре»⁸⁰. Таким образом, переход от симметричных войн суверенных европейских государств к транснациональным войнам, в которых в качестве привилегированной военно-политической стратегии использует-

⁸⁰ *Schmitt C. Der Nomos der Erde* [1950]. S. 206.

ТИМОФЕЙ ДМИТРИЕВ

ся терроризм, может рассматриваться как еще один шаг на пути к окончательному распаду *jus publicum europaeum*. Такой поворот событий снова ставит на повестку дня проблему понятия политического, вопрос о действительном враге и новом номосе Земли, который был положен Шмиттом в основу своей «Теории партизана».

Тимофей Дмитриев

В издательской группе «ПРАКСИС»
вышла в свет:

АЛЕКСАНДР КОЖЕВ

ПОНЯТИЕ ВЛАСТИ

Книга известного французского философа русского происхождения Александра Кожева посвящена исследованию феномена власти и разработке его основополагающих типологий. Эта работа, написанная автором в 1942 году, была впервые опубликована во Франции только в 2004 году. На русском языке публикуется впервые.

В издательской группе «ПРАКСИС»
вышла в свет:

ОТФРИД ХЕФФЕ

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ:
ФИЛОСОФСКОЕ ВВЕДЕНИЕ**

Книга немецкого политического философа посвящена рассмотрению одной из основных категорий философского, политического и юридического мышления — справедливости. В своей работе, выполненной в широко распространенном в современной литературе жанре философского введения, Хеффе прослеживает историю возникновения и развития идеи справедливости, признаваемой им ключевой для западной этико-политической традиции, а также подробно рассматривает современные подходы и дискуссии по проблеме.

Карл Шмитт

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА

Перевод с нем. *Ю. Ю. Коринца*
Оформление обложки *А. Кулагина*
Макет и верстка *А. З. Бернштейн*
Корректор *Е. В. Феоктистова*

Издательская группа «Праксис»
ИД № 02495 от 03.10.2000

Подписано в печать 27.11.2007. Формат 84 × 108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Тираж 2000 экз. Заказ 3198

ООО «Издательская и консалтинговая группа „ПРАКСИС“»
127486, Москва, Коровинское шоссе, д. 9, корп. 2
<http://www.praxis.su>
<http://www.politizdat.ru>
e-mail: praxis@hotbox.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ISBN 978-5-901574-66-9

Во все времена человечество вело множество войн и битв; во все времена существовали правила ведения войны и правила ведения боя, и вследствие этого также нарушения правил и пренебрежение правилами. В особенности во все времена разложения, к примеру, в период Тридцатилетней войны на

немецкой земле, затем во всех гражданских и колониальных войнах мировой истории снова и снова обнаруживаются явления, которые можно назвать партизанскими.

Современный партизан не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады. Он отвратился от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в сферу иной, настоящей вражды, которая возрастает на пути террора и ответного террора вплоть до истребления.

Теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и название вещей своими именами.

Теория партизана выливается в понятие политического, в вопрос о действительном враге и о новом номосе Земли.

Карл Шмитт